

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№92, Декабрь 2022
(Часть 16)

Самара, 2022

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №92, Декабрь 2022 (Часть 16) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2022 - 116 с.

doi: 10.18411/trnio-12-2022-p16

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович

Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович

Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич

Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна

Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович

Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич

Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна

Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна

Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы

Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич

Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна

Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна

Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна

Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна

Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна

Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич

Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна

Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна

Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович

Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна

Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович

Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна

Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы

Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденов Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ XXXIV. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА	7
Абдукадырова Т.Т. Концепт как лингвокогнитивная и лингвокультурологическая ментальная единица	7
Абдукадырова Т.Т. Политическая лингвистика как теоретическая база и основа изучения политического дискурса	10
Абдукадырова Т.Т. Функциональные особенности пролептических конструкций в процессе порождения связного спонтанного общения	13
Алимханова М.Х. Коммуникативная роль тактики смягчения категоричности отказа и в немецком языке	16
Андиш И.Б., Бекетова С.В., Тоцкая О.В. Когнитивная функция концептуальной метафоры и ее методологические основания	20
Арсаханова М. А.-Х., Гацаева А.Б. Особенности молодежной сленговой лексики	24
Арсаханова М. А.-Х. Немецкие фразеологизмы с компонентом цветообозначения	27
Арсаханова М. А.-Х. Специфика перевода художественного текста	30
Афонская М.Н., Егорова К.Г. Особенности корейской оноματοпоэтической лексики в креолизованных текстах (на материале вебтуна «Операция: настоящая любовь»)	33
Ачох Б.Д. Выразительные начала повествовательного монолога в эпической поэзии	35
Ачох Б.Д. Народная самобытность героических сюжетов горской поэзии северокавказских писателей	38
Дзахова В.Т., Бязрова З.А. Фразеологизмы как отражение культурной информации (на материале немецкого и русского языков)	41
Жуков А.А. Проблема перевода аллюзий в заголовках статей англоязычных публицистических изданий	44
Захарова Д.И., Степанова З.Б. Синтаксические функции эмотивных оноματοпоэтических слов японского языка	47
Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф. О грамматическом выражении модальности намерения в башкирском языке	50
Комарова Е.Ю., Сазонова Е.Д., Вельдина Ю.В. Особенности перевода поэтического текста «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера	53
Комарова Е.Ю., Чигирева М.М., Вельдина Ю.В. Анализ перевода староанглийской поэзии (на примере «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера)	56
Корякина В.А., Егорова К.Г. Лексико-грамматические особенности при переводе корейского вебтуна «Ветролом» на русский язык	58
Кривицкая А.А. Репрезентация концептов «right» и «law» в англоязычном юридическом медиадискурсе	61
Кривошапкина М.С., Лебедева В.В. Лексико-семантическая классификация ФЕ с компонентом «нога» в корейском, русском и якутском языках	63
Кузьмина Р.П. Деривационное поле ключевых репрезентантов концепта ВЕСНА в языковой картине мира эвенов	66
Кузьмичева В.А. Когнитивные структуры знания в исследовании значений глаголов	68

Маскаева В.А., Маскаева С.А. Стилистически не оправданное использование фразеологических средств в языке мордовской прозы	71
Моргоева Л.Б. Грамматические способы выражения форм степеней сравнения в осетинском языке	73
Николаев Н.А. Сравнительный анализ использования заимствований в политических текстах на русском языке в дореволюционную и современную эпоху	77
Петров И.В., Лебедева В.В. Сопоставительный анализ национально-культурной специфики идеального человека в корейских и эвенских пословицах	81
Потапова Д.Н., Егорова К.Г. Лексико-грамматические особенности субтитров в корейских развлекательных телепрограммах	82
Ражаб Хала Языковое разнообразие как культурный феномен	86
Ражаб Хала Возможность применения типологии культурных измерений Хофстеде при анализе языковой личности российских и американских менеджеров	89
Семенова Д.Е., Степанова З.Б. Языковая репрезентация категории модальности в японском новостном дискурсе	91
Ситдилов Б.А., Рябцова Н.И. Способы образования молодежного арго во французском языке	94
Шапкарина Е.И. Имя Россия: некоторые аспекты лингво-исторического анализа	98
Шарина А.Е., Лебедева В.В. Фразеологизм как способ представления культуры в языке (на примере корейского языка)	101
Шин М.А., Кривошеева Е.И. Языковые особенности японских женских дневниковых записей эпохи Хэйан	104
Эрцикова Г.А. Орфоэпические нормы заимствованных слов в современном горномарийском языке	107
Эшиев А.М. Первичный тотем эпического сорокаплеменного Кыргыз журту	113

РАЗДЕЛ XXXIV. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА**Абдукадырова Т.Т.****Концепт как лингвокогнитивная и лингвокультурологическая ментальная единица***Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова**Чеченский государственный педагогический университет**(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-716

Аннотация

В рамках данной статьи за основу взяты точки зрения многих исследователей о том, что язык рассматривается как способ выражения мыслей и чувств личности. Кроме того, язык может восприниматься и как способ отражения национального менталитета, картины мира конкретного народа. Суть данного исследования является изучение когнитивной деятельности человека, знания которого «группируются» в его сознании в концепты, то есть, в ментальные и психические ресурсы сознания, отражающие его собственные знания и приобретенный жизненный опыт.

Ключевые слова: концепт, менталитет, лингвокогнитивный, лингвистика, лингвокультурологический,

Abstract

Within the framework of this article, the points of view of many researchers are taken as a basis that language is considered as a way of expressing thoughts and feelings of a person. In addition, language can also be perceived as a way of reflecting the national mentality, the worldview of a particular people. The essence of this research is to study the cognitive activity of a person whose knowledge is "grouped" in his consciousness into concepts, that is, into mental and mental resources of consciousness, reflecting his own knowledge and acquired life experience.

Keywords: concept, mentality, linguocognitive, linguistics, linguoculturological.

На протяжении всей истории цивилизации человек находится в постоянном процессе познания, осознания и анализа всего, что его окружает или происходит с ней.

Чрезвычайный интерес среди исследователей различных отраслей вызывает механизм усвоения, организации и хранения информации в сознании людей.

Присущие человеку когнитивные способности позволяют ему выделять из общего информационного потока необходимы детали и соотносить их с уже существующими знаниями об окружающей среде и положении вещей, а также способствуют концептуализации и категоризации действительности [3, с. 3].

Концепт, как считают большинстве исследований выступает как многоплановое и структурированное явление.

А. А. Селиванова определяет концепт как «информационную структуру сознания, что имеет определенную организацию и является встроенной в коллективное или индивидуальное сознание» [4, с. 17].

Кроме того, в некоторых научных исследованиях концепт характеризуется наличием диффузной, то есть подвижной и нежесткой структуры.

Таким образом, концепт, эволюционирует с течением времени, отражая изменения в мировосприятии людей.

Лингвокультурный подход к изучению концептов не отрицает их ментальной природы, но особый акцент в исследователи делают на специфические этнические, или культурномаркированные компоненты концептов.

Как отмечает Ю. Д. Апресян, формирование концептов осуществляется под влиянием традиций, фольклора, жизненного опыта, религии, образов искусства, системы ценностей и ощущений [2, с. 21].

Базовые характеристики лингвокультурных концептов выдвигаются в научных трудах В. И. Карасика и И. А. Стернина [3; 7], проанализировать которые, мы можем обобщить и выделить следующие:

- 1) комплексность (возможность трактовки концептов не только лингвальными средствами, но и образами искусства, что вместе с языком являются компонентами культуры);
- 2) ментальность (именно в ментальной плоскости осуществляется взаимодействие языка и культуры, следовательно, любое лингвокультурологическое исследование является одновременно и когнитивным);
- 3) ценность (доминирование ценностного компонента культуры);
- 4) динамичность (изменение образной и понятийной составляющих концепта под влиянием экстралингвистических факторов);
- 5) ограничение определенным количеством носителей (разделяют общечеловеческие, этнокультурные, социокультурные, микрогрупповые, индивидуальные концепты);
- 6) многомерность (сложная природа концепта, которая может быть структурирована традиционными единицами когнитивистики: фреймом, сценарием, и т. п.);
- 7) методическая открытость (возможность использования для анализа различных методов, как лингвистических, так и нелингвистических) и т.д.

По мнению А. А. Селивановой, все концепты имеют когнитивную природу, и, независимо от направления анализа, имеют культурную принадлежность [4, с. 27].

Несмотря на важность изучения природы концепта в современной лингвистике и активные исследования этого понятия, любая попытка в полной мере осознать его сущность ассоциируется с огромным количеством трактовок, которые иногда даже противоречат друг другу в том или ином аспекте, что, по нашему мнению, прежде всего обусловлено многогранностью самого понятия.

Эти противоречия, как отмечает М. А. Солдатова, вызывают неоднозначность в понимании этого понятия и создание несколько «запутанной» терминологической базы [5, с. 11]. Он считает, что звуковые оболочки слов не имеют первичной связи с обозначаемыми вещами. Они определенным образом «накладываются» человеком на вещь.

Концепт - формулировка, мыслительный образ, общее мнение, понятия, доминирующие в художественном произведении или литературоведческой статье [5, с. 21].

По мнению Н. Ф. Алефиренко, концепты образуются в процессе мысленного конструирования предметов и явлений окружающего мира и отражают содержание знаний и опыта человека, полученных в результате практической и познавательной деятельности, в виде определенных единиц, «квантов» знания [1, с. 23].

Справедливым представляется утверждение П. Хардера о том, что не все значения связаны с концептами. Как пример лингвистического значения, непосредственно в ситуации, ученый приводит приветствие. Несмотря на тот факт, что способность соответствовать, используя соответствующую речевую формулу, предусматривает внутренние механизмы распознавания и формирования интенции, такие механизмы могут запускаться в действие соответствующими стимулами. В этом случае концепт будет существовать лишь как описание факторов на метауровне. Система приветствий не требует никакой внутренней ситуативно-независимой среды [8, с. 42].

Следовательно, концепт не является идентичным лексеме, он актуализируется языковыми средствами, концепт не является изолированным и находится в постоянном взаимодействии с другими ментальными единицами.

Этническое сообщество способствует стандартизации образа, в результате которой ключевыми для понимания лингвокультурного концепта являются способы экспликации лингвоконцептуальной информации в межкультурной коммуникации, где происходит диалог культур, механизмов их интерпретации и корреляции с учетом этнических и социальных факторов.

Каждый концепт имеет определенную четкую структурную организацию, но, учитывая его ментальную природу и постоянное взаимодействие с другими концептами, необходимо заметить, что это строение является динамичным, то есть подверженным изменениям.

Человечество тяготеет к структуризации и категоризации всех своих представлений и знаний об окружающем мире. Концепт состоит из когнитивных признаков, которые могут быть упорядочены по полемому принципу. Структура ментальной единицы является прослойкой, состоящей из ядра, околоядерной зоны и периферии.

Дискретная целостность лингвокультурного концепта обусловлена особенностями организации познавательной деятельности на когнитивном и прагматическом уровнях и является результатом триадного взаимодействия составляющих [2, с. 15]:

- понятийного, который является отражением логического в познании и результатом его последовательного воплощения и «отражает категориально-признаковую структуру концепта»;
- образного в действии, являющегося психологической основой знака как лингвокогнитивного средства воздействия на реципиента и, «фиксирующего когнитивные метафоры, поддерживающие его в речевом сознании»;
- ценностного, где эмоциогенный признак является результатом ассоциативного и оценочного и который «определяет место концепта в системе аксиологических ориентиров лингвокультуры».

Речевая реализация лингвокультурного концепта в ходе межкультурной коммуникации сосредоточена на сочетании трех элементов культуры:

- национального, аккумулирующего в себе весь спектр ассоциативно-эмоционального отражения действительности на языково-мысленном уровне;
- регионального, который организует содержание высказывания, эксплицируя национальную значимость исторического опыта, территориально-локализованного этносообщества;
- индивидуального, который передает особенность номинации фрагментов мира через получение информации из речевого потока.

Это прослеживаем на трех уровнях:

1. Коммуникативном (эсплицируется кодовая система культурных традиций);
2. Интерактивном (отражается стратегия адресованности и взаимодействия интерактивных режимов коммуникации);
3. Перцептивном (прослеживаются корреляции эффектов восприятия).

Его специфичность проявляется в таких функциях, как [3, с. 268]:

- кумулятивная, фиксирующая и архивирующая накопленный опыт этносообщества;
- эмотивная, которая репрезентирует эмоциональное отношение к лингвосообществу;

Итак, в ходе межкультурной коммуникации лингвокультурный концепт интерпретирует когнитивные уровни ассоциативно-вербальной сети средствами языка на основе познавательной и мыслительной деятельности в результате вербального и невербального

общения, олицетворяющего национальный способ видения мира и формирование национального характера на основе чувственного опыта.

Выделение ценностного компонента концепта позволяет определить его как культурно значимый, что отличает его от других ментальных единиц.

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: [монография] / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Апресян Ю. Д. // Избранные труды: в 2 т. - Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. - Т. 1. - 472 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В. И. Карасик. - Волгоград: Перемена. - 2002. - 477 с.
4. Селиванова, Е. А. Когнитивная ономазиология: [монография] / Е. А. Селиванова. - Киев: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
5. Солдатова, М. А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: тр. и материалы II Междунар. Бодуэн. чтения: в 2 т. (Казань, 11–13 декаб. 2003 г.). - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. - Т. 2. - С. 110–112.
6. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / М.: Едиториал УРСС, 2005. - 312 с.
7. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. - 156 с.
8. Harder, P. Function, Cognition, and Layered Clause Structure. Cognitive Semantics: meaning and cognition / ed. by J. Allwood, P. Gardenfors. - Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. - P. 37–66.

Абдукадырова Т.Т.

Политическая лингвистика как теоретическая база и основа изучения политического дискурса

*Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
Чеченский государственный педагогический университет
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-717

Аннотация

В рамках данной статьи за основу взяты точки зрения многих исследователей о том, политическая лингвистика - отрасль лингвистики, возникшая на стыке двух самостоятельных наук - лингвистики и политологии - и является основой в сфере исследования политического дискурса. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Дискурс состоит из предложений или их фрагментов, а содержание дискурса часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса», или «дискурсным топиком».

Ключевые слова: дискурс, пропозиции, дискурсный топик, речевой прием, интерпретатор, коннотации.

Abstract

Within the framework of this article, the points of view of many researchers are taken as a basis that political linguistics is a branch of linguistics that arose at the junction of two independent sciences - linguistics and political science - and is the basis for the study of political discourse. In the linguistic literature, political discourse is presented as a multidimensional and multidimensional phenomenon, as a complex of elements forming a single whole. Discourse consists of sentences or fragments thereof, and the content of discourse is often, though not always, concentrated around some "reference" concept called "discourse topic" or "discourse topic".

Keywords: discourse, propositions, discourse topic, speech reception, interpreter, connotations.

Под дискурсом мы понимаем связную речь в совокупности с обстоятельствами ее протекания, речь во взаимосвязи с окружающей нас действительностью: с ее событийным содержанием, социальными и психологическими характеристиками участников дискурса [1, с.78].

Дискурсом также называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора. [1, с.33].

Логическое содержание отдельных предложений – компонентов дискурса – называется пропозициями; эти пропозиции связаны между собой логическими отношениями [1, с. 36].

Понимая дискурс, интерпретатор компоует элементарные пропозиции в общее значение, помещая новую информацию, содержащуюся в очередном интерпретируемом предложении, в рамки уже полученной промежуточной, или предварительной интерпретации, то есть: – устанавливает различные связи внутри текста – анафорические, семантические (типа синонимических и антонимических), референциальные (отнесение имен и описаний к объектам реального или ментального мира) отношения, функциональную перспективу (тему высказывания и то, что о ней говорится) и т.п.; – «погружает» новую информацию в тему дискурса.

В результате устраняется референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса.

Соответственно такой интерпретации воссоздается –реконструируется» – мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор создает дискурс. Этот мысленный мир включает также домысливаемые дополнительные детали и оценки.

Политический язык отличается от обычного тем, что в нем:

- «политическая лексика» терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке;
- специфичная структура дискурса – результат иногда очень своеобразных речевых приемов,
- специфична и реализация дискурса – звуковое или письменное его оформление.

Политический дискурс может рассматриваться как минимум с трех точек зрения:

- собственно филологической – как любой другой текст;
- социопсихолингвистической – при измерении эффективности для достижения скрытых или явных, – но несомненно политических – целей говорящего;
- индивидуально-герменевтической – при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах.

Совершенно очевидно, что исследование политического дискурса лежит на пересечении разных дисциплин и связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях.

Одна из этих дисциплин – политическая лингвистика – исследует, например, соотношение свойств дискурса с такими концептами, как «власть», «воздействие» и «авторитет». Политологическая лингвистика занимается микроуровнем, ее предметом являются: синтактика, семантика и прагматика политических дискурсов, инсценировка и модели интерпретации этих дискурсов.

Познание мира политики — сложный, многогранный процесс, нередко связанный с проблемой языкового моделирования политической действительности. Исходя из положения когнитивистов о том, что человеческое мышление и познание мира, в частности политического, по своей природе метафоричны, трудно переоценить роль концептуальной метафоры в процессе понимания сферы политики. Анализируя метафору, являющуюся базовым средством миромоделирования, мы имеем возможность исследовать фрагменты мира политики носителей разных культур.

В настоящее время исследование политического дискурса посредством анализа метафорических репрезентаций, наделенных характеристикой одного из мощных средств представления политического пространства и воздействия на политическое сознание общества, относится к наиболее актуальным методам современного направления лингвистических исследований в мире — когнитивной лингвистики.

Лингвополитология, или политическая лингвистика - отрасль лингвистики, возникшая на стыке двух самостоятельных наук - лингвистики и политологии - и тесно связанная с другими современными лингвистическими дисциплинами (в особенности - с прагмалингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой).

В 2003 году было опубликовано первое учебное пособие по новой дисциплине на русском языке - книга А. П. Чудинова "Политическая лингвистика". Это первая попытка в учебной литературе обобщить опыт отечественных исследователей политической коммуникации. Для характеристики политической коммуникации автор выделяет следующие антиномии:

- 1) ритуальность и информативность;
- 2) институциональность и личностный характер;
- 3) эзотеричность и общедоступность;
- 4) редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- 5) авторство и анонимность политического текста;
- 6) интертекстуальность и автономность политического текста;
- 7) агрессивность и толерантность в политической коммуникации [5,с.35].

Политический дискурс – это совокупность "всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом".

Предназначение политического дискурса - не просто "описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию" [5,с.56]. Поэтому эффективность политического дискурса следует определять относительно этой цели.

Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во "вселенную" мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, "потребителей" политического дискурса. Речь политика не всегда аргументирована и логически связна, и это неслучайно. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в пользу которой выступает говорящий, лежит в интересах адресата. Защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках.

Успех внушения во многом зависит, от качеств личности того, к кому обращена речь, например, от степени его доверчивости (так, существует патологическая доверчивость на одном полюсе и патологическая подозрительность на другом). Изменить установки адресата в нужную сторону можно, в частности, манипулируя ее композицией, например, поместив защищаемое положение в нужное место дискурса.

Следует отметить, что слов с негативными коннотациями становится значительно больше, что позволяет сделать следующий вывод: доминирование социально-политической лексики с негативным коннотационным ореолом – опасный лингвистический синдром, свидетельствующий о серьезных деформациях в социальной и нравственной жизни народа. Изменить коннотацию и модальность того или иного слова помогают эвфемизмы – слова, не имеющие ярко выраженного оценочного компонента: Так, например, «Волны дешевой патетики и навязчивого патриотизма продолжают хлестать из партийных бачков...», (АиФ № 13, 2007).

Часто слова, используемые политиками, совпадают в области денотатов, но различаются по коннотации: сепаратисты и освободители, контртеррористическая операция и война. М. Н. Эпштейн называет их прагмемами, находящимися между собой в отношениях предметной синонимии [6, с.45].

Еще пример: военные действия одной страны против другой, следствием которых становится смена власти, в зависимости можно назвать и освобождение, и вторжение, и оккупация, и агрессия, в зависимости от отношения к этому событию, т.е. от того, какая из воюющих сторон входит в "свой мир" для говорящего.

При этом создаются различия не только в области коннотации, но и в области основного значения, причем эти отличия часто выходят на первый план, соответственно, коннотативные смыслы затушевываются.

Таким образом, политик, манипулируя словами, может доказать, что "черное - это хорошо замаскированное белое, т.е. строит свое доказательство по формуле "X - это У".

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что лексическое манипулирование активно проявляет себя в политическом дискурсе или через изменение значений слов, или через выбор определенных слов для обозначения объектов.

Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений и значений одних и тех же языковых знаков, свободная замена объективного субъективным и, наоборот; акцентирование синонимических и ассоциативных связей слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются политиками. Всё это может стать в речи политиков демагогическими злоупотреблениями. Можно ли это назвать языковой игрой? Скорее всего это игры в слова, ибо слишком уж серьезен их результат.

1. Демьянков В. З. «Интерпретация политического дискурса в СМИ» // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М. Н. Володина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. с. 116-133
2. Сорокин Ю.А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М., 1999. Теория метафоры: Вступит. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.
3. Шейгал Е.И. «Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте». Язык СМИ и политика: коллективная монография / Г. Я. Солганик. Язык СМИ и политика. — М. Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. с.126
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. — М.: Флинта : Наука, 2006. — 256 с
5. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6

Абдукадырова Т.Т.

**Функциональные особенности пролептических конструкций в процессе порождения
связного спонтанного общения**

*Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
Чеченский государственный педагогический университет
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-718

Аннотация

В статье рассматриваются разные уровни языковой компетенции, которыми может обладать человек на разных этапах своего развития. Автор статьи делает акцент на том, что объектом наблюдения во всех спонтанных текстах являются так называемые пролептические конструкции, представляющие один из видов обособления. Пролептические конструкции появляются, как правило, в наиболее важных с коммуникативной точки зрения местах текста.

Ключевые слова: фреймы, дискурс, синтаксис, языковая компетенция, спонтанные тексты, конструкции.

Abstract

The article discusses the different levels of language competence that a person can possess at different stages of their development. The author of the article emphasizes that the object of observation in all spontaneous texts are the so-called proleptic constructions representing one of the types of isolation. Proleptic constructions appear, as a rule, in the most important places of the text from a communicative point of view.

Keywords: frames, discourse, syntax, language competence, spontaneous texts, constructions.

Как известно, процесс усвоения индивидом языковых знаний происходит одновременно с развитием интеллекта, с накоплением общего фонда знаний, осуществляющимися в процессе предметной и духовной деятельности человека.

Ученые установили, что развитие фонематического слуха и формирование навыков произнесения фонем родного языка начинаются на третьем месяце жизни человека и интенсивно протекают вплоть до подросткового возраста.

Овладение словарным запасом и правилами синтаксиса начинается со второго года жизни человека, к семи годам заканчивается практическое овладение лексическими и синтаксическими правилами в устной речи, а в школьном обучении происходит лишь совершенствование лексики и синтаксиса на основе письменной речи, обучения иностранному языку и любому другому предмету» [1, с.45].

Новейшие исследования показали также, что усвоение индивидом языковых знаний, в частности формирование системы взаимосвязанных фреймов, продолжается в течение всей жизни человека, к тому же интеллект человека способен к самостоятельному перераспределению и новому использованию приобретенных компонентов знания, в том числе языкового.

Интерес к изучению особенностей функционирования пролептических конструкций в спонтанной речи тем, что, по мнению некоторых авторов, основывающихся на анализе художественных произведений, такие конструкции являются характерным признаком разговорного стиля, причем особенно часто они встречаются в детской речи. Поэтому данные анализа спонтанных текстов позволят уточнить некоторые вопросы, касающиеся функционирования пролептических конструкций в речи.

Наблюдения над особенностями построения спонтанных высказываний (текстов) индивидами, обладающими разной степенью языковой компетенцией подтвердили, что, в зависимости от того, какие функции выполняет в предложении указательное местоимение, могут возникнуть три последующих варианта пролептической конструкции» [3, с.13].

А. Номинатив имени может быть сопряжен с указательным с указательным местоимением (*der, die, das, die*), выполняющим функции подлежащего, тогда наблюдается полное согласование между номинативом и указательным местоимением в роде, числе и падеже:

Und den am anderen Morgen, da bin ich noch und zu dem Bus hingegangen, also der Fuhr am nächsten Tag wieder, und da war Fahrkarte zum Glück noch drin gewesen.

Стержневым словом обособленной группы является, как правило, существительное с ярко выраженной семантикой производителя действия, часто в сопровождении притяжательного местоимения (*der Busfahrer, unsere Mathematiklehrerin u m. d.*).

Б. Номинатив имени может быть сопряжен с указательным местоимением *das*, выполняющим в предложении функции подлежащего:

Also, Patenklasse, das ist ja eigentlich auch nur für das erste Jahr, damit man sich so 'n bisschen an die Schule gewöhnen kann.

В этом варианте пролептических конструкций в качестве стержневого слова обособленной группы используются, как правило, существительные, не обладающие семантикой производителя действия. В последующем предложении обязательно присутствует связочный глагол *sein*, на основе которого строится соответствующий логико-грамматический тип предложения.

В. Номинатив имени может быть сопряжен с указательным местоимением (der, die, das, die), выполняющим в предложении функции не подлежащего, а прямого или предложного дополнения. При этом обособленный номинатив не согласован с местоимением в падеже:

Also, die Ferien, die findet ja jeder Schüler noch am schönsten.

Also, unsere Schule, mit der bin ich also ganz zufrieden.

В качестве стержневого слова в данном случае чаще всего выступает неодушевленное существительное в единственном и множественном числе.

Позицию обособленного компонента пролептических конструкций занимает обстоятельство времени (реже места), сопряженное в дальнейшем с анафорическим наречием «da». Чаще всего в качестве обособленного обстоятельства используется единичное временное наречие (einmal, auf einmal, manchmal) или существительное с предложной группой (или без нее) в сопровождении определителя (местоимения или прилагательного). В последнем случае стержневым словом обособленной группы является существительное с временной семантикой (Jahr, Tag):

Einmal, da fuhren wir mit dem Bus nach Hause...

...also auf 'm Gymnasium, da wird das alles viel ernster genommen.

В некоторых текстах нет такой жесткой регламентации. Два сопоставляемых объекта могут располагаться в обособленной части пролептических конструкций, что уменьшает, на наш взгляд, степень их противопоставленности:

Nac, das seh' ich als Nachteil an. Man sollte doch vielmehr bei solch 'ner Oberstufenreform, wie sie durchgeführt wurde, darauf sehen, dass man der Leuten Arbeitstechniken zum Beispiel an die Hand gibt, die ... mit denen sie hier an der Uni fertig werden.

Кроме того, встречаются случаи, когда противоположение объектов осуществляется другими, нежели пролептическими конструкциями, языковыми средствами, хотя с большой степенью уверенности можно сказать, что говорящие более младшего возраста использовали бы в подобных условиях пролептические конструкции.

Also, das Abitur besteht aus einer mündlichen und einer schriftlichen Prüfung.

Die schriftliche kommt zuerst, das heißt, in jedem Hauptfach – also Deutsch, Englisch, Französisch und Mathematik – schreibt man eine Arbeit.

Das vollzieht sich innerhalb von vier Tagen, nee, fünf Tagen, das heißt jeweils zwei Tage eine Arbeit, und dazwischen ist dann ein freier Tag.

Und die mündliche Prüfung kommt einige Wochen später» [4, с.27].

Пролептические конструкции появляются, как правило, в наиболее важных с коммуникативной точки зрения местах текста, а именно:

- в его начале, когда говорящий стремится сразу же обозначить тему сообщения, назвать главное действующее лицо повествования, когда следует привлечь внимание слушающего к изменению логического хода рассуждений. Так, например, как говорящий, строя связное повествование и используя пролептические конструкции в начале и середине текста, достигает коммуникативной цели, причем функция введения новой темы может совпадать с функцией логического выделения:

Einmal, da fuhren wir mit dem Bus nach Hause, und dann stiegen wir in Kalthof aus – auf einmal, da fiel mir als, ... sah ich hab' ja gar nicht meine Fahrkarte.

В описанных выше случаях оформления синтагматических связей высказывания говорящий использует пролептические конструкции целенаправленно, апеллируя к сознанию слушающего и пытаясь оказать на него определенное воздействие для достижения коммуникативной цели. Однако это только одна сторона вопроса.

Вместе с тем такие конструкции в известной мере облегчают процесс формирования связного высказывания. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, играет немаловажную роль в объяснении причин высокой употребительности пролептических конструкций в детской речи.

Наиболее наглядно эта функция пролептических конструкций проявляется в использовании конструкций с обстоятельством времени в качестве обособленного компонента. Говорящий, вынося обстоятельственный признак в обособленную позицию, использует его в качестве исходного пункта для развертывания не одного, а двух предложений, соотношенных с обособленным обстоятельством при помощи анафорического наречия «da». Причем говорящие используют этот прием не только в процессе формирования высказывания по ходу формулирования мысли, т. е. в процессе «саморедактирования»:

. ... *jeden Jahr oder jeden Halbjahr, da wird eine Schulsprecherin gewählt, eine Unterstufensprecherin und eine Oberstufensprecherin*, но и при необходимости добавления новых порций информации, когда форма складывающегося высказывания удовлетворяет говорящего:

Und manchmal, da gehen wir die Ideen aus, da weiß ich nicht mehr weiter.

Таким образом, пролептическая конструкция, выполняя в тексте важные коммуникативные функции, направленные на достижение определенных коммуникативных целей по отношению к собеседнику, является одним из структурно-семантических средств, облегчающих говорящему процесс порождения связного текста в условиях спонтанного общения. Именно по этой причине такие конструкции преобладают в детской речи.

По мере обогащения общего фонда знаний и повышения уровня языковой компетенции появляется все больше возможностей для использования тех или иных структурно-семантических средств при построении связного высказывания или текста. Соответственно соотношение этих средств в тексте может служить показателем уровня языковой компетенции индивида.

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1987. С.176.
2. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1997. С. 12-13.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Литературно-сатирические статьи. М., 1986. С.475.
4. Эйхбаум Г. Н. Обособленные члены предложения в немецком языке. Л., 1994. С.21.
5. Hiesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau, 1985. S. 147.

Алимханова М.Х.

**Коммуникативная роль тактики смягчения категоричности отказа
и в немецком языке**

*Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-719

Аннотация

В настоящей статье рассматривается понятие коммуникативного смягчения и способы его реализации в ситуации отказа, которая, являясь изначально конфликтогенной, нуждается в дополнительных средствах, способных обеспечить гармоничное развитие коммуникативного действия и минимизировать негативные последствия отказа. Далее дается обзор трактовок понятия коммуникативного смягчения, а также описываются тактики и языковые средства их выражения, служащие сохранению баланса интересов собеседников в процессе общения и разрешению возникающих конфликтов.

Ключевые слова: коммуникативные феномены, митигация, коммуниканты, наречие, речевые действия.

Abstract

This article discusses the concept of communicative mitigation and ways to implement it in a situation of refusal, which, being initially conflictogenic, needs additional means that can ensure the harmonious development of a communicative action and minimize the negative consequences of refusal. Next, an overview of the interpretations of the concept of communicative softening is given, and tactics and linguistic means of their expression are described, which serve to maintain a balance of interests of interlocutors in the process of communication and resolve emerging conflicts.

Keywords: communicative phenomena, mitigation, communicants, adverb, speech actions.

Межличностное общение людей складывается из их взаимного влияния друг на друга, из стремления в большинстве случаев развить позитивные, желательные, благоприятные отношения и устранить негативные, нежелательные, неблагоприятные, которые угрожают благополучному исходу коммуникации. Именно поэтому негативная реакция на просьбу, предложение, совет, приглашение представляет собой определенную проблему в неконфликтной речевой коммуникации. Тем не менее, несмотря на негативный посыл, отказ остается одним из средств отстаивания своей позиции, точки зрения в ситуации, когда интересы и намерения людей расходятся. В современном обществе, следуя установке на кооперативное поведение, коммуниканты, прибегая к отказу, нередко стараются смягчить или предотвратить его негативные последствия и сохранить, а также, по возможности, укрепить взаимоотношения. Установка на кооперативную коммуникацию является сегодня одним из необходимых компонентов эффективного общения [1, с. 27]. Основу такого общения составляет стремление коммуникантов к достижению соответствия речевых норм нормам этическим. В связи с этим все актуальнее становится исследование коммуникативных феноменов, интенционально ориентированных на сохранение баланса интересов собеседников в процессе общения.

Как указывалось выше, ситуация отказа зачастую сопряжена со значительным коммуникативным риском, а речевое поведение ее участников характеризуется повышенной конфликтностью и может повлечь за собой создание негативного эмоционального фона. В таком случае собеседники, будучи заинтересованы в дальнейшем сохранении коммуникативного взаимодействия и позитивной тональности общения, прибегают к стратегии коммуникативного смягчения. Как показывает материал исследования, стратегия смягчения отказа представлена в первую очередь тактиками сожаления, обоснования отказа, указания на его вынужденность и другими. Реализации тактик в рамках единой стратегии смягчения отказа служит целый ряд языковых средств. Тактика сожаления, в частности, предполагает использование слов с семантикой вежливого сожаления, чаще всего наречий, таких как *leider*, *bedauerlicherweise*, *schade*, или глаголов *bedauern*, *leid tun*. Например:

«*Ravic winkte dem Kellner. „Haben Sie Calvados?“ „Nein. Leider nicht“* [R1, с. 163]. В этой ситуации отказа говорящий использует наречие *leider* для выражения стандартного, клишированного сожаления и тем самым подчеркивает вежливое отношение к клиенту. В следующем примере автор отказа прибегает к употреблению глагола *leid tun*. Например:

«*Wie sieht es bei euch aus? Ich brauche heute noch hundert Stangen“; rief sie. „Tut mir leid, Frau Henke, ist heute absolut Essig“; sagte Hanna*» [S, с. 164]. Глагол *leid tun* выражает сожаление адресата по поводу вынужденного отказа, значительным образом снижая степень его категоричности, и тем самым элиминирует конфликтность ситуации. Подобная тактика применена и в следующем примере, в котором отказ сопровождается глаголом *bedauern* с семантикой сожаления.

«*Ihren Namen bitte!“ sagte die Frau. „Ich bin ein Freund von Doktor Martens“, erwiderte ich. „Bitte, melden Sie ihm das. In einer dringenden Angelegenheit.“ „Bedaure“, erwiderte die Frauenstimme. „Wenn Sie Ihren Namen nicht angeben, kann ich Sie nicht anmelden“* [R2, с. 49]. Для смягчения последствий собственного отказа автором активно используется тактика

обоснования, которая, указывая на причины отказа, позволяет представить его мотивированным и тем самым снизить категоричность. Например:

«*Können Sie mit mir fahren?*“ *fragt Warren. „Ich möchte Ihnen gern etwas zeigen.“ „Meine Tochter ist müde“, entgegnet mein Vater»* [Sh, с. 35]. В данном случае отказ подразумевается имплицитно и содержится в аргументативной части предложения *meine Tochter ist müde* ‘моя дочь устала’. Автор отказа приводит аргумент, который служит обоснованию отказа и одновременно указывает на обстоятельства, не зависящие от него напрямую. Таким образом, данное обоснование служит снижению напряженности ситуации отказа. Согласно материалу исследования обоснованность отказа оказывается выраженной в разной степени. Довольно часто при отказе используется тактика обоснования с четко выраженным указанием на вынужденность подобной реакции. В этом случае отказ предстает как обусловленный стечением обстоятельств, которые являются смягчающим фактором, устраняющим возможную конфликтность ситуации. В такой ситуации характерно употребление модальных глаголов *müssen, können, реже dürfen* в значениях долженствования и возможности. Например:

«*Schaust du dir nicht die Ed Sullivan Show mit uns an? Heute Abend ist Judy Garland als Gast da.*“ „*Ich kann nicht, Mutter. Ich muss meine Arbeit diese Woche abgeben*» [W, с. 114]. Здесь автор отказа апеллирует к объективным обстоятельствам, используя модальный глагол *können* в сочетании с *nicht*, который указывает на отсутствие у говорящего возможности откликнуться на предложение матери, а модальный глагол *müssen* подчеркивает вынужденность обстоятельств этого отказа, а именно необходимость выполнения работы в срок. Отказ в таком случае объективно мотивирован и позволяет продуценту представить его в максимально обоснованном виде. Вышеупомянутая тактика сожаления в большинстве случаев употребляется в комплексе с тактикой обоснования отказа. Например:

«*Schade, Linda, aber das geht leider nicht. Ich bin nächste Woche erst in Frankfurt, dann in Hamburg, um Neukunden zu akquirieren*» [W, с. 67]. В приведенном примере обе тактики, сожаления (*schade, leider*) и обоснования (*bin ... in Frankfurt, dann in Hamburg*), позволяют продуценту отказа смягчить его, сделать предельно вежливым, тактичным и таким образом сгладить неприятное воздействие отказа. Как следствие, благодаря комплексному употреблению двух тактик автору отказа удастся сохранить свой коммуникативный имидж и поддержать имидж партнера по общению. Наряду с такими активно используемыми тактиками как сожаление, обоснование отказа для смягчения отказа используется также тактика благодарности, реализации которой служат глаголы *sich bedanken, danken*, прилагательное *dankbar*, причастия *bedankt, verbunden*, существительные *Dankbarkeit, Dank*. В ситуации отказа тактика благодарности используется с целью расположить к себе собеседника, вызвать его положительную реакцию, создать благоприятный характер общения и отношений, поддержать бесконфликтное, вежливое и гармоничное общение. Подобные речевые действия содержат компонент почтительности и положительную оценку действий адресата, сигнализируя уважительное отношение к нему. Например:

«*Ach, Bridget? Sie hat ein paar Tage freigenommen. Kann Ich Ihnen helfen?*“ „*Vielen Dank, nicht nötig*“, *murmelte Lily und ging auf ihr Zimmer*» [M, с. 68]. В данном примере говорящий отказывается от предложенной помощи, используя формулу вежливости *vielen Dank* в знак благодарности за проявленное к нему участие, внимание и желание помочь. Часто в таких случаях за отказом следует и его мотив, который привносит ясность в общение и еще более усиливает смягчающий эффект. Например:

«*Einen Kaffee mit Kuchen?*“ „*Nein, danke. Ich habe gefrühstückt*» [Sh, с. 72]. Тактика благодарности в приведенном примере (*danke*) сочетается с тактикой обоснования отказа (*habe gefrühstückt*), что в совокупности делает отказ конвенционально вежливым. Еще одной довольно регулярно употребляемой тактикой смягчения отказа является тактика уклончивого ответа, выражающаяся следующими средствами: *vielleicht, später, nachher, nächstes Mal, ein andermal, ich weiß nicht* и др. Данная тактика позволяет отправителю

информации избежать прямого категоричного отказа, а также выиграть время для принятия окончательного решения. Например:

«*Ich bin Muriel McCrath. Kann ich Ihnen helfen?*» «*Ich weiß nicht so recht. Vielleicht sollte ich mich erst einmal umsehen*» [М, с. 76]. В этом примере с помощью глагола *wissen* в сочетании отрицанием *nicht* (*ich weiß nicht*) и модального слова *vielleicht* говорящий дает уклончивый ответ, имплицитно содержащий в себе отказ, что дает ему возможность управлять ситуацией общения, не принимая предложения адресанта и оставаясь при своем мнении. Данные языковые средства помогают ему «завуалировать» отказ, не нарушая норм вежливости. В некоторых случаях автор отказа, используя тактику уклончивого ответа, рассчитывает на правильную интерпретацию его отказа и ожидает понимания со стороны своего партнера по коммуникации. Например:

«Lachmann hat mir noch eine Flasche Kognak gegeben.“ Ich holte sie aus dem Mantel. Helen schüttelte den Kopf. „Später“, sagte sie mit sehr sanfter Stimme. ›Versuche zu schlafen. Wir wollen abwechselnd fahren» [R2, с. 315]. Продуцент отказа не желает принимать поступившее ему предложение и, используя наречие *später*, пытается перенести свой ответ на неопределенный срок, надеясь при этом, что собеседник правильно «прочтет» отказ и не станет прибегать к повторным уговорам.

В рамках тактики уклончивого ответа важным средством является модальное слово *vielleicht* с субъективно-модальной семантикой неуверенности. Например: «*Darf ich wenigstens manchmal in Ihr Zimmer kommen und aufräumen?*“ „*Nein.*“ „*Ich werde bestimmt nur kommen, wenn niemand auf dem Korridor ist.*“ „*Vielleicht*“, sagte der Geheimrat» [К, с. 11]. Автор отказа сомневается в том, принять ли ему поступившее предложение, и прибегает к использованию уклончивого ответа с *vielleicht*, что не выражает отказ напрямую, но имплицитно его, оставляя в то же время некоторую возможность для позитивного развития ситуации. Намного реже среди тактик смягчения встречается тактика обещания, которая в ситуации отказа может сопровождаться наречиями (*morgen*), модальными словами (*bestimmt*), предикатами: *ich denke nach*, *werde mir überlegen* и др. В таком случае отказ носит «временный» и относительный характер, и это вызывает у собеседника ощущение неоконченности отказа. Адресат отказывается выполнить просьбу или принять предложение только в определенный момент времени, так как его не вполне устраивают сложившиеся условия и обстоятельства. Но если его собеседник готов к некоторой корректировке своих намерений, то адресат согласен поддержать его и принять предложение, специальным образом сигнализируя об этом. Например:

«*Die Prüfungen sind in wenigen Monaten, Sie können es durchaus schaffen. Ich habe die Formulare für Sie mitgebracht. “Ich werde es mir noch überlegen, danke*» [ММ, с. 25]. Автор отказа не выражает его прямо, а переносит принятие своего решения на неопределенный срок (*ich werde mir überlegen*), обещая при этом подумать над предложением адресанта. Отказ подразумевается имплицитно, смягчая тем самым условия реализации коммуникативного намерения говорящего. Тактика обещания чаще встречается в сочетании с другими тактиками, в первую очередь с такими как обоснование отказа, благодарности, сожаления. Это позволяет автору отказа настроить общение на максимально вежливый и конструктивный лад, а также сохранить комфортность и позитивность во взаимоотношениях. Например:

«*Ich werde die Küste runtersegeln zu den Aborigines, die mir die Muschelbänke gezeigt haben. Wollen Sie nicht mitkommen?*», fragte Tyndall und zog die Augenbrauen hoch. „*Ich habe viel zu tun. Aber vielen Dank für das Angebot*“, erwiderte Olivia. „*Nächstes Mal komme ich sicher mit*“ [М, с. 153]. Так, в приведенном примере на предложение собеседника присоединиться к нему во время путешествия адресат отвечает отказом по причине своей занятости (*habe viel zu tun* – тактика обоснования), высказывая одновременно свою признательность (*vielen Dank* – тактика благодарности), при этом он также подчеркивает, что в следующий раз (*nächstes Mal* – тактика обещания) он с удовольствием поддержит инициативу своего собеседника. В заключение подчеркнем, что для смягчения отказа его автором активно используются

тактики сожаления, обоснования отказа, благодарности, обещания, уклончивого ответа. При этом достаточно частотны случаи комплексного использования нескольких тактик, что позволяют продуценту отказа избежать его категоричности и некооперативности и представить отказ в предельно вежливой, обоснованной форме, достигая максимального эффекта от взаимодействия тактик. Таким способом говорящий повышает как свой коммуникативный статус, так и статус своего собеседника. Набор языковых средств выражения тактик в целом весьма вариативен. Для таких тактик как сожаление, благодарность и обещание в немецком языке существуют специальные средства выражения в виде модальных слов, наречий, модальных глаголов, предикатов и др.

1. Седов, К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / отв. ред. К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 7–38.
2. Langner, M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: pragmaund soziolinguistische Untersuchungen / M. Langner. – Münster : Nodus-Publ., 1994. – 253 S.
3. Тахтарова, С.С. Пропозициональное смягчение и языковые средства его реализации / С.С. Тахтарова. – Волгоград : Вестник ВолГУ, 2009. – № 1. – С. 166–169.
4. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. / О.С. Иссерс. – Екатеринбург, 1999. – 29 с.

Андиш И.Б., Бекетова С.В., Тоцкая О.В.

Когнитивная функция концептуальной метафоры и ее методологические основания

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

(Россия, Пятигорск)

doi: 10.18411/trnio-12-2022-720

Аннотация

Теория метафоры прошла свое развитие, начиная с работ Аристотеля, до современного состояния, когда языковая парадигма стала антропоцентрической, а все языковые явления рассматриваются в непосредственной связи с человеком, его мышлением, с обществом. Метафора, проявляющая принцип аналогового мышления человека, занимает одно из центральных мест в когнитивном направлении лингвистических исследований. Когнитивная теория рассматривает метафору как средство концептуализации действительности, как базовую мыслительную операцию, объединяющую различные понятийные сферы для объяснения, характеристики и познания одной с помощью другой. В традиционных теориях (теория сравнения, семантический подход) метафора воспринималась лишь как необычное употребление слова, как сокращенное сравнение, либо исследовалась ее семантическая сторона, но не уделялось внимания причине возникновения метафоры, ее сущности, природе, механизму ее возникновения, ее роли в процессе мышления и познания. В данной статье рассматривается дальнейшее развитие теории метафоры в тесной связи с развитием когнитивной лингвистики. Практическая значимость исследования определяется тем, что метафора показана не только как явление языка, но и как одно из основных средств мышления.

Ключевые слова: создание словарного запаса; концептуализация реальности; выразительные средства речи; метафора

Abstract

The theory of metaphor has gone through its development, starting with the works of Aristotle, to the present state, when the linguistic paradigm became anthropocentric, and all linguistic phenomena are considered in direct connection with a person, his thinking, with society. The metaphor, which manifests the principle of human analogue thinking, occupies one of the central places in the cognitive direction of linguistic research. The cognitive theory explores metaphor as a means of conceptualising reality, as a basic mental operation that combines various

conceptual spheres to explain, characterise, and cognise one with the help of the other. In traditional theories (comparison theory, semantic approach) metaphor was perceived only as an unusual use of the word, as an abbreviated comparison, or investigated its semantic side, but did not pay attention to the reasons for the emergence of the metaphor, its essence, nature, its mechanisms of origin, its role in the process of thinking and cognition. The authors show that the further development of the theory of metaphor is observed in close connection with the development of cognitive linguistics. The practical significance of the research is determined by the fact that the metaphor is shown not only as a phenomenon of language, but also one of the main means of thinking.

Keywords: creation of vocabulary; conceptualisation of reality; expressive means of speech; metaphor

Метафора - одно из средств вторичной номинации, суть которой заключается в использовании слова, обозначающего определенный предмет (явление, действие, признак), для номинации другого предмета на основе сходства, вытекающего из их сравнения, сопоставления с ассоциацией. Метафора стала объектом научных исследований еще в древности. Так, античные теоретики (Аристотель, Деметрий) отмечали, что в художественной речи метафора является одним из ключевых компонентов стиля писателя, смысла его произведения. Древнегреческий философ и ученый Аристотель определял метафору как разновидность особого слова, описывая ее как способ переосмысления значения слова на основе сходства. По его мнению, метафора участвует в создании индивидуального художественного образа мира в художественном вещании, раскрывая при этом особенности творческой индивидуальности автора. Аристотелевское понимание метафоры считалось классическим: метафора была привилегией риторики и ораторского искусства. Деметрий советовал использовать метафоры, потому что они «более всего делают повествование приятным и величественным», однако, по мнению автора, они не должны быть слишком частыми, иначе «вместо описания будут похвалы».

В современной лингвистике сложилось несколько основных подходов к определению сущности метафоры как средства вторичной номинации (Горбунова, Вей, 2019). Первый подход квалифицирует метафору как лексикологический феномен. Этот подход предполагает выявление и классификацию языковых качеств метафоры (морфологических, словообразовательных, синтаксических). Здесь интерпретация метафоры строится на выделении смыслового процесса, когда форма языковой единицы или конструкция языковой категории переносится с одного обозначения предмета на другое на основе сходства между этими предметами, а производное значение языковой единицы, формируется на основе названного семантического процесса. В рамках этого подхода к интерпретации метафоры утверждалось, что он обязательно включает сравнение (Huangetal., 2013).

Сторонники второго подхода трактуют метафору как логическую операцию переноса слова-понятия из одной группы в другую. Логический подход стирает различие между метафорами языка и метафорами стиля (Подвесовский, Исаев, 2019), учит дублировать знаки с предмета, превращая мир предметов в мир значений. Метафора рассматривается как средство создания лексики «невидимого мира», отражающей внутреннюю жизнь человека. При выражении эмоций возникает сводный образ чувств. Оно оказывается в наборе предикатов, противоречащих друг другу с точки зрения логики объективного мира, и создается мир души, подчиненный особой логике.

Третий, когнитивный подход стал доминирующим в современной лингвистике. Его сторонники рассматривали метафору как средство концептуализации действительности. Когнитивные исследования механизмов метафорической концептуализации обусловлены изменением статического взгляда на мир как на жестко детерминированную систему компонентов, на рассмотрение вселенной как динамической системы, разворачивающейся вокруг человека.

Лингвистический анализ показывает, что метонимия постоянно находится на втором плане по сравнению с метафорой, которая гораздо чаще является предметом отдельных

лингвистических исследований. Впервые метонимия приобретает теоретическую основу в контексте разработки основ ораторского искусства. С одной стороны, в античной риторике наблюдается тенденция к сочетанию метафоры и метонимии за счет доминирования метафоры как основного тропа. С другой стороны, происходит постепенное разграничение метафоры и метонимии, связанное с изучением других тропов отдельно от метафоры. Метафора основана на употреблении слова, обозначающего определенный предмет, для номинации другого предмета на основе аналогии, причем имя выбирается по аналогии, а метонимия - это извлечение свойства из уже отраженной в языке действительности благодаря его смежности со свойством нового обозначаемого и выбором имени, отражающего эту смежность в своей семантике. Метонимия рассматривалась как выразительное средство и как один из видов полисемии. На современном этапе исследование метонимии происходит в нескольких направлениях: в отношении метафоры и синекдохи; об отдельных видах метонимии связей и переводов; анализируется метонимия переносов на уровне грамматики. Сторонники когнитивного подхода определяют метонимию как познавательный процесс, в котором одна понятийная единица — тема — замещает другую понятийную единицу — образ — внутри одной сферы. Современная теория когнитивной метонимии возникла на основе теории когнитивной метафоры. В своих исследованиях ученые рассматривают метафору и метонимию не только как явление языка, но и как основные способы мышления. Таким образом, они подчеркивают тот факт, что человеческое познание в значительной степени формируется переносимыми процессами. Метонимия позволяет соединить два фактора – стремление говорящего точно выразить себя и природную склонность думать и говорить о том, что имеет для него наибольшее познавательное значение. В рамках когнитивного подхода метонимия рассматривается не только как языковое явление, но и как фундаментальное свойство нашего сознания, как один из принципов организации обыденного мышления и определенный способ осмысления и категоризации действительности.

Метафора не является исключительно языковым феноменом, а многогранным явлением, затрагивающим не только язык, но и понятийную систему человека, социокультурные практики. Таким образом, метафора становится когнитивным механизмом, определяющим мышление человека, и по своей сути является явлением, обеспечивающим понимание. Особую роль играет опыт непосредственного взаимодействия с материальным миром, который находит отражение в языке, в частности через онтологические метафоры, метафоры передачи и канал визуальной коммуникации: уловить знак, бросить взгляд, подмигнуть. Рассмотрим понятия метонимии и синекдохи, которая также является одним из способов формирования вторичного номинативного содержания. Синекдоха является разновидностью метонимии и считается, что она обусловлена взаимодействием понятий части и целого. Смежность становится основанием для выделения различных видов метонимии – каузальной, атрибутивной, пространственной, временной, количественной. Известны и другие взгляды на сосуществование этих языковых явлений. Метонимию следует трактовать как исходный троп, в основе которого лежит цепь ассоциативных смежностей. Метафора была первой формой отражения действительности, способом мышления человека и основой возникновения слова – обозначения определенного предмета или явления.

В рамках когнитивной лингвистики появляется когнитивная теория метафоры, которая впервые была представлена в работах Д. Лакоффа и М. Джонсона. Они рассматривают метафору не только как явление языка, но и как один из способов мышления, обработки информации и приобретения знаний. В когнитивной науке метафора является не образным средством, связывающим два значения слова, а базовой мыслительной операцией, объединяющей две понятийные сферы. В когнитивной теории метафора становится важным элементом структурирования реальности с помощью языка. С одной стороны, концептуальные метафоры возникают вполне естественно из опыта познания действительности, а с другой - одновременно воздействуют на этот опыт и, соответственно, на действия. Таким образом, метафора является не только средством представлений о

действительности, но и инструментом воздействия на мышление, создания определенного взгляда на предметы, вещи, события. Метафоры являются как бы посредником между окружающим миром и человеческим сознанием. Когнитивная теория метафоры рассматривает, в частности, концептуальную метафору, которая понимается как результат отражения знаний об одной концептуальной области в другой концептуальной области. Они предлагают более узкое определение концептуальных метафор – устойчивых соответствий между областью источника и областью цели, которые закреплены в языковой и культурной традиции данного общества. Основными компонентами концептуальной метафоры являются концептуальный референт, концептуальный коррелят, метафорическая основа и контекст. Под концептуальным референтом (его еще называют ментальной сферой-мишенью, денотативной зоной, реципиентной сферой, направлением метафорической экспансии) понимается денотативный субстрат, идентифицируемый с помощью метафоры, концептуальный коррелят (иначе - ментальный коррелят) - сфера-источник, сфера-донор, исходная метафорическая экспансия) — понятие, обращенное к сравнению; в основе метафоры лежит отношение между референтом и коррелятом, которое содержит некий аспект для сравнения, общий признак. Тогда контекст имеет решающее значение для выбора аспекта сходства. Многие исследователи анализируют метафору определенного дискурса, ограниченного каким-либо критерием, в рамках когнитивной теории, рассматривая метафорические модели этого дискурса. Представители школы когнитивной лингвистики понимают под метафорической моделью совокупность языковых средств, образно репрезентирующих ту или иную понятийную сферу, содержание которых объединяет одно имя. Приведены примеры метафорических моделей, различающих модели войны, механизма, организма, театра, медицины. Метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своеобразная схема, по которой человек мыслит и действует. Их следует рассматривать как единое целое, имеющее свой сценарий, набор фреймов и слотов.

Таким образом, концептуальная метафора возникает в результате метафорического процесса, направленного на создание нового концепта. Он играет особенно активную роль в формировании абстрактного значения в языке, основанном на связи нематериальных понятий с процессами восприятия, обобщения, стабилизации человеческого мышления, обработки и публикации собственных взглядов. Названия актуальных, абстрактных понятий, возникающих из законов мыслительного процесса, таких как аналогия, ассоциация в человеческом познании, результат нового лексического значения. Как и все метафоры, концептуальная метафора проходит образную стадию, которая теряет свои метафорические свойства, когда становится внутренним состоянием языкового употребления и становится готовым именем. Концептуальные метафоры постоянны, образные слова текучи и меняются в зависимости от творческого использования адресата. В то время как абстрактные понятия являются объектом исследования концептуальной метафоры, образные слова составляют основу концептуальной метафоры.

1. Атабекова А., Шустикова Т., 2018. Языковые проблемы в условиях вынужденной миграции на границах и во временных поселениях: комплексный контент-анализ. Журнал европейских исследований, 21, 690-700.
2. Горбунова Л., Вей К., 2019. Исходная область когнитивной метафоры: статус-кво и перспективы исследования. Сибирский филологический журнал, 3, 158-169.
3. Хуанг Х., Хуанг Х., Ляо Б., Сюй К., 2013. Онтологический подход к метафорическим когнитивным вычислениям. Умы и машины, 23 (1), 105-121.
4. Подвесовский А., Исаев Р., 2019. Оценка качества метафоры визуализации нечетких когнитивных карт на основе формализованных критериев когнитивной ясности. Материалы семинара CEUR, 2485, 103-107.

Арсаханова М. А.-Х.¹, Гацаева А.Б.²
Особенности молодежной сленговой лексики

¹Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова

²Чеченский государственный педагогический университет
(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/trnio-12-2022-721

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности немецкого молодежного сленга. Использование сленга в повседневной жизни, в публицистике, СМИ и художественной литературе становится одной из проблем лексикологии. Особого внимания заслуживает молодежный язык. Основным источником пополнения лексики сленга немецкой молодежи является английский язык. Знание сленга способствует развитию коммуникативной компетенции, изучающих немецкий язык.

Ключевые слова: сленг, популяризация, молодёжная культура, немецкий молодёжный язык, русский язык, источники сленгизмов, заимствования.

Abstract

This article discusses the features of German youth slang. The use of slang in everyday life, in journalism, the media and fiction is becoming one of the problems of lexicology. Youth language deserves special attention. The main source of replenishment of the German youth slang vocabulary is English. Knowledge of slang contributes to the development of the communicative competence of learners of the German language.

Keywords: slang, popularization, youth culture, German youth language, Russian language, slang sources, borrowings.

Молодежь является большой по объему социально-возрастной группой. Эта группа образуется под влиянием различных факторов, например, общности интересов, социального статуса, образа жизни, этнического происхождения, возраста и т.д. Однако, едва ли не самым главным фактором, объединяющим молодежь вокруг определенных социальных групп, является субкультура, особые формы которой проявляются также и в языке.

В молодёжном сленге наблюдается наиболее полное отражение происходящих в обществе изменений и выражение отношения молодежи к этим изменениям.

Немецкие лингвисты Х. Хенне и П. Шлобински отмечают, что проблемы перевода с немецкого молодёжного сленга можно рассматривать с двух точек зрения:

- 1) перевод с молодёжного языка на «язык взрослых»;
- 2) перевод лексических единиц, используемых в речи немецкой молодёжи, на другие языки [3].

Наиболее часто употребляемые слова из списка «молодежной речи»:

abgallen – подбрасывать

Amateurlocken - спутанные волосы

Atze - приятель

buggi - мне все равно

Büffelbude – школа

chillen – расслабиться

Drahtfresse – подросток с брекетами

Drinni тот, кто остается дома все время

froggy – сумасшедший

Hotie – приятель

Hood – сосед

lolen – громко смеяться [4, с. 90].

Г. Генне называет молодежный сленг «шутливой вторичной структурой» и выделяет следующие её формы:

- приветствие, обращение, обозначение партнера (*Tussi*);
- удобные в использовании и легкие для запоминания имена, афоризмы, сентенции (*Mach`n Abgang*);
- веселые речевые обороты и стереотипные пустые фразы (*Ganz cool bleiben*);
- метафорическая, преимущественно гиперболизированная манера говорения (*Obermacker = директор*) [6].

Совокупность этих «речевых форм» образует языковой стиль, который Г. Генне называет «sprachlicher Jugendton», то есть речевым тоном молодежи [6].

Манера говорить, что присуща молодежи, была и остается феноменом. Она целиком и полностью зависит от времени и меняется вместе с тенденциями в моде. Ее лексические единицы могут быть настолько остроумными и образными, что взрослые иногда заимствуют отдельные слова в своем лексиконе. Поэтому молодежный сленг является одним из источников обогащения современного немецкого языка. Молодым свойственны фантазия и креативность, которые они успешно используют для создания новых интересных слов, то есть они совершенствуют старый и скупой, по их мнению, лексический состав немецкого языка. Так возникает их собственный язык, который взрослые довольно тяжело или иногда вообще не понимают. Что для молодежи естественно и обычно, часто шокирует взрослых. Молодежь перефразирует на свой лад слова из профессиональных сленгов, диалектов, иностранных языков в том случае, когда в общепринятой системе языка нет такого языкового средства, которое наиболее полно выражал бы их мнение.

На заимствование англицизмов молодежью наибольшее влияние англоязычная музыка на немецком рынке, что находит свое отражение в названиях музыкальных инструментов (*Drums, Hi-Hat, Percussion, Woodwinds*). Большая часть англицизмов в немецком молодежном сленге происходит от семантических полей таких сфер, как развлечения, музыка, мода, свободное время и спорт (*Touch, Leggings, Show, Fashion, Styling, Look, Sound, Freak, Feeling, Fun, Body, Power*), являющиеся основой для образования сложных слов (*Shirt-Styling, Seventies-Look, Styling-Accessoire*). Особое место здесь занимают рок-тексты, причем не только английские группы (*Udo Lindenberg „Fliesenlied“, „I love me selber“*). Но специфичным для молодежного сленга является не просто факт употребления англицизмов, а свойства и функции, которые они при этом приобретают [2].

Почти полностью утратили свою актуальность заимствования из многих других языков, поскольку практически все эти лексемы, используемые по сей день молодежью, были заимствованы в конце XIX - начале XX века. Эти заимствованные сленгизмы из:

- английского языка: *Karsting* - прослушивание, кастинг, *City* - старый город или деловой центр;
- французского языка: *die Courage* – отвага, смелость, *die Annonce* – объявление в газете;
- итальянского языка: *Paparazzi* - скандальный репортер, *subito* - очень быстро;
- испанского языка: *der Gaucho* - очень крепкий парень/мужчина, *der Amigo* - друг, *die Savanne* - глушь, уединенный населенный пункт;
- японского языка: *der Karoshi* - инфаркт [5, с. 54].

Как считает Э. Нойланд, общеизвестный немецкий молодежный сленг имеет в своем арсенале обширную систему понятий и наименований. Она предлагает следующую классификацию, которую мы дополнили своими примерами, собранными из вышеупомянутых лексикографических источников [5]. Следовательно, немецкий молодежный сленг состоит преимущественно из:

- оценочных понятий:
abfetzmaßig – ништяковский;

affengeil - мегакруто;
aldi – высший класс;
gelassen – нора (помещение);
gültig – «Да!»;
spitze – «Классно!»;
symreal – «Супер!»;
tiffig – замечательный;
Denkzweig – придурок;
Diddl – дурачок;
Hirschkopf – дурья башка;
Kameltänzer – недоумок;
Kniffel – дурак;
Primelkopf – debil;

- средств передвижения и предметов:
die Bohrkrücke – колымага;
Kinderwagen – детская коляска;
der Total-Verblöder - телевизор;
- слов из сферы развлечений, хобби, отдыха:
shoppen - гулять по магазинам,
die Outdoor-Party - пикник,
- лексических единиц, которые относятся к сфере работы и умственной деятельности:
hinkeln – вкалывать,
zimmern - трудно работать,
dammeln – болтаться без дела,
rumcoolen бездельничать;
- названий денег:
die Kohle - бабло,
die Knete - деньги,
die Möpse - мани,
Wampum - деньги;
- названий частей тела:
Denkschüssel - башка,
Fresswürfel - башка,
Karpe - затыльник,
Kürbis - тыква,
Tomate - голова [6].

На основе приведенных выше примеров делаем вывод, что среди средств создания немецкого молодежного сленга, акцентированных на стилистической окраске последнего, главную роль играют такие, как:

- использование предложений или афоризмов:
Mach`n Abgang – уходить/уматывать;
- метафоризация и, реже, гиперболизация:
Obermacher = *Direktor* (заводила),
Vollsocke = *Dummkopf* (олух);
- творение слов – неологизмов и окказионализмов, а также изменения значения существующих слов в направлении увеличения их экспрессивности:
ätzend - ужасно,
Macke -чуждачество,
Kameltänzer - недоумок [4].

Следовательно, молодежный сленг состоит не только из окказионализмов, которые молодежь с удовольствием употребляет в своем окружении, но и из литературного немецкого языка, который больше по душе взрослым. Молодежь может очень хорошо приспосабливаться к обстановке и ситуации, а вместе с тем и изменять собственную манеру общения, поскольку последняя зависит главным образом от той группы, в которой находится молодежь.

1. Карасева А. И. Интернет-сленг // Человек. – Наука, 2018. – № 5.
2. Копчук Л.Б. Развитие обиходно-разговорного языка в немецкоязычных странах в свете социолингвистической концепции языковой эволюции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2018. Вып. 2. С. 51-61
3. Нефедова, Л. А. Иноязычная лексика в современном немецком языке. Иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования: монография. — Москва: Прометей, 2018. — 98 с.
4. Павлова, А. В. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. - Санкт-Петербург: Антология, 2018. - 480 с.
5. Neuland E. Jugendsprache - Jugendliteratur - Jugendkultur: interdisziplinäre Beiträge zu sprachkulturellen Ausdrucksformen Jugendlicher. – Frankfurt am Main: Lang, 2018. – 65 S.
6. Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt I. Jugendsprache: Fiktion und Wirklichkeit. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. – 90 S.

Арсханова М. А.-Х.

Немецкие фразеологизмы с компонентом цветообозначения

*Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-722

Аннотация

В статье рассмотрены особенности фразеологических единиц, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения и имеющие структуру словосочетания, выявлены доминирующие цвета по частотности их употребления, определены этнические цвета фразеологического фонда немецкого языка.

Ключевые слова: фразеология, культура, язык, культура, средство, колорема.

Abstract

The article discusses the features of phraseological units containing an element of color recognition in its semantics and having a phrase structure, the dominant colors are identified by the frequency of their use, the ethnic colors of the phraseological fund of the German language are determined.

Keywords: phraseology, culture, language, culture, means.

Фразеологизмы представляют собой целые структуры знаний, многогранные образования с определенной моделью отношения к какой-либо ситуации [5, с. 223]. Образ внутреннего и внешнего мира как комплексная информация, полученная в результате познания человеком этого мира и выраженная через фразеологические единицы, формирует фразеологическую картину мира. Фразеологическая картина мира отражает «как особенности индивидуального мировидения говорящих, так и специфику национального менталитета...» [1, с. 5]. Среди фразеологических концептов большой интерес представляют цветоименования, поскольку с древних времен человечество придавало цвету особое значение, так как связывало его с чувствами и мыслями человека и вкладывало в каждое наименование цвета определенный символический смысл.

Цветонаименование – это вербальное обозначение цвета. Концептуализация цвета в языке уникальна для каждой этнокультуры и ментальна по своей природе. Поэтому поля цветовой семантики в разных языках не совпадают ни по количеству концептов, ни по их дифференцированности, ни по месту разграничения смежных концептов, например, синий и голубой в немецком, английском, чеченском и русском языках. Объектом данного исследования являются фразеологические единицы разных структурных моделей (*ein weißer Rabe sein* «быть белой вороной», *schwarz auf weiß* «черным по белому») с одним или двумя колоремными компонентами в своем составе,

Факторы, влияющие на формирование системы цветонаименования, делятся на естественные, национальные и индивидуальные [6, с. 77]. Для концептуализации цвета человек использовал только наиболее значимые объекты материального мира и элементы природной среды; они кодировались обычно через базовые цветонаименования – лексемы, которые обладают узким значением, широкой сочетаемостью и определенной психологической значимостью для носителей языка [6, с. 80]. Каждая этнолингвокультура имеет свой этнический цвет – цвет, например, в русском языке это красный, в американском – синий (голубой), в английском языке – черный, красный, белый, зеленый. Для немцев же доминирующим цветом во фразеологических единицах является зеленый. Это связано с тем, что этот цвет преобладает в природных красках Германии благодаря умеренно-континентальному климату с довольно мягкой зимой. К тому же зеленый цвет символизирует растительность, жизнь, молодость, красоту, надежду, радость [6, с. 105]: *j-n/etw. über den grünen Klee loben* «хвалить кого/что-л. сверх меры», *auf der grünen Wiese* «на чистом месте»; *auf einen grünen Zweig kommen* «достигнуть успеха в жизни», *komm an meine grüne Seite* «войди в мое сердце», *j-m grün sein* «любить кого-л., благоволить к кому-л.», *sich grün machen* «много мнить о себе». Данные фразеологические единицы имеют положительную коннотацию. Отрицательная коннотация у фразеологизмов с компонентом зеленый присутствует в значении «незрелый»: *einen Grünschnabel haben* «быть желторотым, неопытным», *j-m wird es gelb und grün vor den Augen* «позеленеть от злости». Шутовое отрицательное значение имеют фразеологизмы *grüne Witwe* «зеленая вдова» (так называют домохозяйку, живущую за городом, в то время как муж работает в городе); *grüne Männchen sehen* «иметь галлюцинации».

Белый обозначает свет, жизнь, духовность, чистоту, ясность, невинность, хотя смерть связывают также с белым цветом [4, с. 105]. Несмотря на позитивность данной колоремы лишь немногие фразеологизмы с компонентом *weiß* «белый» имеют положительное значение: *eine weiße Weste haben* «иметь безупречную репутацию»; *einen Mohren weiß waschen wollen* «пытаться оправдать неблаговидный поступок», имеют скорее отрицательную, чем положительную коннотацию. Это относится и к фразеологическим единицам *ein weißer Fleck auf der Landkarte* «белое пятно» (неисследованные земли); *ein weißer Rabe sein* «быть белой вороной», *bis zum Weißbluten* «до предела, до крайности».

Черный ассоциируется с пустотой, мраком, поглощением, беспросветностью, тяжестью; символизирует печаль, смерть, ненависть: *jemand geht schwarz* «носить траур», *in der schwarzen Liste* «быть в черном списке»; *schwarz fahren/ arbeiten* «ехать без билета/работать без лицензии»; *schwarz über die Grenze gehen* «нелегально перейти границу», *sich schwarz ärgern* «почернеть от злости», *schwarz vor Hunger sein* «почернеть от голода», *warten, bis man schwarz ist* «очень долго ждать», *j-n schwarz malen/schildern* «рисовать кого/что-л. в черных красках», *j-m den schwarzen Peter zuschreiben* «перекаладывать на кого-л. свою вину. Положительное значение колоремы черный прослеживается лишь в выражениях *ins Schwarze treffen* «попасть в десятку» и *schwarz auf weiß* «черным по белому, ясно и понятно».

Красный цвет символизирует любовь, кровь (как основу жизни), огонь, солнце, ассоциируется с мужественностью, активностью, энергией, любовью, а также с силой. Несмотря на позитивность колоремы *rot* 'красный', фразеологизмы с данным компонентом положительную коннотацию имеют только фразеологизмы *sich wie ein roter Faden ziehen* «проходить красной нитью» и *einen Tag im Kalender rot anstreichen* «выделить красным цветом важный день в календаре». Многие фразеологизмы с колоремой *красный* имеют отрицательное значение: *j-m wird es rot vor den Augen* «кого-л. ослепила ярость»; *rot sehen* «потерять голову от ярости»; *keinen roten Heller haben* «не иметь ни гроша»; *in den roten Zahlen sein* «нести убытки».

Синий ассоциируется в русской этнокультуре с религиозностью, сдержанностью, мудростью, верностью [6, с. 97]. В немецком же языке синий связывают с высотой, глубиной или с обманом, ложью: *ins Blaue reden* «говорить то, что приходит в голову», *blau frieren* «посинеть от холода», *sich blau/schwarz ärgern* «сильно злиться», *j-n blau anlaufen lassen* «обманывать кого-л.», *j-m einen blauen Mantel umhängen* «изменять кому-л., обманывать кого-л.». В немецком языке довольно много фразеологизмов в сочетании *синий* в значении «пьяный», и все они окрашены негативно: *blau sein* «быть пьяным», *blau wie eine Strandhaubitze/ein Veilchen* «пьяный в стельку», *vom blauen Affen gebissen sein* «быть не в своем уме (от опьянения)».

Серый цвет символизирует бедность, смирение, а также достоинство: *alles Grau in Grau malen/sehen* «рисовать/видеть все в сером цвете», *grauer Geisel* «седой/древний старик», *der graue Esel fährt heraus* «седина пробивается», *das graue Elend* «беспросветная нищета», *graue Eminenz* «серый кардинал», *grauer Alltag* «серые будни». Во всех вышеназванных выражениях прослеживается негативная коннотация. Положительную коннотацию имеет только фразеологизм *sich keine grauen Haare wachsen lassen* «не беспокоиться ни о чем».

Желтый цвет ассоциируется с сиянием, блеском, легкостью, радостью, жизненной силой. Однако фразеологизмы с компонентом *gelb* 'желтый' выражают в основном отрицательное значение: *vor Neid gelb werden* «пожелтеть от зависти», *j-m wird es gelb und grün vor den Augen* «у кого-л. потемнело в глазах», *gelb wie Wachs sein* «быть желтым как воск», *sich gelb und grün ärgern* «позеленеть от злости», *j-m die gelbe Karte zeigen* «показать кому-л. желтую карточку», *das Gelbe am Schnabel haben* «быть желторотым».

Коричневый символизирует землю, трудности, грубость, ассоциируется со смирением, естественностью [6, с. 97]: *braunes/schwarzbraunes Mägdelein* букв. «коричневая/чернокоричневая девушка». Фразеологизмы с колоремой *коричневый* имеют негативную коннотацию, например, для обозначения национал-социализма (*braune Vergangenheit* «коричневое прошлое») или бедности (*arm und braun* букв. «бедный и коричневый»).

Розовый появился в немецком языке лишь в XVIII–XIX веке от названия цветка и не отражает фундаментальные понятия немецкой этнокультуры. Он представлен лишь двумя фразеологическими единицами (обе с положительной коннотацией): *rosig sein* «все хорошо», *alles rosa/durch die rosa Brille sehen* «видеть все в розовом свете».

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Языковая фиксация и концептуализация национальных представлений о цветах уникальны для каждого языка. Фразеоконцепты-цветонаименования формируют определенную «цветовую палитру» во фразеологической картине мира, отражающей оценки, стереотипы, образы, ассоциации этноса в целом и каждого его представителя, в частности.

2. В исследованных фразеологизмах доминируют колоремы зеленый, белый, черный, синий, красный, что обусловлено природными и историко-культурными факторами. Эти же цвета обладают большим коэффициентом символности по сравнению с другими.

Соответственно, их можно считать этническими цветами фразеологического фонда немецкого языка.

3. Ассоциативно-образное восприятие цвета не всегда находит тождественное отражение во фразеологическом фонде языка. Так, преимущественно ту же оценку, что и сам цвет, имеют фразеологизмы с «хорошей» колоремой зеленый и «плохими» колоремами черный, синий, серый, желтый. Общепринятой оценке цвета единицы с «хорошими» колоремами не соответствуют белый, красный, коричневый.

1. Буянова Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2012. 184 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2011. 350 с.
3. Костюшкина Г.М. Цветовая картина мира (на материале фразеологизмов) // Проблемы языка и культуры в гуманитарном образовании: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 27–28 окт. 2011г.). – Кемерово, 2011
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. 208 с.
5. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М.: Гнозис, 2005. 472 с.
6. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов, 2007. 280 с.

Арсаханова М. А.-Х.

Специфика перевода художественного текста

*Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-723

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам и сложностям перевода художественного текста. Художественный перевод представляет собой процесс перевода, сохраняющий культурные особенности и эмоциональную среду оригинального произведения, ставя своей задачей достижение эквивалентности с последующей целью оказания воздействия на иностранных читателей.

Ключевые слова: текст, перевод, лингвистика, язык, культура, средство.

Abstract

This article is devoted to the problems and difficulties of translating a literary text. Literary translation is a translation process that preserves the cultural characteristics and emotional environment of the original work, aiming to achieve equivalence with the subsequent goal of influencing foreign readers.

Keywords: text, translation, linguistics, language, culture, means.

При переводе с одного языка на другой обычно возникает вопрос о полноте передачи и точности тех мыслей, чувств и идей, которые подразумевал автор, а также встаёт проблема использования средств другого языка, для передачи этих самых мыслей.

Существует две противоположные точки зрения. Теория «непереводимости», создателями которой являлись такие крупные немецкие философы-лингвисты как Г.В.Лейбниц, В.Гумбольдт и А.Шлегель, подразумевает под собой отсутствие полноценного перевода с одного языка на другой вследствие различий между выразительными средствами разных языков, не позволяющими полностью отразить идеи, присутствующие в оригинале [4, с. 17]. Существует два типа непереводимости:

- Лингвистическая непереводаемость - невозможность найти эквивалент в языке перевода из-за различий между языком перевода и языком оригинала» (игра слов, многозначность, двусмысленность).
- Культурная непереводаемость - ситуативные детали, встречающиеся в оригинальном тексте («сауна», «иглу» и т.п.), отсутствующие в культуре носителей языка перевода.

Вторая точка зрения, поддерживаемая большинством исследователей, заключается в том, что любой развитый национальный язык представляет собой средство полноценной передачи мыслей, выраженных на другом языке [7, с. 137].

Принято различать три типа переводов с точки зрения функциональной и коммуникативной направленности: художественный, специальный и общественно-политический (общий). Также существуют и другие классификации переводов: художественный и нехудожественный, художественный и специальный, художественный и информативный и так далее [2, с. 21].

Литературный перевод применяется в сфере художественной литературы. Теоретической базой такого перевода является литературоведческая теория перевода, сосредоточенная также и на решении историко-литературных задач.

Каждый перевод обладает определёнными особенностями, такие особенности присутствуют и в художественном переводе, несоблюдение которых может привести к возникновению проблем при переводе и неспособности достичь его адекватности. Существует множество понятий художественного перевода, в которых учёные, по их мнению, выделяют наиболее важные черты или цели данного типа перевода.

Художественный перевод - это «вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на переводящем языке речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на рецептор перевода» [4, с. 95].

Перед рассмотрением проблем, возникающих во время перевода художественных текстов, стоит отметить их особенности и функции.

В.Н. Комиссаров пишет о том, что доминантой всех произведений художественной литературы является коммуникативная функция (художественно-эстетическая или поэтическая). Художественная литература ставит своей целью достижение определенного эстетического воздействия на читателя и создание образа [4, с. 95].

Г.Э. Мираном отмечено, что смысловая и стилистическая модель, с помощью которой создается художественный образ, выстраивается при переводе художественного текста, на основе словарных эквивалентов. Переводчик должен быть способен передать и описать образы, используя многими языковыми средствами и приёмами, которыми обладает язык перевода. Перевод слово в слово с помощью словарей производится в основном только при переводе научных или технических текстов [5, с. 128].

В.С. Виноградов утверждает, что художественный перевод зависит от оригинального текста, но в то же время он может обладать некой самостоятельностью, становясь фактом переводящего языка. Ознакомление с одним и тем же произведением в разных культурах будет иметь свою специфику, отличия и историю. Следовательно, не только оригинал и перевод имеют различия в характере осмысления, репутации и социальном значении, но так же и перевод одного произведения на разные языки будет иметь свои особые характеристики [3, с. 25].

Наличие лирического героя в произведении является одной из основных особенностей художественного текста, что подразумевает под собой автора, который обладает своей позицией и отношением к данному лирическому герою. Исходя из этого, образ автора и образ рассказчика, от которого ведётся повествование, не могут быть смешаны, так как автор часто ведёт разговор с читателем, и именно этот скрытый разговор в художественном произведении будет важнее самих описываемых событий.

Наличие высокой степени национально-культурных и временных обусловленностей является другой особенностью художественных текстов. Художественные тексты могут

представлять собой отражение особенностей того народа, чьим представителем является автор, в каком времени он живет и на каком языке он пишет. Могут вводиться различные национальнокультурные реалии, чтобы показать время, в которой жили герои произведения [6, с. 359].

Художественный стиль речи используется для передачи эмоций и чувств, художественных образов и явлений. Автор выражает свои мысли и взгляды, пытается убедить читателей поверить ему и вызвать в них ответные чувства. Художественный стиль является способом самовыражения писателей, поэтому данный стиль используется в письменной речи, но так же может использоваться и в устной речи (например - в пьесах), где зачитываются написанные заранее тексты. В отличие от технического перевода, задачей художественного перевода является передача содержания и создания образа. В случае перевода главной задачей перевода становится передача созданного автором образа [5].

Исходя из проанализированной информации об особенностях и функциях художественного текста, можно сделать вывод, что одними из главных особенностей художественного текста являются: наличие лирического героя, национально-культурные особенности оригинального текста и временных различий. Функциями художественных текстов выступают: передача содержания, эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя, а также передача интеллектуальной, эстетической и эмоциональной информации.

Одной из главных проблем перевода художественных произведений является присутствие высокой смысловой «нагрузки» каждого слова в тексте. Переводчик должен пытаться создать текст заново, а не только воспроизвести его. Это объясняется различным «видением» мира. В переводах должны учитываться различные способы осознания и отражения мира в разных языках, а также различие культур, к которым принадлежат языки перевода и оригинала.

Рассматривая проблему культурных различий и временных особенностей, В.В. Сдобников, считает, что писатели вводят, например, выражения-однодневки, чтобы сделать речь персонажей-современников психологически достоверной и узнаваемой. «В каждом языке существует определенный запас стереотипных сравнений, метафор, эпитетов, которые носителями этого языка уже не воспринимаются как художественные. Для носителей же другого языка эти сравнения, метафоры и эпитеты могут оказаться неожиданными и яркими» [6, с. 368]. Также неправильность переданной концепции автора художественного произведения может исказить смысл произведения, так как переводчик будет выбирать варианты перевода исходя из того, как он понял основную идею произведения, и читатель будет видеть идею не самого автора, а переводчика.

В.Н. Комиссаров выделяет проблему, которая может возникнуть из-за нарушения переводчиком обязательных норм языка перевода, которые не влияют на эквивалентность перевода, но показывают невозможность переводчика преодолеть влияние языка оригинала из-за недостаточного владения данным языком [4, с. 244].

Трудность возникает также при переводе реалий. Основные трудности в переводе реалий состоят в отсутствии соответствия (аналога, эквивалента) в переводимом языке из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта. Трудность перевода реалий состоит в том, что существует необходимость передать колорит реалии (коннотацию), то есть её национальную и историческую окраску наряду с предметным значением (семантикой) [5].

В своей работе М.П. Алексеев говорит о проблеме национализации подлинника в переводе. При сохранении переводчиком всех особенностей подлинника внесётся нечто новое, незнакомое для читателей перевода, чего не было в произведении по отношению к читателям оригинала. При замене «чужого», незнакомого элемента в оригинальном тексте на то, что знакомо иностранному читателю, читатели перевода испытывали бы приблизительные впечатления, какое испытывали читатели оригинала. М.П. Алексеев добавляет, что для достижения наилучших способов передачи своеобразности стилистической структуры подлинника, переводчики также могут прибегнуть к приёму архаизации [1, с. 16].

Ещё одна проблема перевода художественных произведений связана с лингвистическим принципом перевода, который подразумевает под собой воссоздание формальных структур подлинника при переводе. Но если переводчик будет всецело следовать правилам данного лингвистического принципа и дословно переводить предложения с одного языка на другой, то в языковом отношении перевод будет точным, но в художественном отношении будет очень слабым и не способным выразить все те эмоции, которые подразумевались автором при написании. Существует вероятность того, что синтаксическая структура предложений при переводе может быть выражена аналогичными средствами, и данный перевод можно будет считать окончательным, но это явление встречается довольно редко. В большинстве случаев, при дословном переводе происходит нарушение синтаксических норм русского языка. Это может вызвать сильнейшее различие между формой и содержанием переведенного произведения. Читателю будет ясна основная мысль автора, но будут возникать проблемы при прочтении произведения. Другая проблема, связанная с дословным переводом художественных текстов основана на том, что данный перевод не всегда, а чаще практически никогда не может произвести эмоциональный эффект, передаваемый в подлиннике. Исходя из этого, можно сказать, что дословная точность и художественность будут находиться в постоянном противоречии. Сам процесс перевода должен основываться на знании и понимании законов обоих языков, а также на то, как они соотносятся друг с другом. Обязательным является соблюдение языковых законов, как для оригинала, так и для перевода [6].

После рассмотрения данной проблемы можно сказать, что наибольшее количество сложностей при переводе художественных текстов возникают с особенностями культуры, реалиями, которые не существуют в языке перевода. Другие проблемы вызваны национализацией перевода, сложностью передачи мысли и образа, задуманных автором произведения, неправильно употреблённым стилем текста и, наконец, трудности, связанные с переводом метафор, сравнений, эпитетов и устаревших слов.

1. Алексеев М.П. Проблема художественного перевода. Иркутск: Иркутский университет, 1931. 50 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик. К.: Ника-Центр, 1999. 160 с.
6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

Афонская М.Н., Егорова К.Г.

Особенности корейской оноματοпоэтической лексики в креолизованных текстах (на материале вебтуна «Операция: настоящая любовь»)

*Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-724

Аннотация

В данной научной статье рассматриваются особенности корейских вебтунов и приводится анализ особенностей оноματοпоэтической лексики, применяемой в вебтуне «Операция: настоящая любовь» автора под псевдонимом Kkokkali.

Ключевые слова: корейский язык, корейская оноματοпея, звукоподражательные слова, образоподражательные слова, вебтун, naverwebtoon.

Abstract

This scientific article examines the features of Korean webtoons and provides an analysis of the features of onomatopoeitic vocabulary used in the webtoon "Operation Name Pure Love " by the author under the pseudonym Kkokkali.

Keywords: Korean language, Korean onomatopoeitic, onomatopoeic words, onomatopoeic words, webtoon, naverwebtoon.

Сегодня вебтун имеет особое место в корейской поп-культуре, которая включает в себя корейские песни, сериалы и фильмы. Вебтун – это ответвленный вид комиксов в Южной Корее, который вдохновлен японской манга, но имеющий свои индивидуальные особенности. Данный вид жанра комиксов выпускается в интернет-пространстве, в приложениях для чтения «NaverWebtoon». Вебтун – это корейский комикс, который представляет собой графические иллюстрации с линейным повествованием и вертикальной прокруткой для смартфонов, сопровождающийся текстом в отдельных выносках, которые называют «филактер» (пространство для речи исходящие из уст и мыслей персонажа) [2]. Особенностью корейского вебтуна является многочисленное использование междометий и ономатопоэтической лексики. Явление креализованного текста в исследованиях манга и комиксов не нова, но работ, связанных с корейскими комиксами «вебтун» крайне мало, чем и обуславливается актуальность данной работы.

Целью данной научной статьи является выявление особенностей ономатопоэтической лексики корейского вебтуна как креализованного текста на примере вебтуна «Операция: настоящая любовь» (2022) автора под псевдонимом Kkokkali.

Креализованный текст – это тексты, фактура которых состоит из двух частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [1].

Таким образом, вебтун можно охарактеризовать как многомодельный текст, включающий в себя изображения и надписи. Наряду с междометиями часто употребляется ономатопоэтическая лексика. Ономатопоэтическая лексика – это слова, имитирующие звуки, издаваемые животными, людьми и предметами.

Исследуемый вебтун «Операция: настоящая любовь»(2022) написан в жанре «повседневность», где раскрываются любовные отношения между старшеклассниками корейской школы.

В ходе исследования текстов «Операция: настоящая любовь» [3], мы выявили звукоподражательные слова, которые выражают звуки и голос человека. Например:

- 에휴 [ехю] – имитирует вздох человека;
- 왁자 [вакча] - звук шума от разговоров;
- 지껄 [чикколь] – звук, имитирующий шум (разновидность шума, гула);
- 찰칵 [чхалькхак] – звук щелчка фотоаппарата (в данном случае смартфона);
- 꾸깃 [ккугит] – звук сжимания рукой предмета;
- 더헉 [дохок]– выражение, состоящее из двух слов 더 «больше» и 헉 «молодежный сленг OMG»;
- 타악 [тахак] – звук, имитирующий захватывание рукой предмета;
- 와압 [ваап] – звук, имитирующий вздох перед приемом пищи;
- 땡땡 [диндон] – звук школьного звонка;
- 뼉 [пшок] – звук удара.

В исследуемом материале присутствует образоподражательная лексика – это отдельные слова, передающие образные представления действий, например:

- **울망울망** [ульман ульман] – данное слово имитирует выражение лица, которое, вот-вот заплачет, а на глазах наворачиваются слезы;
- **획** [хвик] – имитирует движение человека проходящего мимо;
- **허겁 지겁** [хогоп чигоп] – указывает на действия человека, который быстро и в спешке собирается уходить ;
- **싱긋** [сингыт] – имитирует приветливую улыбку;
- **시무룩** [симурук] – указывает на недовольство человека;
- **씰룩** [ссиллук] – имитирует дергание губами от удовольствия;
- **덥석** [топсок] – указывает на резкий захват предмет руками;
- **째릿** [ччэрит] – указывает на пристальный взгляд;
- **화악** [хваак] – указывает на широко раскрытые глаза, наполненные гневом.

В корейских вебтунах существуют два вида оноματοпоэтической лексики: произносимые персонажами и возникающие в результате движений персонажей вебтуна, которые передаются отдельными словами. Употребление оноματοпоэтической лексики в вебтунах отличается тем, что в текстах вебтуна графически изображается каждое звукоподражательное и образоподражательное слово. Таким образом, при графическом изображении оноματοпоэтической лексики визуализируется динамика повествования, оживляются картины. Шрифт графического изображения слов может отличаться, иметь разную цветовую гамму в зависимости от ситуации. Например, слово **화악** [хваак] имеет крупный шрифт темно-фиолетового цвета, который передает изображение пылающих от гнева глаза. В то время, как маленькие графические иллюстрации рядом с текстом, например, **찰칵** [чхалькхак] – указывает на щелчок фотоаппарата, а цветочки рядом со словом **찰칵** [чхалькхак] передают веселую обстановку во время фотографирования.

Мы пришли к выводу, что рассмотренные слова оноματοпоэтической речи, могут указывать на издаваемые звуки предметами и человеком. Образоподражательные слова указывают на эмоционально составляющую выражения эмоций и чувств персонажей для четкого понимания ситуации. В вебтуне «Операция: настоящая любовь» можно увидеть достаточное количество оноματοпоэтической лексики, которая применяется не только в пространстве вебтунов, но и среди корейской молодежи. И приведенный анализ оноματοпоэтической лексики позволит правильно понимать и ориентироваться при чтении корейских вебтунов.

1. Креолизованный текст. URL: <http://www.mediascope.ru/2270>
2. Филактер. URL: <https://unique-shu.livejournal.com/564895.html>
3. Naverwebtoon. 작정면 수정 1화. 꼬까리[네이버웹툰]. URL: <http://naver.me/GtbgKmf>.

Ачох Б.Д.

Выразительные начала повествовательного монолога в эпической поэзии

*Адыгейский Государственный Университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-725

Аннотация

Произведения эпического рода, опираясь на повествование, сполна используют арсенал художественных средств, доступных литературе, непринужденно и свободно осваивают

реальность во времени и пространстве. Любое эпическое произведение (в частности, произведения писателей Северного Кавказа) может «вобрать» в себя такое количество характеров, обстоятельств, событий, судеб, деталей, которое недоступно ни другим родам литературы, ни какому-нибудь иному виду искусства. В любом эпическом произведении запечатлевается манера воспринимать действительность, присущая тому, кто повествует; видение мира и способ мышления, свойственные говорящему. В этом смысле правомерно вести речь об образе повествователя поэм северокавказских поэтов, который составляет весьма существенную сторону мира эпического произведения. Эпическая форма художественно запечатлевает манеру говорить и воспринимать мир, а, в конечном счете, склад ума и чувств повествователя.

Ключевые слова: эпическое произведение, образ повествователя, народный эпос, эпическая поэзия, внутренний мир человека, истоки эпической лирики, индивидуальность характера, понятия эпичности и лиричности поэзии, монолог повествователя.

Abstract

Works of epic kind, relying on the narrative, make full use of the arsenal of artistic means available to literature, naturally and freely master reality in time and space. Any epic work (in particular, the works of writers of the North Caucasus) can "absorb" such a number of characters, circumstances, events, destinies, details that are inaccessible to any other kind of literature or any other kind of art. In any epic work, the manner of perceiving reality inherent in the narrator is imprinted: the vision of the world and the way of thinking peculiar to the speaker. In this sense, it is legitimate to talk about the image of the narrator of the poems of the North Caucasian poets, which is a very significant side of the world of the epic work. The epic form artistically captures the manner of speaking and perceiving the world, and, ultimately, the mindset and feelings of the narrator.

Keywords: epic work, the image of the narrator, folk epic, epic poetry, the inner world of man, the origins of epic lyrics, personality of character, the concepts of epic and lyric poetry, the monologue of the narrator.

Любой художественный текст является сплавом повествовательной речи и высказываний персонажей. Но, как отмечает Гегель, «...если обратиться теперь к тому способу, каким эпической поэзии подобает мотивировать ход и течение события, то она не должна заимствовать причину происходящего ни из субъективного настроения, ни из простой индивидуальности характера, вступая тем самым в область собственно лирического и драматического, но обязана и в этом отношении придерживаться формы объективности, составляющей основной эпический тип» (2, 464). Или его же: «Задача эпической поэзии — изобразить некоторое действие в том, как оно происходит» (2, 445).

Казбек Шаззо рассматривает понятия эпичности и лиричности поэзии следующим образом: «Задача лирической поэзии — передать настроение индивидуума, вызванное его соучастием в происходящем. В силу этого художественный конфликт в лирической поэзии включает в себя меньше компонентов, нежели в эпической» (6, 34). И далее: «Событие как цепь эпизодов и система сюжетного развития действия отсутствует в лирике» (6, 34), а значит, в продолжение мысли исследователя, присутствует в эпическом повествовании, т.е. является одним из характеризующих его признаков.

В рамках данной проблемы весьма доказательна также мысль Аристотеля о том, что «эпическая поэзия... отличается от трагедии тем, что имеет простой размер и представляет собой повествование» (1, 54). Вообще факт того, что в эпических произведениях доминирует повествовательная ткань, является общепризнанным. Не всегда она (эта ткань) преобладает количественно, но неизменно оказывается началом, организующим текст. Повествование, нередко именуемое в литературоведении нарратацией (в соответствии с первоначальным значением этого латинского слова), естественно, оказывается центральным предметом аналитического рассмотрения. «Только уровень повествовательного дискурса

поддается непосредственному текстуальному анализу», — утверждает авторитетный французский структуралист Ж.Женетт. По его словам, наше знание изображенных романистом или новеллистом лиц и событий не может не быть косвенным, опосредованным: все рассказанное дано нам «только через повествование» (4, 65).

Произведения эпического рода, опираясь на повествование, сполна используют арсенал художественных средств, доступных литературе, непринужденно и свободно осваивают реальность во времени и пространстве. При этом они не знают ограничений в объеме текста. Эпос как род литературы включает в себя как короткие рассказы (средневековая и возрожденческая новеллистика; юмористика О. Генри и раннего А.П.Чехова), так и произведения, рассчитанные на длительное слушание или чтение: эпопеи и романы, охватывающие жизнь с необычайной широтой. Таковы индийская «Махабхарата», древнегреческие «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Война и мир» Л.Н.Толстого, «Сага о Форсайтах» Дж.Голсуорси, составившие трилогию романы У.Фолкнера «Деревушка», «Город», «Особняк».

Эпическое произведение может «вобрать» в себя такое количество характеров, обстоятельств, событий, судеб, деталей, которое недоступно ни другим родам литературы, ни какому-нибудь иному виду искусства. При этом повествовательная форма способствует глубочайшему проникновению во внутренний мир человека. Ей вполне доступны характеры сложные, обладающие множеством черт и свойств, незавершенные и противоречивые, находящиеся в движении, становлении, развитии.

Эти возможности эпического рода литературы используются далеко не всеми авторами и не во всех произведениях. Но со словом «эпос» прочно связано представление о художественном воспроизведении жизни в ее целостности, о раскрытии сущности эпохи, о масштабности и монументальности творческого акта. Не существует (ни в сфере словесного искусства, ни за его пределами) групп художественных произведений, которые бы так свободно проникали одновременно и в глубину человеческого сознания, и в широту бытия людей, как это делают эпические произведения.

В эпических произведениях глубоко значимо присутствие повествователя. Это весьма специфическая форма художественного воспроизведения человека. Повествователь является посредником между изображаемой им реальностью и читателем, нередко выступая в роли свидетеля и истолкователя показанных лиц и событий.

Текст эпического произведения обычно не содержит сведений о судьбе повествующего, о его взаимоотношениях с действующими лицами, о том, когда, где и при каких обстоятельствах ведет он свой рассказ, о его мыслях и чувствах. Дух повествования, по словам Т. Манна, часто бывает «невесом, бесплотен и вездесущ»; и «нет для него разделения между «здесь» и «там» (5, 8). А вместе с тем речь повествователя обладает не только изобразительностью, но и выразительной значимостью; она характеризует не только объект высказывания, но и самого говорящего.

В любом эпическом произведении запечатлевается манера воспринимать действительность, присущая тому, кто повествует; видение мира и способ мышления, свойственные говорящему. В этом смысле правомерно вести речь об образе повествователя, который составляет весьма существенную сторону мира эпического произведения. Понятие это прочно вошло в обиход литературоведения благодаря Б.М. Эйхенбауму, В.В.Виноградову, М.М.Бахтину (работы 1920-х годов). Суммируя суждения этих ученых, Г.А.Гуковский в 1940-е годы писал: «Всякое изображение в искусстве образует представление не только об изображенном, но и об изображающем, носителе изложения <...> Повествователь — это не только более или менее конкретный образ <...> но и некая образная идея, принцип и облик носителя речи, или иначе — непременно некая точка зрения на излагаемое, точка зрения психологическая, идеологическая и попросту географическая, так как невозможно описывать ниоткуда и не может быть описан без описателя» (3, 200).

Эпическая форма, говоря иначе, воспроизводит не только рассказываемое, но и рассказывающего, она художественно запечатлевает манеру говорить и воспринимать мир, а, в конечном счете, склад ума и чувств повествователя. Как отмечал в свое время Гегель, «...к эпической поэзии приводит потребность в слышании тех вещей, которые сами по себе развертываются перед субъектом как объективно замкнутая внутри себя целостность. В лирике же удовлетворяется противоположная потребность — высказать себя и воспринять душу в этом ее самовыражении» (2, 494). Причем облик повествователя обнаруживается не в действиях и не в прямых излияниях души, а в своеобразном повествовательном монологе. Выразительные начала такого монолога, являясь его вторичной функцией, вместе с тем весьма важны.

Таким образом, возвращаясь к выявляемым нами истокам эпической лирики, восходящим к фольклору, отметим, что не может быть полноценного восприятия народных сказок без пристального внимания к их повествовательной манере, в которой за наивностью и бесхитростью того, кто ведет рассказ, угадываются веселость и лукавство, жизненный опыт и мудрость. Невозможно почувствовать своеобразие героических эпopeй древности, не уловив возвышенного строя мыслей и чувств рапсода и сказителя. И уж тем более немыслимо понимание произведений А.С.Пушкина и Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского, Н.С.Лескова и И.С.Тургенева, А.П.Чехова и И.А.Бунина, М.А.Булгакова и А.П.Платонова вне постижения «голоса» повествователя. Живое восприятие эпического произведения всегда связано с пристальным вниманием к той манере, в которой ведется повествование. Чуткий к словесному искусству читатель в эпической строке не только сообщение о жизни персонажей с ее подробностями, но и выразительно значимый монолог повествователя.

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. — М.: Гослитиздат, 1961.
2. Гегель. Эстетика: В 4 т. — М.: Искусство, 1971.
3. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. — М.- Л., 1959.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. — М., 1998.
5. Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1960.
6. Шаззо Ш.Е. Художественное своеобразие адыгейской поэзии: эволюция, поэтика, стилевые искания. — Майкоп: Качество, 2003.

Ачох Б.Д.

Народная самобытность героических сюжетов горской поэзии северокавказских писателей

*Адыгейский Государственный Университет
(Россия, Майкоп)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-726

Аннотация

Народную самобытность справедливо можно считать непреложным стержнем, который неоспоримо дает северокавказским поэтам постоянную духовную стабильность в современном мире. При этом национальная атрибутика приобретает немалую значимость, сообщающую повествованию явно выраженную психологическую обостренность. Оставаясь «абсолютными» выразителями характера своего народа, поэты часто выходят за пределы национального и глубже проникаются чувствами общечеловеческими. Через героические сюжеты их произведения абсолютно национальны, они сосредоточили в себе значительный пласт явлений и признаков культурного менталитета народов всего Северного Кавказа, а в самом северокавказском фольклоре определено и разрешено значительное число общечеловеческих проблем и вопросов, а главный герой произведений горского устного народного творчества искренне и со всей душой верен общечеловеческим духовно-нравственным идеалам.

Ключевые слова: народную самобытность, горская поэзия, герой народных сказаний, национальная атрибутика, национальный фольклор, фольклорные образы и традиции, мотив культа оружия, образ-символ, фольклор горских народов, народная логика, эстетика, этика.

Abstract

Folk identity can rightly be considered an immutable e, which indisputably gives the North Caucasian poets a permanent spiritual identity in the modern world. At the same time, national attributes acquire a considerable awn, giving the narrative a pronounced psychological significance. Remaining "absolute" exponents of the character of their people, the poets go beyond the national and become more deeply imbued with human feelings. Through heroic plots, their works are absolutely national, they contained a significant layer of phenomena and signs of cultural mentality in the entire North Caucasus, and in the North Caucasian folklore itself, a significant number of universal problems and questions have been identified and solved, and the main character of the works of Mountain oral folk art is sincerely and with all his soul faithful to human spiritual and moral ideals.

Keywords: folk identity, mountain poetry, hero of folk tales, national attributes, national folklore, folklore images and traditions, mochi of the cult of weapons, image-symbol, folklore of the mountain peoples, folk logic, aesthetics, ethics.

В устном творчестве северокавказских народов немало произведений, повествующих о взаимоотношениях человека и животных. Достоянием фольклора становились все складывающиеся представления об окружающем мире. Эти представления вырабатывались разноречиво, сложно трансформируясь в народном сознании. В фольклоре горских народов четко просматриваются несколько наивные предположения о единстве растительного и животного мира, о месте человека в этом мире. Как подразделяет эти фольклорно-понятийные явления М.И.Шахнович, во многих мифах были воспроизведены космогонические и космологические представления, в эпосе — «философия истории», в притчах и пословицах — народная логика, эстетика, этика (5, 105).

Но центральный персонаж героических сюжетов горской народной прозы одерживает победу над своими противниками и достигает цели не только благодаря тому, что у него есть помощники - представители животного мира, — но и потому, что он пользуется всевозможными фантастически ми предметами. Так, Хочбар из «Сказания о Хочбаре, уздене из аула Гидатль, о кази-кумухском хане, о хунзахском Нуцале и его дочери Саадат» Расула Гамзатова:

К тому же скрипка, конь и бурка
Всегда со мной, чтобы знали вы.
Да и папаху я как будто
Ношу не с чьей-то головы. (2, 355)

Чаще всего герой народных сказаний и преданий пользуется летающими цинковками, магическими ножницами, гребешком, зеркалом, платком и т.д. Тем не менее, добровольные помощники и чудодейственные предметы в этих сюжетах исполняют не определяющую, а служебную роль. Ведущая же роль в них всегда принадлежит главному герою. Пользование услугами помощников и применение чудесных предметов отнюдь не подразумевают его инертности, напротив, приумножают значимость его героических свершений и достижений. Так и в поэзии Расула Гамзатова, своей национальной атрибутике во время дальних странствий автор придает немалую значимость, сообщая повествованию явно выраженную психологическую обостренность:

О, косматая бурка! В отелях Европы
Сладко так не уснешь, как в объятых твоих.
Дождь идет. Завернись в тебя хорошо бы,
Чтобы детство явилось во сне хоть на миг. (2, 327)

В поэзии Расула Гамзатова, как и в произведениях устного народного творчества, также просматривается мотив культа оружия главного героя. К примеру, во многих песенных и

прозаических народных текстах упоминается волшебный меч, который принадлежит джиннам, но отдан главному герою-князю, чтобы он воевал именно этим оружием. Обычно меч характеризуется традиционным эпитетом «широкий». После войны меч остается герою в качестве вознаграждения, и когда после войны джинны предлагают князю любую награду за меч, он отказывается от несметных богатств ради обладания этим оружием. Аналогичное обожествление оружия прослеживается и у Расула Гамзатова. Так, в поэме «В горах мое сердце» он признается:

Я хочу, чтобы в каждую строчку вошло
 Все, что сердцу открытому дорого стало:
 Взмахи крыльев орлиных и солнца тепло,
 Нежность горных фиалок и точность кинжала (2, 335).

Вот какие обобщения по поводу горского оружия делает современный исследователь Х.И.Баков: «К своеобразным символам северокавказской и дагестанской поэзии можно отнести также кинжал. Как известно, к этому образу-символу обращались и многие русские поэты. А.С.Пушкин в стихотворении «Кинжал» как бы воспроизводит «историю» величия и падения кинжала, упоминая Лемносского бога, Зевса, Рим и пр. М.Ю.Лермонтов тоже отдал дань этому образу-символу, написав стихотворение «Кинжал». Образ кинжала взят М.Ю.Лермонтовым из северокавказской действительности периода русско-кавказской войны. Примечательно, что данный образ получил развитие и у других поэтов северокавказских литератур. Каждый поэт вкладывает в этот колоритный образ-символ не только общенациональное его восприятие, но и глубоко индивидуальную оценку» (1, 112). Несомненно, заключительное утверждение ученого в полной мере можно отнести к образу кинжала, сформированному и развивающемуся в поэмах Расула Гамзатова на основе абсолютно индивидуальной оценки поэта.

К мотиву оружия главного героя, немного реже, но все так же чрезвычайно удачно обращается также и Кайсын Кулиев. К примеру, в своем произведении «Поэма любви» (1950) автор отождествляет, в частности, образ кинжала с личностью ведущего повествование абрека, а предметные характеристики оружия - с духовно-нравственными принципами и физическими качествами героя - его носителя:

Да, беден я и безроден —
 Но взор остер у стрелка,
 Но мой кинжал благороден,
 Но эта рука крепка! (4, 289)

К тому же в данном случае очевидно проявляется такой прием, выработанный в национальном фольклоре, как традиционный прием самовосхваления. Обычно он использовался перед поединком героя, в целях психологического воздействия на противника. В столь же традиционной функции этот прием выступает у Расула Гамзатова в его «Сказании о Хочбаре, уздене из аула Гидатль, о кази-кумухском хане, о хунзахском Нуцале и его дочери Саадат». Автор прибегает здесь к приему самохарактеристики героя для решения выдвинутой поэтической задачи, дает читателю право судить о нем не только по действиям, поступкам, но и по его высказываниям. Хочбар открыто гордится и дорожит своей славой воина:

Владелец я коня и сабли,
 Хожу в папахе, при усах,
 Моя отточенная сабля
 Не может выспаться в ножнах.
 Дымок над ханским домом тонкий
 Всегда ли вьется, не видал,
 Но из ствола моей винтовки
 Он виться не переставал. (3, 122)

Вполне закономерным представляется тот факт, что именно Расул Гамзатов и Кайсын Кулиев явились теми поэтами Северного Кавказа, кто максимально высоко взвил стяг народной самобытности в поэзии. Их произведения абсолютно национальны, они сосредоточили в себе значительный пласт явлений и признаков культурного менталитета народов всего Северного

Кавказа. Но преданность национальным устоям, часто происходящий в их творчестве возврат к народным истокам, верность им, — все это никак не следует считать неким отречением от процессов сегодняшнего дня, неким избавлением от порой безжалостных настроений современности. По-новому они подходят к фольклорным образам и традициям, обыгрывают фольклорные сюжеты («Поэма любви» Кайсына Кулиева, «Сказание о Хочбаре...» Расула Гамзатова), наполняя традиционные каноны новым содержанием, умело используя пословицы и поговорки.

По этому поводу — по поводу наполнения традиционных канонов новым содержанием — северокавказский исследователь Хангери Баков в своей монографии отмечает следующее: «Примечательно то, что поэтам новописьменных литератур пришлось на какое-то время оторваться от национального фольклора, вырабатывая новые традиции в процессе учебы у представителей более развитых литератур. Насколько эта учеба была плодотворной можно судить хотя бы по такому факту, что такие поэты, как Р. Гамзатов, К. Кулиев, Д. Кугультинов, А.Кешоков, И.Машбаш получили признание именно в жанрах субъективно-эмоциональной и философской лирики. Парадоксальным выглядит факт: эти поэты преуспели в тех жанрах, развитию которых меньше всего благоприятствовали традиции фольклора. Они на время как бы оторвались от фольклора, но вернулись к нему уже на другом уровне, их обращение к фольклору стало более взыскательным, творческим. Без этого они не стали бы национально-самобытными поэтами» (1, 32).

Совокупность всех перечисленных признаков справедливо можно считать лишь тем непреложным стержнем, который неоспоримо дает поэтам постоянную духовную стабильность в мире неистовых движений и яростных бурь. Оставаясь «абсолютными» выразителями характера своего народа, поэты часто выходят за пределы национального и глубже проникаются чувствами общечеловеческими. К тому же следует отметить, что и в самом северокавказском фольклоре определено и разрешено значительное число общечеловеческих проблем и вопросов, а главный герой произведений горского устного народного творчества искренне и со всей душой верен общечеловеческим духовно-нравственным идеалам.

1. Баков Х. Социалистический реализм и некоторые вопросы развития романа в адыгских младописьменных литературах // Традиции и современность. — Черкесск, 1986.
2. Гамзатов Р. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Худож. лит., 1980.
3. Гамзатов Р. Художественное наследие и современность: Проблема преемственности и взаимодействия даг. лит. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982.
4. Кулиев К. Собрание сочинений. — В 3-х тт. — М.: Худож. лит., 1987.
5. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. — Л., 1971.

Дзахова В.Т., Бязрова З.А.

Фразеологизмы как отражение культурной информации (на материале немецкого и русского языков)

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-727

Аннотация

В статье на основании анализа фразеологизмов немецкого языка, представленных в романе В.Херрндорфа «Tschick» и его перевода на русский язык анализируются представленные слои культурной информации, или сферы сознания, задействованные при отражении мира.

Ключевые слова: фразеологизмы, культурная память, культурная информация, немецкий язык, русский язык.

Abstract

In the article, based on the analysis of phraseological units of the German language presented in the novel by W. Herrndorf "Tschick" and its translation into Russian, the presented layers of cultural information, or spheres of consciousness, involved in the reflection of the world, are analyzed.

Keywords: phraseological units, cultural memory, cultural information, German language, Russian language.

Исследование фразеологизмов в аспекте перевода предполагает получение ответов на вопросы о том, какая культурная информация хранится во фразеологизме и насколько возможно (если это необходимо) сохранить ее в процессе межязыковой транспозиции. Как справедливо отмечала В.Н.Телия, хранящаяся в ФЕ культурная информация отражает разные формы осознания мира, в результате чего во ФЕ выделяются такие слои, как архетипический, мифологический, библейский, фольклорный и др. /3;4;5/.

М.Л.Ковшова, исследуя представленные в ФЕ слои, выделяет три сферы сознания: мифологическую, научно-познавательную и наивную /2/.

Анализ ФЕ в сопоставительном аспекте позволяет изучить объект изнутри, объяснить, как происходило формирование ФЕ и особенности ее функционирования в каждом из сопоставляемых языков. В данной статье представлена попытка объяснить формирование и особенности отражения картины мира в ФЕ немецкого и русского языков на материале анализа роман В.Херндорфа «Tschick» и его перевода на русский язык.

Und ich finde, es geht mir schlecht genug, ich muss mich nicht auch noch zum Obst machen [K.1, S.10] - А мне, кажется, и так достаточно фигово, чтоб еще больше выставлять себя на посмешище [гл.1, стр.9].

Немецкая ФЕ jemandem geht es gut/schlecht означает, что у кого-то хорошее самочувствие; нет забот и проблем. Глагол gehen в данной ФЕ относится к сфере физической активности человека, в частности, к его способности ходить. В основе ФЕ лежит представление о том, что человек, способный хорошо передвигаться (букв. мне ходится хорошо), не может ни на что жаловаться (ни на здоровье, ни на дела). И напротив, человек, которому ходится плохо – это человек, чье физическое состояние и/или дела обстоят не лучшим образом. Данная ФЕ позволяет заключить, что для немцев физическая сила и здоровье – на первом плане.

В русском языке для выражения аналогичного значения обычно используются выражения Как дела? и Как здоровье? Таким образом, в основе русских выражений – сфера медицины и ремесла.

Однако на русский язык данная ФЕ переведена выражением с стилистически маркированной лексемой, употребляющейся в разговорной речи подростков для стилистически нейтрального плохо - фигово.

ФЕ sich zum Obst machen означает выставить себя на посмешище, осрамиться. Данная ФЕ относится к разговорному уровню и регионально ограничена. Сфера культуры, отраженная в ФЕ – сельское хозяйство (овощ). Интересно, что в немецком языке есть аналогичная ФЕ sich zum Loeffel machen, в которой сферой создания образа служит предмет быта (ложка). В обоих случаях человек предстает в виде овоща/ложки, т.е. в определенном смысле теряет человеческие качества, перестает быть человеком. Это свидетельствует о негативном отношении немцев к ситуациям, в которых над ними смеются, о том, что быть смешным – плохо.

На русский язык ФЕ переведена с полной передачей семантики, но с отсутствием формы. Лексема посмешище имеет стилистическую окраску «устарелое» и обозначает «издевательство, осмеяние». Таким образом, выставить себя на посмешище означает сделать что-либо, что не соответствует ожиданиям и делает человека предметом насмешек, т.е. выставляет его в плохом свете. Насмешка, в отличие от смеха, имеет значение обидной шутки, издевки. Хотя оба эти слова этимологически родственные и имеют один корень, насмешка имеет отрицательную коннотацию. Таким образом, в переводе отсутствует ФЕ, употреблено выражение с устаревшим словом.

... aber da schreit der Arzt noch lauter – und da merkt man interessanterweise, wer hier das Sagen hat. [K.2, S.12] - а врач орет на него еще громче – и становится ясно, за кем тут последнее слово [гл.2, стр.12] .

ФЕ *das Sagen haben* разговорная и относительно молодая. Она возникла в первой половине XX века и означает иметь власть, влияние, определять ход событий, иметь рычаги власти. В основе ФЕ лежит представление о том, что слово/речь обладает определенной властью, и человек, умеющий (хорошо) говорить, управляет массами. Собственно говоря, на этом построено успешное существование СМИ, которые преломляют и отражают действительность в своих интересах, преподнося читателям определенную картину мира и управляя их сознанием. Иными словами, данная ФЕ повторяет высказанную немецким философом Георгом Клаусом мысль о том, что тот, кто владеет словом, тот владеет миром.

На русский язык ФЕ была переведена путем подбора эквивалента, благодаря чему эмоциональная окраска предложения осталось неизменной. Однако стилистически нейтральная ФЕ *das Sagen haben* переводится на русский язык более возвышенной ФЕ за кем тут последнее слово, что означает «окончательно решающее слово».

Aber in der siebten hatte ich sie auf einmal voll auf dem Schirm, da fing das grosse Elend an [К.5, S. 23] - Но в седьмом классе я почему-то стал думать только о ней, и вот тут-то и начался ад. [гл.5, стр.24].

ФЕ *etwas auf dem Schirm haben* означает думать о чем-то, осознавать что-либо, вспоминать о чем-либо, обращать внимание, контролировать, обладать информацией о ком-л./чем-л. В немецком языке данная ФЕ разговорная, из области воздушной обороны, в которой используются экраны радаров для опознавания и определения места летающих объектов.

На русский язык ФЕ переведена с передачей смысла, но без использования ФЕ, глаголом думать о ком-то. Дословно немецкая ФЕ в данном предложении переводится как «она перестала выходить у меня из радаров».

Um das Wort "Rettung" unterzubringen, hab ich noch die Episode mit dem Kuechenmesser dazugenommen, und weil ich gerade so in Fahrt war, auch noch, wie sie morgens die Treppe runtergekommen ist und mich mit meinem Vater verwechselt hat [К.6, S.31] - А чтобы пристроить слово «спасение», пришлось вставить эпизод с кухонным ножом. Ну а потом я уже так разошелся, что прибавил еще случай, когда мама с утра вышла из комнаты и перепутала меня с отцом [гл.6, с.32].

ФЕ *in Fahrt sein* означает набрать обороты, разойтись. ФЕ разговорная, в прямом значении обозначает движение крупных транспортных средств (вагонов, кораблей). Таким образом, в данной ФЕ налицо скрытое сравнение человека с машиной.

При переводе данного фразеологизма нейтральное *in Fahrt war* заменяется в переводе на разговорное выражение разойтись что подразумевает, начав что-л. делать, увлечься, войти во вкус. Таким образом, мы можем говорить о сохранении лексического значения при наличии стилистической трансформации.

Таким образом, краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что в немецких ФЕ большей частью представлена научно-познавательная сфера познания мира, о чем свидетельствует, например, наличие в немецких ФЕ сопоставление с машинами, кораблями, радарам. При переводе на русский язык ФЕ либо отсутствуют, заменяясь лексемами с сохранением семантики выражения, либо отражают наивную сферу сознания.

1. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.
2. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2009.
3. Телия В.Н. Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного русского языка // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24-26 февраля 2004 г. М.: РАН, ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2004. С.102-105.
4. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776-782.
5. Телия В.Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 6-14.
6. Wolfgang Herrndorf. Tschick. Roman. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. 254 S.

Жуков А.А.

Проблема перевода аллюзий в заголовках статей англоязычных публицистических изданий

*Российский государственный социальный университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-728

Аннотация

Данная работа посвящена рассмотрению проблемы перевода аллюзий в заголовках статей англоязычных публицистических изданий. В исследовании рассмотрены наиболее значимые понятия с точки зрения перевода стилистических приёмов. Также, в работе предлагается рассмотреть несколько примеров заголовков статей англоязычных изданий и определить возможные варианты их перевода с английского языка на русский язык. Актуальность данной работы заключается в огромном влиянии средств массовой информации на жизнь общества, так как в наши дни практически каждый человек следит за новостями и событиями, которые происходят в современном мире. С точки зрения употребления аллюзий в заголовках возникает проблема нахождения эквивалентного соответствия в русском языке, так как данный стилистический приём в отличие от цитирования, не является чётко маркированным. Скорее напротив, суть аллюзии заключается в её скрытом характере. Целью данного исследования является анализ употребления аллюзивных единиц в заголовках публицистических изданий и способы корректной передачи данного приёма с языка перевода.

Ключевые слова: аллюзия, публицистические издания, цитирование, стилистика, заголовки статей, приёмы перевода.

Abstract

This work is devoted to the problem of translation of allusions in the headlines of articles in English-language journalistic publications. The study examines the most significant concepts from the point of view of translation of stylistic methods. Moreover, several headings where allusions are used, are proposed to be translated in order to figure out characteristic features of the final result. The relevance of this work is based on the enormous influence of the mass media on the life of society, as nowadays almost everyone follows news and events that take place in the modern world. Considering the use of allusions in the headlines, there is a problem of finding an equivalent in Russian language because this stylistic tool, unlike quotation, is not clearly marked. On the contrary, the key thing of the allusion is its hidden nature. The purpose of this study is to analyze the use of allusion in the headlines of journalistic publications and ways to correctly translate it from English into Russian.

Keywords: allusion, journalistic publications, quotation, stylistics, article titles, translation methods.

На сегодняшний день, средства массовой информации играют колоссальную роль в жизни людей. Благодаря различным новостным изданиям мы можем следить за развитием событий в разных уголках планеты. Иначе говоря, СМИ – очень важный инструмент коммуникации, в том числе и межкультурной. Кроме того, нельзя не упомянуть тот факт, что число публицистических изданий с каждым годом только растёт. И это, в свою очередь, оказывает особое влияние на разнообразие излагаемых мнений, а именно одно и то же событие может раскрываться по-разному в зависимости от авторов статей. С точки зрения лингвистики, это приобретает особую важность, так как каждый автор в условиях конкуренции применяет ряд стилистических приёмов, которые могут сделать статью интереснее для читателя. И безусловно одним из основных приёмов является аллюзия.

Актуальность данного исследования можно объяснить несколькими факторами, в частности, необходимостью выявления стратегий, которые способствовали бы наиболее точному переводу заголовков статей, в которых заключена аллюзивная единица. В первую очередь, читатель конечно же обращает внимание на заголовок, и если он не «цепляет», то

вероятность того, что человек ознакомится со статьей, стремится к нулю. И если рассуждать с точки зрения перевода, то перед переводчиком стоит очень сложная и тонкая задача – он должен передать ту «изюминку», которую автор статьи заложил в заголовок.

Ещё одним фактором, который играет важную роль является тот факт, что аллюзия очень тесно связана с различными другими стилистическими приёмами. Задача переводчика при переводе аллюзивных единиц усложняется тем, что конкретных стратегий и способов передачи этого стилистического приёма нет, и в каждом отдельном случае необходимо применять не только языковые навыки, но и подходить к переводу творчески.

Объектом исследования выступают заголовки статей англоязычных изданий, которые содержат в себе аллюзивные единицы.

Предметом исследования является специфика перевода заголовков статей на русский язык.

Статьи публицистического характера обладают рядом характеристик и состоят из определённых элементов. И конечно же одной из ключевых деталей статьи является заголовок. Основная суть заголовка заключается в том, чтобы наиболее лаконично передать содержание статьи. Заголовок привлекает читателя к тексту, в том случае, если он содержит необходимые интересные для него сведения, и более того, при этом иногда отпадает потребность читать весь текст [3, с. 193].

В качестве основных функций заголовка можно выделить следующие: 1. Отображение основной информации; 2. Привлечение внимания читателя; 3. Помощь читателю в выборе статьи для ознакомления.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что заголовок в первую очередь, должен привлечь внимание читателя. И чтобы эту задачу выполнить, авторы применяют целый ряд приёмов, среди которых можно выделить аллюзию.

Что же представляет собой аллюзия? Слово аллюзия происходит от латинского “alludere”, что переводится как «намекать». Данный термин впервые появился в XVI в. и означает выражение, предназначенное для того, чтобы создать в сознании определённый образ, при этом без его прямого упоминания; косвенная или мимолетная ссылка.

Аллюзия тесно связана с рядом стилистических приёмов, которые также выполняют роль маркера, указывающего на какое-либо явление или личность. Наиболее близким по своей природе приёмом является цитата. Оба эти приёма дают ссылку на уже существующий факт, событие или явление. Однако их главное отличие заключается в том, что цитата – это дословная единица, в то время как аллюзия является упоминанием слова или фразы [1, с. 459].

Одной из самых весомых характерных черт аллюзии является её культурная обусловленность. Разные народы обладают своими собственными представлениями о мире, и они могут не иметь аналога в других языках, таким образом при переводе эти представления будут несопоставимы с картиной мира другого народа. «Аллюзия как единица с национально-культурологическим компонентом значения составляет часть этой картины, и акцентуация некоторого образа при использовании аллюзии свидетельствует о его важности в картине мира, созданной нацией» [2, с. 356].

И, пожалуй, самой важной характерной чертой аллюзии является её имплицитность. Аллюзия должна быть скрыта в тексте, и делается это именно для того, чтобы адресат сообщения разгадал эту заложенную загадку, что в свою очередь способствует улучшению восприятия информации и вовлеченности читателя.

Для более ясного представления феномена аллюзии, лучше всего на конкретных примерах рассмотреть, каким образом этот приём используется в исходном языке и как он передаётся на язык перевода.

“Like John Travolta, I know the liberation of embracing the bald” [7]

В статье ведётся речь о жизненном опыте автора, который связан с изменениями во внешности из-за процесса старения. Пример Джона Траволты используется для привлечения

внимания, так как он известный на весь мир актёр, у которого наблюдаются схожие проблемы с теми, с которыми столкнулся автор.

В чём заключается аллюзия: имя известного актёра Джона Траволты используется в заголовке в качестве отсылки на фотографию, которую он выложил на своей странице в социальной сети. На ней актёр впервые предстал полностью лысым.

Возможный вариант перевода: «В стиле Джона Траволты: мой личный опыт». В качестве переводческих трансформаций использованы модуляция и генерализация («в стиле», «мой опыт»).

“Forget Mary Poppins, the perfect childcare doesn't exist” [6]

В чём заключается аллюзия: Мэри Поппинс – главная героиня одноимённой повести Памелы Трэверс, вместе с которой дети попадают в необыкновенные приключения, невозможные в сером мире взрослых.

Возможный вариант перевода: «И Мэри Поппинс не поможет: идеальных методов воспитания не существует». При переводе первой части заголовка используется модуляция (автор призывает не рассчитывать на помощь Мэри Поппинс, ведь даже она бессильна). Далее во второй части, для перевода существительного «childcare» применяется конкретизация и получается вариант «методы воспитания».

“Once and Future NATO” [7]

В чём заключается аллюзия: в данном заголовке статьи “The New York Times” используется отсылка на бестселлер под названием Т.Х. Уайта «Король былого и грядущего». В статье речь идёт о том, какие перспективы развития ждёт НАТО в будущем и каких результатов уже добился альянс.

Вариант перевода: «НАТО былого и грядущего». В качестве осинового приёма перевода в данном случае выступает модуляция (меняется временной отрезок, если в ИЯ – это определённый момент времени, начавшийся в конкретной точке, то в ПЯ категория прошлого времени представляется как некий промежуток, длившийся до настоящего периода).

“The Davy Crockett solution to Putin” [8]

В данной статье автор рассказывает о недостатках внешней политики, которую проводит Россия. Также, те сферы, о которых идёт повествование в статье, довольно тесно связаны и с Соединёнными Штатами, в частности конфликт в Сирии.

В чём заключается аллюзия: Несмотря на то, что по мнению автора статьи есть множество спорных моментов в политике проводимой Владимиром Путиным, которые США могли бы использовать в качестве собственного преимущества, Соединённые Штаты этого не делают. Фольклорное имя Дейви Крокетта используется для того, чтобы показать, что США нуждаются в таком же президенте как этот герой, то есть таком лидере государства, который мог бы объединиться с союзниками для противодействия политике Владимира Путина и России в целом.

Возможный вариант перевода:

«Какое бы решение принял Дейви Крокетт чтобы противостоять Путину?». Для перевода данного заголовка используются такие трансформации как конкретизация и изменение типа предложения. (Вместо утвердительной формы в ИЯ используется вопросительная форма в ПЯ, а также вводится «противостоять Путину», так как из содержания статьи понятно, что речь идёт именно о противодействии политике России).

В статье Исходя из взятых примеров и вариантов перевода, можно сделать вывод, что передать аллюзию с ИЯ на ПЯ не так уж и просто. Чаще всего, чтобы не потерять изначальный замысел автора и сохранить аллюзию, приходится менять структуру предложения, в следствие чего форма может разительно отличаться от исходной версии. Однако, в случае если переводчик проведёт должный анализ и сможет принять правильное решение, сохранить аллюзивность в заголовке вполне реально. И как результат, заголовок по-прежнему привлекает взгляд читателя, а если он ещё и распознаёт заложенную загадку, то это лишь способствует достижению главной цели коммуникации.

Проведённое исследование показывает, что наиболее распространёнными приёмами перевода аллюзий являются модуляция, генерализация, а также изменение структуры предложения. Также важным аспектом является достаточный уровень культурной компетенции переводчика, ведь если он не знает характерных образов англоязычной культуры, то попросту не сможет распознать аллюзию и как результат дать корректный вариант перевода, который бы сохранял изначальную цель выбранного автором заголовка.

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. С. 459
2. Киосе М.И. Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: на материале заголовков английских и русских журнальных статей. М., 2002. С. 356.
3. Солганик Г.Я. Язык и стиль средств массовой информации. М., 1997. С. 193.
4. The New York Times. Once and Future NATO. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2008/04/01/opinion/01tue2.html> (дата обращения: 12.11.2022)
5. The Telegraph. Forget Mary Poppins, the perfect childcare doesn't exist. [Электронный ресурс] URL: <https://www.telegraph.co.uk/family/parenting/forget-mary-poppins-perfect-childcare-doesnt-exist> (дата обращения 11.11.2022)
6. The Telegraph. Like John Travolta, I know the liberation of embracing the bald [Электронный ресурс] URL: <https://www.telegraph.co.uk/health-fitness/body/like-john-travolta-know-liberation-embracing-bald> (дата обращения 12.11.2022)
7. The Washington Times. The Davy Crockett solution to Putin [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2016/jan/25/jed-babbin-the-davy-crockett-solution-to-putin/> (дата обращения 19.11.2021)

Захарова Д.И., Степанова З.Б.

Синтаксические функции эмотивных оноματοпоэтических слов японского языка

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-729

Аннотация

В статье рассматриваются оноματοпоэтические слова японского языка, выражающие положительные эмоции, так называемые *gijyougo*. Установлено, что данная лексика способствует выражению эмоций и чувств. В статье анализируются примеры употребления наиболее частотных оноματοпоэтических слов, отобранных из корпуса японского языка. В ходе анализа выявлены основные функции *gijyougo* в предложениях.

Ключевые слова: японский язык, синтаксис, лексикология, оноματοпея, оноματοпоэтические слова, корпус, корпусный анализ.

Abstract

The article deals with the onomatopoeic words of the Japanese language, expressing positive emotions, the so-called *gijyougo*. It has been established that this vocabulary contributes to the expression of emotions and feelings. The article analyzes examples of the use of the most frequent onomatopoeic words selected from the Japanese corpus. The analysis revealed the main functions of *gijyougo* in sentences.

Keywords: Japanese, syntax, lexicology, onomatopoeia, onomatopoeic words, corpus, corpus analysis.

Оноματοпоэтические слова занимают значительный пласт японского языка, насчитывают порядка 4500 лексических единиц, которые придают речи живой ритм и помогают описывать впечатления и чувства. Оноματοпоэтические слова носят в себе особенности культуры страны и национального мышления: её можно рассматривать не только со стороны лексики, но и как неотъемлемую часть японского языка и менталитета.

По более подробной классификации звукоподражательные слова делятся на 擬音語 (giongo) и 擬声語 (giseigo), подражания звуку и голосу соответственно. Обязательная характеристика звукоподражательных слов — это цель более точно выразить тот или иной звук. А образоподражательные слова можно разделить на 擬態語 (gitaigo) — описание состояния, 擬容語 (giyougo) — описание образа, и 擬情語 (gijyougo) — описание чувств и эмоций. Группа образоподражательных слов существует только в японском языке. В данной работе мы будем рассматривать ономапоэтические слова, описывающие чувств и эмоций, так называемые 擬情語 (gijyougo). К ним относятся, например, слова いらいら (ira-ira) — расстройство, огорченное состояние; или слово ぞくぞく (zoku-zoku), означающее дрожь или трепет, мурашки по коже.

Ономапоэтическая лексика 擬情語 (gijyougo) может быть как положительной, так и негативные эмоции, поскольку является лексикой, которая определяет человеческие чувства. Нами было отобрано 擬情語 (gijyougo) из учебника Akutsu Satoru «E de wakarui. Giongo gitaigo», выражающие позитивные эмоции, рассмотрели их употребление в корпус японского языка Tsukuba Web Corpus (TWC), а также с какими частями речи и частицами используются ономапоэтические слова.

Первым мы рассмотрим 擬情語 (gijyougo) «Uttori» (うっとり) в корпусе Tsukuba Web Corpus (TWC). В 88% случаев пишется хираганой うっとり, и лишь 12% используется катакана ウットリ. «Uttori» выражает чувства восхищения или очарования под, возникшее под каким-либо влиянием. Чаще всего «uttori» используется с глаголами, например, самое частое применение うっとりとする uttorisuru (142) — восхищаться, восторгаться:

Пример 1. うっとりと、空を見上げた (uttorito, sora wo miageta) — очарованный, я посмотрел на небо. В данном случае うっとりと выступает причастием «очарованный», выражая положительные эмоции, возникшие под каким-то приятным впечатлением.

Далее мы рассмотрим 擬情語 (gijyougo) «nikoniko» (にこにこ). В 100% пишется катаканой (ニコニコ), а хирагана практически не используется в записи. Самое частое использование (3,205) без классификации:

Пример 2. いつもニコニコ笑顔の先生です (itsumo nikoniko egao no sensei desu) — Он учитель, который всегда широко улыбается. Слово “笑顔” уже означает «улыбающееся лицо», однако в сочетании с ニコニコ усиливается действующее значение и переходит в «широко улыбается». Также часто используется вместе с глаголами и существительными, реже с прилагательными.

擬情語 (gijyougo) わくわく (wakuwaku) в 61% случаев пишется катаканой ワクワク, и в 39% используется хирагана わくわく. Самое частое использование данного слова (2,955) без сочетания с другими словами:

Пример 3. 新しい手帳にわくわく! (Atarashii techou ni wakuwaku!) - Я в восторге от моего нового блокнота! わくわく (wakuwaku) также часто используется с глаголами, менее с прилагательными, наречиями и существительными. Примечательно то, что встречаются примеры с другими ономапоэтическими словами, в частности с ドキドキ (dokidoki):

Пример 4. 古くから伝わるお話は、いつ読んでもわくわくドキドキ! (furuku kara tsutawaru ohanashi wa, itsu yonde mo wakuwaku dokidoki!) - сколько не читаю старые истории, которые переходят из уст в уста, всегда волнуюсь и трепещу!

В качестве следующего 擬情語 (gijyougo) рассмотрим ほっと (hotto). В 58% случаев пишется ほっと хираганой, в 42% катаканой ホット. Самое частое использование (10,505) в форме глагола ほっとする — облегченно вздохнуть:

Пример 5. その時は本当にホッとしました — в тот момент действительно вздохнул от облегчения. К тому же ほっと (hotto) может использоваться самостоятельно, выступая в роли деепричастия, глагола:

Далее мы анализируем *gijyougo* «ukiuki» (うきうき). В 69% случаев записывается катаканой **ウキウキ**, 30% - хираганой **うきうき**, а иероглифическая запись **浮き浮き** практически не используется. Самое частое использование (322) без классификации:

Пример 6. **子供たちもウキウキ大喜びでしたよ!** (kodomotachi mo ukiuki ooyorokobi deshita yo) – дети тоже были в приподнятом настроении! Также «ukiuki» (うきうき) часто применяется как глагол, наречие, деепричастие, прилагательное:

Рассмотрим *gijyougo* «isoiso» (いそいそ). Преимущественно (100%) **いそいそ** записывается хираганой. В большинстве случаев (440) требует после себя частицу **と** (いそいそと):

Пример 7. **あたしが何か言うより先に、オリヴィアは立ち上がっていそいそと部屋を出て行く** (Atashi ga nani ka iu yori saki ni, oriivia wa tachiagatte isoiso to heya o deteiku) — Прежде чем я успела что-то сказать, Оливия встала и живо вышла из комнаты.

Далее рассмотрим *gijyougo* «hokuhoku» (ほくほく). Практически в разной степени записывается как хираганой **ほくほく** (56%), так и катаканой **ホクホク** (44%). Чаще всего используется самостоятельно или с глаголами, и потому может быть разными членами предложения:

Пример 8. **思わずホクホク顔になったAさんでした** (omowazu hokuhoku kao ni natta A-san deshita) – Это был господин А с невольно радостным лицом.

Пример 9. **そして、おたがい、これはとんだもうけものをしたとおもって、ほくほくしながら、わかれしました** (soshite, otagai, kore wa tondamoukemo no wo shita to omotte, hokuhoku shinagara, wakaremashita) – И потом оба, радуясь, разошлись, подумав, что сделали неожиданную выгодную сделку. В 8 примере *hokuhoku* выступает определением слова «лицо», становясь прилагательным «радостное», а в 9 примере соединяясь с *shinagara* преобразуется в деепричастие «радуясь». То есть, значение и функция слова изменяемы.

Приведем в качестве примера *gijyougo* «sappari» (さっぱり). В 87% случаев записывается хираганой **さっぱり**, и в 13% случаев катаканой **サッパリ**. Может выражаться в роли глагола:

Пример 10. **さっぱりしていながら味わい深い美味しさです** (Sappari shite inagara ajiwaibukai oishisa desu) – В одно время освежающий, и в то же время глубокий вкус. Можно отметить, что наиболее часто используется в контексте освежающего ощущения после принятия какой-либо пищи или напитка: **さっぱり味** (sappari aji) — освежающий вкус; **お口の中はサッパリ** (o kuchi no naka wa sappari) — во рту свежо.

Далее рассмотрим «sukkiri» (すっきり). Практически в равной степени записывается как хираганой **すっきり** (57%), так и катаканой **スッキリ** (43%). Чаще всего (4,919) записывается в связке с частицей ‘と’ (to):

Пример 11. **気持ちがスッキリとしました** (kimochi ga sukkiri to shimashita) — настроение поднялось.

В качестве следующего примера *gijyougo* с положительной эмоциональной окраской рассмотрим «uhauha» (うはうは). Практически всегда (100%) записывается катаканой **ウハウハ**. Может использоваться с частицей ‘の’ “no”:

Пример 16. **経営者だけがウハウハの状態でした** (Keieisha dake ga uhauha no joutai deshita) — Только руководитель был в радостном настроении.

Что примечательно, *uhauha* довольно редко употребляется вместе с глаголами (17), немного чаще с существительными: **ウハウハ状態** (uhauha joutai) — состояние, когда хочется смеяться от радости, **ウハウハ気分** (uhauha kibun) — настроение смеяться от радости, **ウハウハ生活** (uhauha seikatsu) — радостная жизнь.

Таким образом, проанализировав наиболее употребительные оноματοпоэтические слова - *gijyougo* с положительной эмоциональной окраской, мы можем сделать вывод, что

чаще всего *gijuoico* функционируют как часть речи, выражаясь прилагательным (6), глаголом (4), наречием (3), деепричастием (3) и всего 1 раз причастием.

1. Подшибякина А.А. Оноματοпоэтическая лексика в японском языке. Учебное пособие / А.А.Подшибякина. – М.: Муравей, 2003. – 64 с.
2. Румак Н. Г. Оноματοпоэтические слова японского языка. Учебное пособие для продолжающих / Н.Г. Румак. – М.: Издательство ВКН, 2017. – 96 с.
3. Толковый японско-русский словарь оноματοпоэтических слов / Н. Г. Румак, О. П. Зотова. — М.: Издательство «МОНОГАТАРИ», 2012. — 496 с.
4. NINJAL-LWP for TWC (NLT) [Электронный ресурс]. URL: (tsukubawebcorpus.jp) (Дата обращения: 07.10.2022)

Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф.

О грамматическом выражении модальности намерения в башкирском языке

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-730

Аннотация

Модальность – понятийная категория. Она выражает отношение сообщаемого к его реальному осуществлению, устанавливаемое (определяемое) говорящим лицом. Отношение высказывания к реальности языка выражается при помощи различных средств – лексических, морфологических, синтаксических.

Специальным морфологическим средством выражения модальности намерения в башкирском языке являются формы наклонения глагола, которые передают самые разнообразные модальные значения и оттенки.

Ключевые слова: башкирский язык, модальность намерения, реальное намерение.

Abstract

Modality is a conceptual category. It expresses the relationship of the reported to its actual implementation, established (determined) by the speaker. The relation of the utterance to the reality of the language is expressed with the help of various means - lexical, morphological, syntactic.

A special morphological means of expressing the modality of an utterance are the mood forms of the verb, which convey a wide variety of modal meanings and shades.

Keywords: Bashkir language, modality of intention, real intention.

Намерение – это замысел совершить что-нибудь, стремление и желание сделать что-либо, а также предположение каких-либо действий.

В тюркском языкознании формы, которые выражают значение намерения интерпретируются по-разному. Некоторые ученые рассматривают данные формы среди временных форм изъявительного наклонения, другие рассматривают как самостоятельное наклонение.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней анализируются грамматические средства выражения модального значения намерения, т.е. в установлении системы средств выражения данной модальности в башкирском языке. В статье некоторые конструкции анализируются впервые.

Категория намерения в башкирском языкознании стал объектом изучения многих языковедов [2; 4; 5].

Н. К. Дмитриев дает следующую характеристику форме, которая выражает значение намерения, «для того, чтобы не возвращаться к пережиточной форме на -мак, -мэк, отметим, что она продолжает жить в виде сложного аффикса -мак-сы, -мэк-се, который образуется от любого глагола и означает намерение» [1, с. 171-172].

Дж. Г. Киекбаев в башкирском языке выделяет следующие формы, выражающие значение намерения: 1) форма на -мак, -мәк; 2) на -мак-сы, -мәк-се; 3) на -мак-сы, -мәк-се була; 4) -ырға итеү, -ергә итеү [3, с. 117].

А. А. Юлдашев форму намерения рассматривает как самостоятельную категориальную форму наклонения. По его мнению, «форма на -мокчи обладает единым устойчивым модальным значением и монолитным строением, регулярным употреблением» [5, с. 216].

М. В. Зайнуллин в своих трудах категорию намерения также рассматривает как самостоятельное наклонение [2].

Наклонение намерения в современном башкирском языке в основном образуется при помощи аффикса -максы / -мәксе, которая присоединяется к любой основе глагола. Например: укы-максы «намеревается прочитать», кил+мәксе «намеревается прийти», кара+максы «намеревается посмотреть», көл+мәксе «намеревается смеяться» и т.д. Примеры: Ер иңрәй-ыңғыраша ауыр хулай, тыны быуыла-быуыла үз балаларына хәбәр һөйләмәксе (Н. Мусин). – Земля постанывая тяжело дышит, намеревается своим детям что-то рассказать. Без балалар менән бергә яландарзы ураштырып кайтмаксыбыз (М. Карим). – Мы с детьми намерены обойти поля. Ниндәйерәк эшкә тотонмаксыһың – ағынамы, караһынамы тигәндәй? (М. Карим). – Чем намереваешься заняться – чем-то лёгким или за чёрную работу возьмёшься. Арзан да, ышаныслы ла, тип исбатламаксы (Б. Рафиков). – Намерен доказать, что дешёво и надёжно. Каршы булмаһағыз, алдағы һорауға яуап бирмәксемен (Б. Рафиков). – Если вы не против, я намерен ответить на прерывающий вопрос.

Как отмечает А. А. Юлдашев «форма на -максы / -мәксе выражает реальное намерение субъекта, его предположение, осуществление которого мыслится как возможное» [5, с. 170].

Достаточно часто данная форма употребляется с гипотетическими модальными словами. Данная форма обозначает сомнение в намерении говорящего совершить какое-либо действие. Пример: Беззе кунакка сакырып алмаксылар, ахыры. – Наверное, они намереваются пригласить нас в гости.

Также намерение в башкирском языке выражается аналитическими формами, которые образуются при помощи вспомогательных глаголов *бул* и *ине*. Например: карамаксы була «намерен посмотреть», карамаксы ине «намеревался посмотреть» и т.д. Вспомогательный глагол *бул* употребляется в формах настоящего и прошедшего времени.

Аналитическая форма со вспомогательным глаголом в форме настоящего времени *була* обозначает реальное намерение субъекта совершить какое-либо действие. Отрицательная форма не образуется. Например: укымаксы була «намеревается прочитать», карамаксы була «намеревается посмотреть» и т.д. Примеры: Ат менән үзең дә армияға китмәксе булаһыңмы? (И. Абдуллин). – Сам на лошади намереваешься в армию попасть? Намыска теймәксе, йәлләмәксе булаларзыр инде (Р. Баймов). – Намереваются пристыдить, пожалеть, наверное.

Форма прошедшего времени вспомогательного глагола *булды* выражает намерение говорящего лица в прошлом, т.е. обозначает твёрдое решение субъекта совершить какое-либо действие. Как отмечает М. В. Зайнуллин, «это констатация намерения, а не совершившегося действия» [5, с. 99]. Примеры: Тракторза кая һымак текә тауға менмәксе булды (И. Абдуллин). – Намеревался на тракторе подняться на высокую как скала гору. Гөлийемеш апай шул врачты сакырмаксы булды (М. Карим). – Тётя Гульйемеш намеревалась вызвать этого врача. Уйынды ауыл осондағы сизәмдә, Үзәште һыуы буйында, типһәндә яһамаксы булдылар (Дж. Киекбаев). – Веселиться решили на целине, у реки Узяшты, на речной долине.

Активно употребляется в башкирском языке форма наклонения намерения, которая образуется при помощи вспомогательного глагола *ине* и обозначает нереализованное намерение субъекта в прошлом. Примеры: Леонид уның артынан ташланмаксы ине – колак төбөндә көслө шартлау ишетелде (И. Абдуллин). – Леонид намеревался броситься за ним – рядом послышался сильный взрыв. Йәйләүгә – сайыр кыркырга китмәксе инем (Н. Мусин). – Намеревался пойти на летовку – готовить сосновую смолу.

В башкирском языке намерение также выражается при помощи аффикса *-мак / -мәк*. Эти архаичные формы преимущественно употребляются в произведениях художественной литературы и устном народном творчестве Хәмит миңә йәнә һынамак мыссыллы карашын төбәнә (Р. Баимов). – Хәмит посмолтрел на меня с издөвкөй, намереваясь меня проверить. – Но так он намеревается вас проверить. Мына язам мөнәжәт, Укымак та көйләмәк. Мөнәжәттә һөйләмәк Тыуған илем хакында (Из мунажата). Вот я пишу мунажат, намереваясь прочитать и рассказать. В мунажате намереваюсь рассказать о своей родине.

Довольно часто в башкирском языке употребляется форма намерения на *-мак / -мәк* була. Примеры: Низер ишетмәк булып, ишек төбөнә барып әйләнде (Н.Мусин). – Намереваясь подслушать, несколько раз подходил к двери. Манекен оштаһын касан озатмак булаһың? (Б. Рафиков). – Когда намереваешься проводить мастера манекенов. Ләкин ошо юл менән ул һеззә һынамак була (Г. Якупова). Балык курып ашамак булдылар (Из газеты). – Намеревались зажарить рыбу.

Редко в произведениях художественной литературы встречается форма типа *алмаға* була. Примеры: Анау, Фатима таккан кулъяулыкты алмаға була тырыша ул (Дж. Киекбаев). – Он намеревается получить платок, который вышила Фатима.

Аналитическая форма инфинитива на *-ырға* и вспомогательного глагола *бул-* передаёт твердое решение субъекта совершить какое-либо действие. Вспомогательный глагол *бул* может употребляться по всех временных формах. Например: укырға булды, укырға була, укырға булып. Но только форма прошедшего времени полно выражает модальное значение намерения. Примеры: Бер айзан булған юбилейына тип әзерләгән кәнфиттәрен, тәм-томдарын да сығарып ашарға булды (З. Мусина). – Намеревалась съесть конфеты, сладости, приготовленные на юбилей. Өләсәһе күпмелер вакытка ейәнсәрен алып кайтырға булды (Г.Исянгильдина). – Бабушка намеревалась забрать внучку на некоторое время.

Другая аналитическая форма инфинитив + вспомогательный глагол *тор-* выражает намерение субъекта совершить какое-либо действие на данный момент или в ближайшее время. Вспомогательный глагол употребляется только в форме настоящего времени. Примеры: Үзебез зә сәйләп алырға тора инек (Т. Даянова). – И сами намеревались чаёвничать. Үзем бына һинән һорарға тора инем (В. Исхаков). – Я сам намеревался у тебя спросить. Төшкөлөккә балтырған өйрәһе бешерергә торам (В. Исхаков). – В обед намереваюсь сварить суп из борщевика.

Для обозначения намерения действующего лица употребляется сочетание, образованное от инфинитива и вспомогательного глагола *ит-*. Примеры: Алпамыша, атын ебәрәп, үзе генә барырға итә (Из сказки). – Алпамыша, отпустив коня, намеревался пойти один. Бынау исәр бисә бәйләнде лә безең баланы алырға итә (Т. Гиниятуллин). – Вот эта ненормальная привязалась и намеревается отнять нашего ребёнка. Өллә уныһы еңгәнә утынын алып кайтырға итә инде? (Г. Япаров). – По-моему, он намеревается забрать дрова снохи? Куянды барыһы ашарға итә (Из сказки). – Все намереваются съесть зайца. Йокларға итә, тимәк (Г. Якупова). Намеревается впасть в спячку, значит.

Иногда встречается форма типа *ултырмаға итә*. Пример: Сәй әсеп йырлап ултырмаға итәһенме әллә (Дж.Киекбаев). – Ты намереваешься пить чай, распевая песни?

Конструкции *-максы ит-* и *-мак ит-* выражают намерение и стремление говорящего лица совершить какое-либо действие. Эти две конструкции идентичны по значению, но различаются в стилистическом аспекте. Вторая форма в основном употребляется в произведениях устного народного творчества и художественной литературы. Примеры: Илгә кара яу килә, Ил-ерзәр тапап килә, Уралды алмак итә, Яйыкты кисмәк итә, Изелде әсмәк итә (Из кубаира). – Идёт большое войско, уничтожая всё на своём пути, намеревается взять Урал, намереваясь перейти Яик, намереваясь пить воду Идель. Һөйләшмәксе, кыззың кайһы ауылдан икәнә белешмәксе итеп караһыны ла, тегеһе ауыз асып һүз кушырлык хәлдә түгел ине (Н. Мусин). – Он намеревался поговорить с девушкой, узнать из какой она деревни, но она была не в состоянии ответить. Мин бармак бөгә-бөгә көндәрзе лә, төндәрзе лә исәпләп сыкмаксы итәм (М. Карим). – Я сгибаю пальцы, намереваясь считать дни и ночи.

Неопределённое намерение, неуверенное предположение говорящего лица совершить какое-либо действие в будущем передается при помощи конструкции, которая образуется сочетанием инфинитива и глагола *уйлау*. Примеры: Әсәһенәң ышығында касып калырға

уйлай (Л. Такаева). – Он намеревается спрятаться у мамы. Рәлиф район гәзитенә озак йылдар агроном булып эшләгән ветеран Барый Ибраһимов тураһында мәкәлә язырға уйлай (Из газеты). – Рәлиф намеревается написать статью в районную газету про Барый Ибраһимов, который долгие годы работал агрономом.

Также можно выделить такие конструкции типа, как *китергә самалау, китергә иҫәпләү, китергә ынтылыу, китергә йыйыныу, китергә тырышыу, китергә ниәтләү* и т.д. Примеры: Яуыз кош теге бесәй балаһын эләктереп алырға самалай (З. Даянова). – Злая птица намеревается выхватить котёнка. Был беззең Гүзәлиә илдең төньяк баш калаһына укырға китергә ынтыла (А. Мингалиева). – Наша Гузалия намеревалась поехать учиться в северную столицу нашей страны. Күптән әйтергә йыйынам... (Т. Гарипова). – Давно намереваюсь сказать. Һөҙөмтәләрен яҡшыртырға ниәтләй (Из газеты). – Намеревается улучшить результаты.

Таким образом, модальное значение намерения в башкирском языке выражается разнообразными формами и аналитическими конструкциями.

1. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 275 с.
2. Зайнуллин М. В. Модальность как функционально-семантическая категория. На материале башкирского языка. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. 124 с.
3. Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле. Өфө, 1966. 147 бит.
4. Тагирова Р.Г. Наклонение намерения глагола в современном башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 29 с.
5. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.

Комарова Е.Ю., Сазонова Е.Д., Вельдина Ю.В.

Особенности перевода поэтического текста «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера

*Пензенский государственный технологический университет
(Россия, Пенза)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-731

Аннотация

В статье рассматриваются особенности перевода стихотворного текста на материале «Общего пролога» из произведения Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы». В процессе перевода были применены различные лингвистические средства и приёмы, соотносящиеся со спецификой текста. Для выполнения поставленной задачи были проанализированы основные принципы поэтического перевода. В результате выполненного анализа лингвистических средств и основных принципов поэтического перевода была создана собственная поэтическая версия данной части произведения.

Ключевые слова: поэтический перевод, поэзия, принципы перевода, «Кентерберийские рассказы».

Abstract

The article discusses the features of the translation of the poetic text based on the material of the «General Prologue» from the work of Geoffrey Chaucer «Canterbury Tales». In the process of translation, various linguistic means and techniques were applied that correspond to the specifics of the text. To accomplish this task, the basic principles of poetic translation were analyzed. As a result of the analysis of linguistic means and the basic principles of poetic translation, a personal poetic version of this part of the work was created.

Keywords: poetic translation, poetry, principles of translation, «The Canterbury Tales».

Поэтический перевод – один из самых сложных видов перевода, требующий от переводчика определенного таланта или навыка написания стихотворений. Такую деятельность можно отнести к разряду «словесного искусства», поэтому при переводе очень важно

принимать во внимание некоторые особенности поэтического текста, чтобы сохранить его эстетическую функцию.

В первую очередь получившийся в итоге перевод должен быть эквивалентен оригиналу, передавать некоторые языковые особенности и стихотворные формы [3, с. 526]. Вместе с тем допускается антонимический перевод, если в нем сохраняется смысл, некоторые образы и детали подлинника.

С целью изучения конкретных особенностей перевода стихотворного текста было выбрано одно из ключевых произведений в истории английской литературы – «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера. Несмотря на всю значимость произведения, оно крайне редко переводилось на русский язык, и даже на сегодняшний день не существует его полного русского перевода [1, с. 260]. Это кажется несправедливым: произведение достойно гораздо большего внимания, так как оно обладает большой эстетической ценностью.

В качестве материала для перевода был взят отрывок из «Общего пролога» – первые сорок две стихотворные строки, предшествующие представлению автором каждого персонажа. Стоит отметить, что язык оригинала – староанглийский, но в процессе перевода был также использован и современный английский вариант произведения. Изначальный вариант позволил уловить ритм стихотворной формы и рассмотреть особенности художественных и языковых средств, использованных Чосером. Современное же переложение помогло сделать перевод на русский язык более точным и близким по смыслу к оригиналу.

В результате получились следующие строки:

*Когда Апреля сладостные реки
Прольются на иссушенную землю
И напоят все жаждущие стебли,
Прекрасные родящие цветы;
Когда дыханье сладкое Зефира
Вдохнёт былую жизнь в деревья и поля
И в молодые листья, что ласкает солнце,
Лишь середину в Овне перейдя,
И маленькие пташки защебечут
Из тех, кто ночью не смыкает глаз
(И в их природа откликается сердцах),
Тогда о пилигримах речь пойдёт моя,
Идущих в дальние края навстречу
Святыням чудным, как гласит молва,
Сбирающим к себе паломников от каждого двора,
Чтоб отыскать того, кто душу, тело лечит –
Священный мученик, благословлённый Богом –
Их в Кентербери всех ведёт дорога.*

В переводе первые 18 строк так же, как и в оригинале, представляют собой одно длинное распространённое предложение. Однако рифма была изменена: в исходном тексте она парная (смежная), в переводе же парная рифма присутствует лишь в отдельных строках, но по большей части она едва прослеживается. Кроме того, в процессе перевода был использован ритм, благодаря которому данные строки больше напоминают балладу и звучат нараспев, что сразу придает стихотворению оттенок старины.

Дальнейшее повествование сосредотачивается на конкретных событиях, происходит завязка сюжета, поэтому манера перевода тоже меняется. Во-первых, применяется иной стихотворный размер. Во-вторых, начинает использоваться перекрестная рифма, так как она более гибка в ритмическом плане, позволяет лучше передать необходимое настроение, а также придает повествованию большую динамичность [2, с. 75]:

*Случилось так, что тою же весной
В таверне Таббард в Саутворке я ночевал,
Благочестивым духом полон разум мой,*

*Я в Кентербери путь паломника держал.
Едва лишь вечер погостить зашёл в таверну,
С ним двадцать девять путников прибыли ночевать.
Всё были пилигримы – верно
Сама судьба решила вместе их собрать.*

Как можно заметить, основная часть переведенного текста была разделена на четверостишия, так как при анализе произведения было замечено, что каждые четыре строки, в большинстве случаев, либо выражают законченную мысль, либо могут быть выделены по смыслу из основного текста:

*И так же они в Кентербери шли.
Просторны были и конюшни, и покои,
За честь заночевать здесь мы почли.
Как только солнце скрылось с небосклона,
Я с каждым пилигримом говорил тогда,
Мы быстро стали добрыми друзьями.
Решили ранним утром встать. Отправимся тогда
Мы в долгий путь, которым поделюсь я с вами.*

Говоря о членении стиха, стоит упомянуть, что в «Кентерберийских рассказах» Чосер свободно варьирует строфы и размеры. При этом преобладающим размером является пятистопный ямб с парной рифмовкой, так называемый «героический куплет» [1, с. 263]. В приведенном же переводе стихотворный размер точно определить нельзя, так как он меняется от строфы к строфе, но во многих строках в процессе перевода удалось соблюсти пятистопный ямб:

*Но прежде, чем об этом рассказать,
Покуда есть и время, и желанье,
Мне разум мой велит вам описать,
Чем жили те паломники, в чём было их призванье.
Поведаю о каждом – кто он был?
Какое место занимал среди людей?
Как был одет? С собою что носил?
Пожалуй, с рыцаря начну, что был всех нас честней.*

Таким образом, главное условие, которое необходимо соблюдать при переводе стихотворного текста, является сохранение эстетической ценности произведения. Переводчик должен стараться различными языковыми средствами передать не только основное содержание подлинника, но и авторское видение, дух времени и стилистические особенности переводимого текста.

1. Абдульманова, А.Х., Лекомцева, И.А. Творческое наследие Джеффри Чосера и его русские переводы в контексте мировой культуры // *Litera*. – 2018. – № 4. – С. 259–265.
2. Касюк, Н.С. Филологический анализ поэтического текста: специфика работы // *Текстолингвистика: проблемы идиостиля и анализа коммуникативно значимых элементов*. – Минск, 2011. – С. 73–76.
3. Трубинова, Е.А. Особенности работы с художественным текстом. Переводческие трансформации в художественных текстах // *Молодой ученый*. – 2014. – №19. – С. 526–528.
4. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
5. Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер / Пер. с англ. И Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. – М.: Эксмо, 2007. – 768 с.

Комарова Е.Ю., Чигирева М.М., Вельдина Ю.В.
Анализ перевода староанглийской поэзии (на примере «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера)

*Пензенский государственный технологический университет
(Россия, Пенза)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-732

Аннотация

Одним из ключевых моментов для изучающих английский язык на лингвистических направлениях является приобретение навыков перевода текстов различных стилей, относящихся к историческим эпохам становления языка. В статье рассматриваются приемы художественного перевода, которые использовались для создания стихотворного русскоязычного текста пролога «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. Особое внимание уделено способам точности передачи авторского стиля, лексических и грамматических особенностей стихотворной литературы средневековой Англии.

Ключевые слова: художественный перевод, схема рифмовки, техника ассонанса, заимствования, лексическая трансформация, контекстуальная замена.

Abstract

One of the key points for English language learners in linguistic areas is the acquisition of skills in translating texts of various styles related to historical epochs of the formation of the language. The article discusses the techniques of literary translation that were used to create a poetic Russian-language text of the prologue of the «Canterbury Tales» by Geoffrey Chaucer. Special attention is paid to the methods of accurate transmission of the author's style, lexical and grammatical features of the poetic literature of medieval England.

Keywords: literary translation, rhyming scheme, assonance technique, borrowing, lexical transformation, contextual substitution.

Художественный перевод и переводческая деятельность – явления динамичные, требующие глубоких познаний в сфере литературных приемов, лингвистических особенностей текстов, языковых конструкций и оборотов. Для получения перевода, который отражает исходный авторский стиль и эстетически подчиняется категории соответствия, необходимо грамотно выстроить систему используемых средств выразительности (тропов), периодически обращаться к вопросу об эквивалентности исходного и полученного материалов и т.д.

Одним из важнейших аспектов при переводе стихотворного текста является выбор конкретной рифмы. Ее оформляющая, объединяющая и композиционная роли способствуют правильному восприятию текста. Иногда рифму называют «концевым звучанием», заложенным в основу подбираемой в процессе написания лексики. Неточные рифмы или же «imperfect rhymes» встречаются чаще, т.к. допускают некоторое отхождение, но также широко распространены и, так называемые, эхо-рифмы, позволяющие точнее связать «концы предложений» [2].

В теории художественного перевода также говорится о том, что рассматривать каждый элемент целого переводимого текста нужно в системе, обращая внимание на образ, «настроение» и структуру отдельных предложений, фраз и слов для более точного сохранения манеры писателя. Перевод отрывка пролога из произведения «Кентерберийские рассказы» («The Canterbury Tales») Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer) [5] (с использованием некоторых приемов), написанного на древнеанглийском языке вызывает большой интерес с точки зрения расшифровки значения отдельных слов, словосочетаний, подбора рифм, синонимов, выстраивания синтаксиса и т.п. Многократное исследование исходного текста позволяет выявить некоторые особенности перевода [3].

Проанализировав произведение «Кентерберийский рассказы», можно обнаружить схему рифмовки aabbaabb – парно-рифмованное двустопное. В прологе прослеживается пятистопный ямб.

В переведенном варианте с учетом подбора ударений, удалось применить технику ассонанса (при помощи построения совпадения некоторых ударных слогов) и неточной рифмы [1]:

{9} *And smale foweles maken melodye,*
 {10} *That slepen al the nyght with open ye,*
 {11} *So priketh hem Natüre in hir corages,*
 {12} *Thanne longen folk to goon on pilgrimages*

(На примере преобразования и перевода строф {9-12})

{9} *И множество маленьких птиц воспевают*
 {10} *Этот сон ночей, не сомкнувши глаз.*
 {11} *От весны и природы не засыпают,*
 {12} *А люди в скитаниях ищут спас.*

Большое количество заимствований в оригинальном произведении вызывает трудности при поиске и выборе перевода слова: примером является слово «Ram», (строка {8}), при детальном поиске имеющее значения созвездия Овна. Ссылаясь на русско-английский универсальный словарь можно обнаружить значение, имеющее латинское происхождение. Овен связан с золотым бараном греческой мифологии. Главная звезда в созвездии приходит из арабской фразы «голова барана». Само слово «Овен» пришло с латинского Ram «баран».

Исходную мысль фразы и заложенный автором образ удастся передать, связывая предыдущее или последующее предложение смыслом.

Так, в строке {3}:

«And bathed every veyne in swich licour»

Дословный перевод («...И купает каждую вену в сладком ликере...») не отражает идею олицетворения, нарушает логику и смысл следом идущего предложения [4]. Тем самым применив лексическую трансформацию слов на «...И питает сладостью каждую жилу...», можно добиться более точного понимания авторского сравнения.

Углубившись в синтаксические особенности поэтического текста, можно встретить такое явление как постпозитивное определение, которое при переводе на русский язык все же переходит в стандартную форму, где прилагательное выносится вперед. В {1} строке пролога видим: «shoures soote», что в формате современного английского языка будет выглядеть как «sweet showers», и на русский язык будет так же переведено по правилам классического порядка слов. Более того, не характерное для настоящего времени использование предлога «for» перед частицей «to» инфинитивной формы глагола при переводе может быть обращено в совершенно другую конструкцию, (строка {13}):

«...And palmeres for to seken straunge strondes...»

Так начало предложения «...and palmeres for to seken...», означающее «...и паломники, чтобы найти...» можно выразить при помощи такого приема, как описательный перевод или, по-другому говоря, контекстуальная замена, получив «...и паломники в поиске...»

Выполняя перевод трехстиший, можно столкнуться с эффектом напрашивающегося «разбиения» предложения на две части для лучшей рифмовки переведенного варианта.

Вследствие этого строки {16-18}, составляющие трехстишие,

{16} *Of Engelond, to Caunterbury they wende,*
 {17} *The hooly blisful martir for to seke,*
 {18} *That hem hath holpen whan that they were seeke.*

в переводе переходят в четверостишие:

*«Держащие путь в Кентерберии из Англии
 К мощам исповедников - тех, кто помог
 Живущим с недугом, больным или слабым,
 Постигнув мучения, выстоять смог».*

Избыточность притяжательных местоимений для английских текстов – такая же характерная особенность, придающая конкретику, но не требующаяся порой в русском языке. Так, в определенных случаях стоит опустить эти местоимения, но конкретно для данного фрагмента оригинального текста прием опущения не требуется, т.к. не нарушает логики высказывания (Например, {1} When that Aprille with his shoures soote, – Когда Апрель своими ласковыми ливнями.)

Таким образом, конструктивное сочетание описанных и выделенных приемов позволяет передать атмосферу, присутствующую в английской литературе средних веков.

1. Ассонанс в литературе [Электронный ресурс]// Сайт «РЯ» – URL: <https://russkiiyazyk.ru/leksika/assonans-v-literature.html> (дата обращения 19.11.2022).
2. Жирмунский, В.М. Рифма, её история и теория / В. М.Жирмунский //Стихovedение: Хрестоматия. – М.: Флинта, 2003. – С. 110–118.
3. Кентерберийские рассказы. Переложение поэмы Джеффри Чосера [Электронный ресурс] // <https://royallib.com> – URL: https://royallib.com/read/akroyd_piter/kenterberiyskie_rasskazi_perelogenie_poemi_dgeffri_chosera.html (дата обращения 23.11.2022).
4. Москвин, В.П. Теоретические основы стиховедения [Текст] /В. П. Москвин. – М.: Либроком, 2009. – 320 с.
5. «The Canterbury Tales general prologue» [Электронный ресурс]//Сайт Poetryfoundation.org/ URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43926/the-canterbury-tales-general-prologue/>.

Корякина В.А., Егорова К.Г.

Лексико-грамматические особенности при переводе корейского вебтуна «Ветролом» на русский язык

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-733

Аннотация

В данной работе проанализированы особенности перевода с корейского языка на русский вебтуна «Ветролом». В ходе анализа были выявлены лексико-грамматические особенности комиксов.

Ключевые слова: вебтун, сленг, перевод, методы перевода.

Abstract

In this paper are analyzed the features of the translation from Korean into Russian of the webtoon "Vetrolom". The analysis revealed the lexical and grammatical features of comics.

Keywords: webtoon, slang, translation, translation methods.

Вебтуны создают образ, который вводит читателя в определенную атмосферу благодаря комбинации красочной картины с увлекательным сюжетом и простоты текста. Одной из проблем перевода является адекватный перевод креолизованного текста вебтуна. Перевод должен произвести на читателя эффект как будто читатель читает оригинальный текст, не нарушающий нормы языка. Процесс перевода должен быть эквивалентен к оригинальному языку и содержать парадигмы текстового и иконического плана.

Чжахен и «его друзья – герои-подростки, потому их речь, согласно возрасту и интеллектуальным способностям, а также короткому формату комиксу, приближена к современному разговорному корейскому языку. Их речь полна молодежного сленга и отсылкам к современности, что создает одну из главных проблем для переводчиков».

В ходе написания данной работы была проанализировано 40 единиц сленговой лексики вебтуна «Ветролом». Также было выявлено, что во время перевода переводчики

используют большинство видов лексико-грамматических трансформаций, для того чтобы достичь максимально близкий перевод к оригинальному тексту.

Мы распределили единицы сленга по классификации Л.С. Бархударовым [1, с. 210].

Таблица №1

Методы перевода сленга с корейского языка на русский

Метод перевода	Сленгизм	Дословный перевод	Авторский перевод
Целостное преобразование	젠장	Черт возьми	Срань
	행쇼	Будьте счастливы	Хаюшки
Конкретизация	새끼	Ублюдок (руг)	Задрот
	빙신	Этот идиот	Придурок
	저 거지새끼	Нищий человек (руг)	Этот попрошайка
Генерализация	범생이 새끼	Ботаник	Заучка недоделанный
	반창고 새끼	Тупой	Бестолочь тупоголовая
Антонимический перевод	저 새끼가 갈귀?	Эта сволочь обижает тебя?	Великий и могучий президент не обижает тебя?
Описательный перевод	오늘따라 차 드럽게 막히네	Сегодня пробки ужасные	Движение в городе сегодня медленнее, чем обычно
Опущение	발라버려	Наступи и выброси	Сделай его
	거지 썸생이 같은 새끼	Эта нищая сволочь	Жадный ушлепок
	허세 떨어	Какие бредни еще расскажешь?	Что за бред
	야 돼지 새끼!	Этот толстый ублюдок	Свинья!!
Добавление	존잘이다	Красавчик	Какой классный!
	와 저 자전거 뭐냐 죽이네. 깔삼하다.	Вау, что за велосипед такой? Крутой	Вау! Только глянь на этот велик. Просто потрясный
Дисфемистический перевод	철덩어리	Кусок металла	Говно
	농구렁이	Змеюка	Змеюка подколотная
	편다	Круто	Офигительно
	찌질이	Неудачник	Лузер
	개 쪽 먹이	Сильно опозорил	Охеренно опозорил меня
Эвфемистический перевод	야 인기 임마	Эй, популярный чувак	Эй, мистер популярность
	똥 씹은 표정으로 폰만 붙잡고 뭐 하는 거지?	Что он делает, все время держа телефон с таким лицом, как будто поел кашек?	Почему он висит на телефоне с такой кислой рожей?

Таким образом, из наиболее предпочтительных методов перевода оказались: дисфемистический перевод (8 единиц из 40, 20%), опущение (7 из 40, 17,2%), конкретизация (5 из 40, 12, 5%). Переводчики также обращались к методу целостного преобразования (4 из 40, 10%), описательному переводу (3 из 40, 7,5%), и в редком случае к антонимическому переводу (1 из 40, 3%).

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что сленг, являясь частью сниженной лексики, характеризуется эмоциональной (экспрессивной) окраской, практичностью. Мы пришли к выводу, что передача сленговых единиц на русский язык исходит от ситуативного фактора. Переводчик может переводить одну и ту же единицу совершенно разными методами, что порождает разновидность лексического пласта. Например, слово «찌질이» было переведено на русский язык как 1. Лузер 2. Слабак 3. Неудачник 4. Придурок 5. Маменькин сынок.

Главные герои, грубо говоря, не блещут интеллектом, чего не скрывают как автор, так и переводчики. Это выражается в том, что одним из популярных методов является дисфемистический перевод. Например, сленгизм «쩨다», который имеет значение «круто» перевели, как «офигительно». Скорее всего это связано с тем, что переводчик хотел передать ярко-выраженную экспрессию слов персонажа-подростка. Следующий пример: «갑부집 새끼», который имеет значение «придурок из богатой семьи», перевели как «долбанный мажорик», чтобы подчеркнуть сниженную лексику. Таким образом, переводчики прибегают к дисфемистическому методу перевода, когда исходное сленговое выражение не обладает столь явной этической сниженной окраской. Возможно, таким образом, переводчик хотел стать ближе к читателю.

Метод конкретизации является одним из популярных способов передачи сленга. Например, слово «새끼» перевели как «задрот», но с корейского это слово переводится как «какой-то ублюдок или сволочь», таким образом в русском языке слово конкретизируется и становится понятно, к кому обращается персонаж или о ком говорит. Со сленгом «빙신» происходит тоже самое, при переводе применяется конкретизация, таким образом «빙신» перевели как «придурок». Методом конкретизации слово «젠장», которое переводится как «Черт возьми!», перевели как «срань», исходя из контекста. Выражение «방친고 새끼», с помощью конкретизации перевели как «бестолочь тупоголовая», но дословно это слово переводится «Этот тупой ублюдок», подчеркивая к кому обращается герой.

Следующий пример: «아 냄새... 있으면서 문도 안 열어 주고 개새끼... 아 맞다...»

Слово «개새끼» перевод имеет несколько значений. Данное слово с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления. Основное значение этого слова в корейском языке имеет отрицательную окраску и переводится как «сукин сын». Относится к такому виду нецензурной лексики как 상소리 – более грубые выражения или мат.

Юнхи, выходя из школы, говорит фразу: «에휴~ 내 꽃다운 나이에 올해도 낭만과 추억하나 없이 끝나는 건가...», где «꽃다운 나이», которое не имеет русского аналога перевели, как «я молодая, цветущая девушка», переводчики использовали приём описательного перевода.

Таким образом, перенасыщенная сленговая лексика опускалась, изменялась, что чаще всего приводило к изменению настроения диалога между героями. Было замечено, что в корейском языке, в отличие от русского не преобладают вульгаризмы, ругательства, и переводчик предпринимал попытку наиболее адекватно перевести такую лексику. Возможно переводчики недостаточно учли ситуативный фактор, что приводит к необоснованному снижению стилистической экспрессии.

Как уже подчеркивалось выше, персонажи являются подростками, из этого следует, что «предложения чаще всего односложные с использованием многоточия в конце – свидетельства о неспособности выразить законченную мысль. Данная особенность речи героев передана в переводе». К примеру, «이 헬멧..너 땀 냄새 나서..쓰기 싫은데...». Реплика героя показывает, насколько герою сложно выразить свои мысли, его реплика несет в себе мало смысла. Переводчики воспользовались компенсацией: «Этот шлем...Он провонял твоим потом...я его не надену...».

Шелли является иностранкой, то есть ей сложно говорить, выразить свои мысли на корейском. Например, «취미는 여행. 특기는 싸이클 잘 부탁해.». Переводчики перевели, как «Я люблю путешествовать и кататься на велосипеде, приятно познакомиться», применили грамматическую трансформацию – объединение предложений.

Таким образом, при переводе вебтуна следует учесть ситуативный фактор, возрастные, социальные особенности персонажей.

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. - М. : Международные отношения, 1975. - 240 с.
2. Чо Ён Сок «Ветролом», 2013 - н.в. [Электронный ресурс]. - Режим доступа <https://comic.naver.com/webtoon/Hst.nhn?titleIcN602910>, свободный. (Дата обращения: 7.06.2022).
3. Козлов Е.В. Комикс как явление лингвокультуры: знак - текст - миф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 183 с.
4. Jankowski, J. Comic book as a separate phenomenon [Текст] / Jakub Jankowski. – Lodz: S.T. Contur, 2012. – 170 p.
5. Rota, V. Aspects of Adaptation. The Translation of Comics Formats [Текст] / Valerio Rota. – Manchester: St. Jerome Publishing, 2008. – 113 p.

Кривицкая А.А.**Репрезентация концептов «right» и «law» в англоязычном юридическом медиадискурсе***Российский государственный социальный университет**(Россия, Москва)**doi: 10.18411/trnio-12-2022-734***Аннотация**

Статья посвящена исследованию репрезентации концептов «right» и «law» в англоязычном медийном юридическом дискурсе. Проанализированы дефиниции основных имён данных концептов с помощью толковых юридических словарей английского языка. Предпринята попытка выделить основные когнитивно-семантические компоненты концептов «right» и «law» на основе дефиниций их основных имён. Анализируется репрезентация данных концептов в текстах англоязычной интернет-прессы.

Ключевые слова: концепт, когнитивно-семантический компонент, юридический медиадискурс, английский язык, интернет-пресса.

Abstract

The article is focused on the representation of the concepts "right" and "law" in the English-language media legal discourse. The article analyzes the definitions of the principal names of these concepts by means of the English legal dictionaries. The author attempts to identify the main cognitive and semantic components of the concepts "right" and "law" based on the definitions of their principal names. The paper analyzes the representation of these concepts in the texts of the English-language online press.

Keywords: concept, cognitive and semantic component, legal media discourse, English language, online press.

Современные лингвисты называют изучение юридического дискурса актуальной проблемой. По мнению Д. Н. Шлепнева, юридический дискурс – это совокупность коммуникативных событий, имеющих институциональное отношение к созданию, реализации и объяснению права [3].

Языковеды выделяют также и гибридные дискурсы, которые являются производными от юридического дискурса. К таким гибридным дискурсам относятся популярно-юридический и медийный юридический дискурсы. Под популярно-юридическим дискурсом подразумевается такой дискурс, целью которого является популяризация правовых знаний и повышение уровня правовой грамотности в обществе [2]. Согласно М. А. Силановой, медийный юридический дискурс, или юридический медиадискурс, – это гибридный дискурс, созданный на пересечении права и средств массовой информации [1].

Данное исследование сосредоточено на изучении репрезентации концептов «right» и «law» непосредственно в юридическом медиадискурсе, поскольку медиадискурс существует в пределах поля массовой коммуникации и, соответственно, имеет разнородную аудиторию, которая может обладать недостаточной компетентностью в вопросах правовой грамотности.

Так как основным именем концепта «right» и концепта «law» являются лексемы *right* и *law* соответственно, обратимся к толковым юридическим словарям для определения данных лексем.

Right – a power or privilege; authority to do something; a legal, equitable, or moral entitlement to something; an individual liberty [4, p. 436]. / *Право – это способность или привилегия; полномочие; юридическое, справедливое или моральное притязание; свобода личности* (здесь и далее – перевод А. А. Кривицкой).

Right – a legal entitlement to do something [5, p. 263] / *Право – юридическое притязание.*

Law – 1) a system of rules created by society to regulate behavior and punish crimes; 2) a statute; 3) the professional field concerned with the rules that regulate society [4, p. 285]. / *Закон – 1) система правил, созданная обществом для регулирования общественных отношений и наказания за преступления; 2) законодательный акт; 3) область профессиональной деятельности, связанная с правилами, регулирующими общественную жизнь.*

Law – 1) a written or unwritten rule by which a country is governed and the activities of people and organizations are controlled; 2) a general rule; 3) the police and the courts [5, p. 172-173]. / *Закон – 1) писаное или неписаное правило, по которому осуществляется управление государством и контролируется деятельность людей и организации; 2) общее правило; 3) полиция и суды.*

Исходя из вышеперечисленных определений, можно выявить следующие когнитивно-семантические компоненты каждого из двух концептов:

В концепт «right» входят такие когнитивно-семантические компоненты, как «authority», «entitlement», «liberty», «power», «privilege». В концепт «law» входят такие когнитивно-семантические компоненты, как «control», «court», «lawyer», «police», «regulation», «rule», «statute».

На примере материала англоязычной интернет-прессы (The Guardian, Daily Mail) было проанализировано использование и репрезентация концептов «right» и «law».

Было выявлено, что концепт «right», выраженный лексемой *right*, при репрезентации в англоязычной интернет-прессе имеет следующие когнитивно-семантические компоненты в качестве основных:

1) Компонент «entitlement»:

*She said: 'You have a **right** to have counsel who's going to be diligently representing you and advocating on you zealously, and he has not been doing that'* [<https://www.dailymail.co.uk>]. / *Она сказала: "Вы имеете право на адвоката, который будет добросовестно представлять ваши интересы и рьяно защищать вас, но он этого не делал".*

2) Компонент «liberty»:

*Despite an abysmal environmental and human **rights** record, Venezuela's president is back on the international stage* [<https://www.theguardian.com>]. / *Несмотря на ужасные показатели в области охраны окружающей среды и прав человека, президент Венесуэлы снова выходит на международную арену.*

3) Компонент «privilege»:

*Outgoing Oxford Uni boss said students believe in '**right** to not be offended'* [<https://www.dailymail.co.uk>]. / *Покидающий должность руководителя Оксфордского университета заявил, что студенты верят в «право не быть оскорбленным».*

Было выявлено, что концепт «law», выраженный лексемой *law*, обладал следующими когнитивно-семантическими компонентами в качестве основных компонентов при использовании в юридическом медиадискурсе:

1) Компонент «statute»:

*It will also be deemed not to have been passed as **law**, she told reporters* [<https://www.theguardian.com>]. / *Кроме того, он не будет считаться принятым в качестве закона, сообщила она журналистам.*

2) Компонент «rule»:

*If you are a Canadian citizen, breaking the **law** in a foreign country is the same as breaking the law in Canada* [<https://www.theguardian.com>]. / *Если вы являетесь гражданином Канады, нарушение закона в другой стране равнозначно нарушению закона в Канаде.*

3) Компонент «court»:

The law also fines the union C\$500,000 a day [https://www.theguardian.com]. / Закон также предусматривает штраф для профсоюза в размере 500 000 канадских долларов в день.

Таким образом, можно отметить для каждого из концептов три основных когнитивно-семантических компонента, наиболее часто встречающихся в юридическом медиадискурсе. Для концепта «right» такими компонентами являются «entitlement», «liberty», «privilege»; для концепта «law» – «statute», «rule», «court».

Также важно подчеркнуть, что для проведенного исследования была сделана небольшая выборка, поэтому необходимо продолжить дальнейшее изучение данного вопроса.

1. Силанова, М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ: дис. ...канд. филол. наук / М.А. Силанова. – М., 2016. – 260 с.
2. Соловьева, Ю. О. Популярно-юридический дискурс VS медийный юридический дискурс // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2022. №1. С. 15-21.
3. Шлепнев, Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12-2 (78). С. 174-177.
4. Blackwell A.H. The Essential Law Dictionary. 1st ed. Naperville : Sphinx Publishing, 2008.
5. Collin P.H. Dictionary of Law. 4th ed. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2004.

Кривошапкина М.С., Лебедева В.В.

Лексико-семантическая классификация ФЕ с компонентом «нога» в корейском, русском и якутском языках

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-735

Аннотация

В данной статье приводится семантико-тематическая классификация ФЕ с компонентом «нога» в корейском, русском и якутском языках в сопоставительном аспекте. Классификация составлена на основе идеографической схемы, разработанной Т. Г. Никитиной.

Ключевые слова: ФЕ с компонентом «нога», соматизм, корейский язык, языковая картина мира, семантико-тематическая классификация, лексико-семантический анализ.

Abstract

This article provides a semantic-thematic classification of phraseological units with the component "leg" in Korean, Russian and Yakut languages in a comparative aspect. The classification is based on the ideographic scheme developed by T. G. Nikitina.

Keywords: Phraseological units with a "leg" component, somatism, Korean language, linguistic picture of the world, semantic-thematic classification, lexical-semantic analysis.

Фразеологизмы, в компонентный состав которых входят соматизмы (слова, обозначающие ту или иную часть тела, от греч. Soma, somatos – «тело») привлекают к себе особое внимание, поскольку благодаря их систематизации и идеографическому описанию можно говорить о том, насколько по-разному носители того или иного языка, той или иной культуры воспринимают «окружающую действительность, проецируя на мироздание и социум структуру своего тела и функции его частей» [1, с. 166]. Человек представляет себя центральной фигурой в картине мира, которую рисует нам язык. Внешний облик человека складывается из трех составляющих: 1) верхняя часть – голова и ее части; 2) средняя часть – тело и 3) нижняя составляющая – ноги. Рассматривая нижнюю составляющую человеческого организма – ноги, можно говорить о том, что они являются одним из основных соматических компонентов во фразеологических единицах.

С целью выявления лексико-семантической специфики фразеологизмов с компонентом «нога» в разных лингвокультурах, нами были проанализированы фразеологизмы с компонентом «нога» корейского, якутского и русского языков.

Подробный сопоставительный анализ с примерами ФЕ во всех трех языках был опубликован в сборнике статей материалов международной конференции «Корееведение в эпоху глобализации» [2, с. 71-78]. В рамках данной статьи приводятся конкретные количественные данные лексико-семантического анализа ФЕ с компонентом «нога» в корейском, русском и якутском языках.

В каждом языке соматический компонент имеет национально-культурные особенности, репрезентированные в различных языковых конструкциях. Для выявления особенностей ФЕ с компонентом нога в сопоставляемых языках, в каждом языке с помощью словарей были установлены слова компонентов: нога – в русском языке, 발 [bal] – в корейском языке, атах – в якутском языке. А также отдельные части ног, такие как «колени», «бедро», «пятка», «ступня», «лодыжка».

В ходе анализа выявлено всего 179 ФЕ с компонентом «нога» в трех исследуемых языках. На основе идеографической схемы, разработанной Т. Г. Никитиной [3, с. 5], все ФЕ с компонентом «нога» были распределены на две большие семантические группы: А. Человек и Б. Человек и окружающий его мир. Внутри группы «Человек» были выделены три подгруппы: 1. Человек как живое существо (жизненный цикл, самочувствие, движение), 2. Внутренний мир человека (эмоции, характер человека и его проявления, воля), 3. Человек как деятель (человек в деятельности, труде, профессионализм, качество работы). В группе «Человек и окружающий его мир» были выделены две подгруппы: 1. Человек в мире людей (отношения с положительной и отрицательной коннотацией, взаимодействие людей в коллективе, человек в семье), 2. Человек в мире вещей (обмен, передача вещи).

Группа «Человек»:

В подгруппе «Движение» выявлено 5 ФЕ в корейском языке, 14 ФЕ в якутском языке, 13 ФЕ в русском языке. Аспект «движения», очевидная для компонента «ноги», поэтому обеспечивает многочисленность ФЕ данной группы.

В подгруппе «Жизненный цикл» выявлено в русском 7 ФЕ и 3 ФЕ якутском языках. Понятие «болезнь» и «смерть» непосредственно связаны с обыденным народным осознанием «стоять на ногах» либо «слечь» от болезни или смерти, то есть «не стоять на ногах». В корейском языке не было обнаружено ФЕ с компонентом «нога» в данной группе.

В подгруппе «Самочувствие» выявлено в русском 5 ФЕ и 3 ФЕ якутском языках. Фразеологизмы, вошедшие в группу, выражают физическое здоровое состояние и сильную степень усталости, тяжелое физическое состояние от долгой ходьбы, бега, от тяжелого труда, болезни и даже от опьянения. В корейском языке не было обнаружено ФЕ с компонентом «нога» в данной группе.

В подгруппе «Эмоции» выявлено 7 ФЕ в корейском языке, 5 ФЕ в якутском языке, 3 ФЕ в русском языке. В данной группе рассматривается как положительная эмоция, так и отрицательная. В каждом языке компонент «нога» описывает различные эмоции.

В подгруппе «Характер человека и его проявления» вошла 1 ФЕ в русском языке, которая характеризует неуверенность человека.

В подгруппе «Поведение» выявлено 1 ФЕ в корейском языке.

В подгруппе «Воля» выявлено 4 ФЕ в корейском языке, 1 ФЕ в якутском языке, 1 ФЕ в русском языке. В данной группе «нога» предстает в виде связанных ног, имеющее значение ограничения свободы движения и как результат – отсутствие возможности свободы действий. Любые проблемы с ногами воспринимаются как тормоз, замедляющий или сдерживающий поступательное развитие.

В подгруппе «Человек в деятельности, труде» выявлено 5 ФЕ в корейском языке, 1 ФЕ в русском языке. Фразеологизмы, вошедшие в группу, выражают активную жизнедеятельность человека.

В подгруппе «Профессионализм, качество работы» было обнаружено 9 ФЕ только в корейском языке. В корейской языковой картине отношение к труду выражается через ноги.

В таблице 1 приведена семантико-тематическая классификация ФЕ с компонентом нога корейского, русского и якутского языков в группе «Человек».

Таблица 1

Семантико-тематическая классификация (группа «Человек»).

Тематические группы	Значение в корейских ФЕ	Значение в якутских ФЕ	Значение в русских ФЕ
1. <u>Человек как живое существо</u>			
1.1 Жизненный цикл	-	‘СМЕРТЬ’ ‘ЗРЕЛОСТЬ’	‘СЛАБОСТЬ, БОЛЕЗНЕННОСТЬ’ ‘ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ’ ‘СМЕРТЬ’
1.2 Самочувствие	-	‘ЗДОРОВЬЕ, СИЛА’ ‘УСТАЛОСТЬ’	‘УСТАЛОСТЬ’
1.3 Движение	‘ХОДЬБА’	‘ХОДЬБА’ ‘БЕГ’	‘ХОДЬБА’ ‘БЕГ’
1.4 Голос, речь		‘РАЗГОВОР’	
2. <u>Внутренний мир человека</u>			
2.1 Эмоции	‘ЧУВСТВО СПОКОЙСТВИЯ’ ‘РАДОСТЬ’ ‘ТРЕВОГА’	‘РАДОСТЬ’ ‘НЕСЧАСТЬЕ, БЕДА’ ‘СТРАХ’	‘РАЗДРАЖЕНИЕ’ ‘СТРАХ’ ‘РАДОСТЬ’
2.2 Характер человека и его проявления	-	-	‘НЕУВЕРЕННОСТЬ’
2.3 Поведение	‘ДОСАДА’		
2.4 Воля	‘СТЕСНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ И’ ‘ЖЕЛАНИЕ’	‘СТЕСНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ’	‘ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ’
3. <u>Человек как деятель</u>			
3.1 Человек в деятельности, труде	‘УЧАСТИЕ В СОБЫТИИ’ ‘УСПЕХ’	-	‘ТРУДОВЫЕ ПРОЦЕССЫ’
3.2 Профессионализм, качество работы	‘СКОРОСТЬ РАБОТЫ’ ‘КАЧЕСТВО ТРУДА И РЕЗУЛЬТАТ РАБОТЫ’ ‘НАВЫКИ, УМЕНИЯ, ОПЫТ’	-	-

Группа «Человек и окружающий его мир». В данной группе тоже имеется несколько семантических подгрупп.

В подгруппе «Положительные отношения человека с окружающими его людьми» насчитывается 2 ФЕ в корейском и 2 ФЕ русском языках. ФЕ с компонентом «нога», выступает в качестве символа отношений. Данные ФЕ выражают положительные взаимоотношения с окружающими. Выделены они в категории «дружба». В якутском языке не было обнаружено ФЕ с компонентом «нога» в данной группе.

В подгруппе «Отрицательные отношения человека с окружающими его людьми» выявлено 10 ФЕ в корейском языке, 7 ФЕ в якутском языке, 7 ФЕ в русском языке. Многочисленность ФЕ объясняется тем, что *ноги* актуализируются в сфере межличностных отношений. Данные ФЕ выражают отрицательные отношения. Во всех трех языках была обнаружена категория, как «прекращение отношений» и «унижение».

В подгруппу «Взаимодействие людей в коллективе» вошло 4 ФЕ только в корейском языке. В корейском обществе ценится умение работать вместе, сотрудничать. Вошедшие в эту группу ФЕ в корейском языке отображают национальный дух корейского народа.

В подгруппе «Человек в семье» вошло 1 ФЕ в якутском и 1 ФЕ русском языках.

В подгруппе «Обмен, передача вещи» было обнаружено всего одно выражение в якутском языке, репрезентирующее национальную и культурную специфику якутской языковой картины.

В таблице 2 приведена семантико-тематическая классификация ФЕ с компонентом нога корейского, русского и якутского языков в группе «Человек и окружающий его мир».

Таблица 2

*Сопоставительно-сравнительная классификация
(группа «Человек и окружающий его мир»)*

Тематические группы	Значение в корейских ФЕ	Значение в якутских ФЕ	Значение в русских ФЕ
1. Человек в мире людей			
1.1 Положительные отношения человека с окружающими его людьми	‘ДРУЖБА’	-	‘ДРУЖБА’
1.2 Отрицательные отношения человека с окружающими его людьми	‘ПРЕРЫВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, ДЕЛ’ ‘УНИЖЕНИЕ’ ‘ПРЕДАТЕЛЬСТВО’	‘ПРОСЬБА’ ‘СОПЕРНИЧЕСТВО’ ‘ПРЕКРАЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ’ ‘УНИЖЕНИЕ’	‘УНИЖЕНИЕ’ ‘ПРЕКРАЩЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ’
1.3 Взаимодействие людей в коллективе	‘СОТРУДНИЧЕСТВО, СОГЛАСОВАНИЕ В ДЕЛАХ’	-	-
1.2 Человек в семье	-	‘РАЗНОВИДНОСТИ БРАКА’	‘ОТСУТСТВИЕ СЕМЬИ’
2. Человек в мире вещей			
2.1 Обмен, передача вещи	-	‘ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ’	-

Таким образом, по материалам проведенного сопоставительного анализа, можно убедиться, что фразеологические единицы с компонентом «нога» трех народов как схожи, так и различны, но неизменной все же остается суть, что компонент «нога» выполняет символическую функцию как основного инструмента, с помощью которого человек перемещается в пространстве и в своем прямом значении является символом движения, скорости, здоровья.

1. Аникеева Т. А., А. Д. Васильева, К. А. Кожа., Материалы Съезда молодых востоковедов России и СНГ.: «Пробел-2000», 2012. 298 с.
2. Кореведение в эпоху глобализации [Электронный ресурс]: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции (9 июля 2021 г., Якутск). – Электрон. текст. дан. (2,3 Мб). – Киров: Изд-во МЦИТО, 2021.
3. Никитина Т. Г., «К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря», 1995. – 15 с.

Кузьмина Р.П.

Деривационное поле ключевых репрезентантов концепта ВЕСНА в языковой картине мира эвенов

*Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-736

Аннотация

В статье дается этимологический анализ лексем-репрезентантов концепта ВЕСНА в эвенской языковой картине мира. В лингвокультуре эвенов весенний сезон делится на два

периода и представлены двумя лексическими единицами – *нэлкэ* `первая половина весны (до появления зелени); весной (ранней, в первой половине)` и *нэгни* `весна (вторая половина, после появления зелени)`. Словообразовательная парадигма слов-репрезентантов концепта довольно обширна, что демонстрирует актуальность концепта в эвенском языковом сознании.

Ключевые слова: картине мира, сознание, дериват, лингвокультура, концепт.

Abstract

The article provides an etymological analysis of the lexemes-representatives of the concept VESNA in the Even language picture of the world. In the linguistic culture of the Evens, the spring season is divided into two periods and is represented by two lexical units - *nelke* `the first half of spring (before the appearance of greenery); in spring (early, in the first half)` and *negni* `spring (second half, after the appearance of greenery)`. The word-formation paradigm of words representing the concept is quite extensive, which demonstrates the relevance of the concept in the Even language consciousness.

Keywords: worldview, consciousness, derivative, linguistic culture, concept.

Целью работы является этимологический анализ ключевых репрезентантов концепта ВЕСНА в языковой картине мира эвенов, также рассматривается деривативное гнездо данных лексем. Материалом исследования послужили лексикографические источники по эвенскому языку и другим тунгусо-маньчжурским языкам.

В эвенской языковой картине мира в ядро номинативного поля концепта ВЕСНА включены лексемы, объективирующие два периода весеннего сезона. Репрезентантами первого периода весны выступают однокоренные лексические единицы *нэлкэ* с дефиницией `первая половина весны (до появления зелени); весной (ранней, в первой половине)` и *нэлкэни* `весна (первая половина)`. Первый весенний сезон *нэлкэни* в этнической культуре соответствуют *февралю* `эври мир` и *марту* `эври ечэн`.

Ядерные лексемы *нэлкэ*, *нэлкэни* являются рефлексамии тунгусо-маньчжурского корня *нэлки-* с дефиницией `весна`. В эвенских говорах деривационное поле ключевого слова-корня *нэлкэ-* представлено различными лексемами: *нэлкэни* `весна (первая половина); весенний`; *нэлкэниду* `весной`; *нэлкэнилдэй*, *нэлкөрөбдэй* `наступать (о ранней весне)`; *нэлкэр* `весенний (о ранней весне)`; *нэлкэрэп*, *нэлкэрэптэ* `период ранней весны; весенний (о ранней весне); весенняя пора`; *нэлкэстэй* ~ *нэлкэхтэй* `жить где-л. ранней весной, проводить где-л. раннюю весну`; *нэлкэтэндэй* `загореть весной` [2; 4; 5].

Исследование деривационного поля ключевого репрезентанта концепта позволило установить следующие мотивирующие признаки: *нэлкэ* – предвесенье, первая половина весны (до появления зелени), весна (первая половина), период ранней весны, время таяния снега (ранняя весна).

В исторических источниках выявлены архаичные понятийные признаки концепта, в настоящее время не имеющие распространения в языковой картине мира эвенов: *нэлкэни* – предвесенье, весна света, время скрипящего наста, время охоты на лося гоньбой на лыжах, завершение охоты на пушного зверя [3, с. 61].

Синонимом лексемы *нэлкэ* по смысловому содержанию в эвенской языковой картине мира выступают, зафиксированная в арманском диалекте лексическая единица *нэлкэрэптэ* со значением `период ранней весны` и тотемная лексема *унилса* с дефиницией `время таяния снега (ранняя весна)` [4].

Второй период весеннего сезона в эвенской лингвокультуре, охватывающий апрель-май вербализован лексическими единицами *нэгни* `весна (вторая половина, после появления зелени)` и *нэгниэни* `поздняя весна`. В календаре эвенов этот весенний период представлен двумя месяцами – *апрель* `эври билэн` и *май* `эври унма`.

В эвенском языке ядерная лексема *нэгни* выступает как корень, являющийся образвателем широкого деривативного поля, представленного следующими лексическими единицами:

субстантивные лексемы: *нэгни* ~ *н'өвн'ө* ~ *нэвни* ~ *нэвн'э* 'весна (вторая половина, после появления зелени); весной (во второй половине)', *нэгнини* ~ *нэгнини* ~ *нэвн'эни* ~ *нэгниэни* 'весна (вторая половина)', *нэгнесэк* 'место, где проводят вторую половину весны', *нэгнирэн* ~ *нэвн'эрэн* ~ *нэгни'эрэн* 'весенняя пора';

глагольные лексемы: *нэгнинилиндэй*, *нэгнинилдэй* 'наступать (о второй половине весны)', *нэгнистэй* ~ *н'өвн'өстэй* ~ *нэвн'эстэй* 'жить где-л. поздней весной; охотиться поздней весной', *нэгнестэй* 'проводить весну (во второй половине)', *нэгнинилиндэй* ~ *нэгнисэндэй* 'наступать (о второй половине весны)';

адъективные лексемы: *нэгнини* ~ *нэгнини* ~ *нэвн'эни* ~ *нэгниэни* 'весенний (о второй половине весны)', *нэгнир* ~ *н'өвн'өр* 'весенний', *нэгнирэн* ~ *нэвн'эрэн* ~ *нэгни'эрэн* 'весенний';

наречные лексемы: *нэгни* ~ *н'өвн'ө* ~ *нэвни* ~ *нэвн'э* 'весной (во второй половине)', *нэгниниду* ~ *нэвнэниду* 'весной' [2; 4; 5].

В результате анализа словообразовательного гнезда лексемы *нэгни* установлены такие мотивирующие признаки: *нэгни* – весна (вторая половина, после появления зелени), поздняя весна, весенняя пора.

Период *нэгни*, являющийся самой страдной порой в оленеводческой отрасли, делится на два основных хозяйственных этапов: *тугучэк* 'отел; время отела оленей' и *нэгнесэк* 'длительная поздневесенняя стоянка стойбищ' [3, с. 61], объективирующие понятийные признаки второго весеннего периода.

Также в языке нижнеколымских эвенов с дефиницией 'весна' выявлена лексическая единица *чакай*, возможно, заимствованная из юкагирского языка: н-к. эвн. *чакэй* 'весна' < *чайлэн чичэгэнубэ киндэ* 'февраль (букв. месяц удлинения света, дня)' [1, с. 315].

Таким образом, ключевые репрезентанты концепта обладают широким деривационным полем. В результате анализа ключевых слов, актуализированных в исторических источниках, были выявлены архаичные понятийные признаки концепта: *нэлкэ* – предвесенье, весна света, время скрипящего наста, время охоты на лося гоньбой на лыжах, завершение охоты на пушного зверя; передвижение на места отела важенок; *нэгни* – длительная поздневесенняя стоянка стойбищ, время отела оленей.

1. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 356 с.
2. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. – 241 с.
3. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1017-1977 гг. – Москва: Наука, 1981. – 303 с.
4. Роббек В.А. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. – 353 с.
5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.

Кузьмичева В.А.

Когнитивные структуры знания в исследовании значений глаголов

*Белгородский государственный научно-исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-737

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена описанию фрейма социальной деятельности по достижению цели. В статье рассматриваются проблемы формирования, описания и репрезентации компонентов фрейма на языковом уровне. Значения глаголов как единиц языка исследуются через их когнитивные представления.

Ключевые слова: когнитивная семантика, концепт, фрейм, прототип, глагол.

Abstract

The proposed article is devoted to the description of the frame of social activity to achieve the goal. The article deals with the problems of formation, description and representation of frame components at the linguistic level. The meanings of verbs as units of language are investigated through their cognitive representations.

Keywords: cognitive semantics, concept, frame, prototype, verb.

Целью предлагаемой статьи является выявление и описание механизмов формирования, а также репрезентации фрейма «социальной деятельности по достижению цели» глагольными лексемами соответствующей семантики (achieve, accomplish, attain, gain, succeed in, obtain, manage, strive и др.).

Указанные глаголы, представляя собой языковые единицы с довольно сложной организацией лексического значения, никогда не становились объектом изучения в составе одной лексико-семантической группы. Это объясняется тем, что для решения своих задач предыдущие исследования базировались на внутриязыковых факторах. Современная лингвистика пытается, однако, осмыслить процесс репрезентации знаний о мире, т. е. всего пакета когнитивной информации, через лексическую семантику.

Обращение к когнитивным структурам знания дает возможность расширения границ объекта исследования, в частности, отнесения к глаголам социальной деятельности по достижению цели языковых единиц других лексико-семантических групп.

Многообразие подходов к изучению категорий цели и деятельности также обусловило обращение к концептуальным представлениям, лежащим в основе структуры знаний для номинации ситуации «социальной деятельности по достижению цели».

Указанная ситуация наиболее полно может быть представлена с учетом объективных и субъективных факторов, влияющих на ее интерпретацию. Рассмотрение концептов «цель» и «деятельность» устанавливает содержательную сторону знаний, формирующих концептуальное основание значений глаголов социальной деятельности по достижению цели. Специфика отражения в сознании и на языковом уровне заставляет, прежде всего, определить форму репрезентации этих знаний, т. е. выделить и описать соответствующий фрейм.

Фрейм «социальной деятельности по достижению цели» является когнитивно-пропозициональной схемой, представляющей собой логически организованную структуру знаний, соотносимых с концептами «цель» и «деятельность». Стереотипная ситуация социальной деятельности по достижению цели, отраженная в структуре фрейма, может быть передана глагольными лексемами соответствующей семантики.

Мы опираемся на толкование фрейма как некоего инструмента, дающего возможность привлечь необходимую часть экстралингвистической информации для понимания естественно-языкового сообщения. Иными словами, понятие фрейма используется нами как один из способов представления человеческого опыта.

Согласно возможности профилирования того или иного компонента в структуре фрейма теория прототипов сводит все его лексические репрезентанты в единую сеть, обеспечивающую связанность отдельных подзначений, причем направление связи идет от более значимого, т.е. более центрального, к периферийному. Динамичная структура фрейма допускает возможность фокусировки внимания на том или ином его компоненте, что обеспечивает модификацию значений исследуемых лексем как на внутрисистемном, так и на внешнесистемном уровнях.

Исследуемый фрейм включает облигаторные и факультативные признаки, организованные по иерархическому принципу. К числу его обязательных компонентов относятся СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, УСИЛИЯ и ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ. Они вербализуются через лексическое значение глаголов «социальной деятельности по достижению цели». Так, к ядерным репрезентантам исследуемого фрейма относятся глаголы achieve, accomplish, attain, gain, succeed in, obtain, manage, strive.

Концептуальные связи метафорического и метонимического характера обеспечивают такое взаимодействие фреймов, при котором устанавливается какое-либо сходство между

содержанием отдельных терминалов. Взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов объясняется континуальным характером действительности, события которой тесно взаимодействуют между собой. Отдельные терминалы могут структурировать разные фреймы. Такое взаимодействие фреймов активизирует разные структуры знания, тем самым обеспечивается профилирование различных аспектов ситуации.

Специфика факультативных компонентов заключается в том, что они составляют модальное оформление указанной ситуации, придающее субъективный характер интерпретируемому событию. Открытость границ фрейма и способность к переструктуризации обеспечивает неограниченный по составу, вариативный набор данных признаков, обусловленный особенностями восприятия ситуации говорящим. Это, в свою очередь, определяет возможность для расширения и переосмысления значений исследуемых глаголов.

К факультативным компонентам, или терминалам, исследуемого фрейма относятся ДВИЖЕНИЕ, ВРЕМЯ, ИНСТРУМЕНТ, СПОСОБ, ВОЗМОЖНОСТЬ и др. Они определяются на основе анализа исследуемой концептуальной структуры и модификаторов смысла на уровне предложения-высказывания.

Иными словами, периферию исследуемого фрейма образуют глаголы других лексико-семантических групп (например, лексемы со значением пути, охоты, попытки, борьбы и т. д.), функционирующие в определенной семантико-синтаксической структуре предложения-высказывания. Данная конструкция обеспечивает выделенность терминалов исследуемого фрейма.

Определенные синтаксические конструкции требуют реализации тех или иных компонентов фрейма. Так, ядерные глаголы фокусируют внимание на всей ситуации целиком, а потому, как правило, облигаторные компоненты фрейма находят свое эксплицитное выражение. Периферийные глаголы активизируют указанный фрейм через профилирование определенного признака в структуре своих лексических значений. На синтаксическом уровне это проявляется в образовании пассивных конструкций и введения различных распространителей в структуру предложения-высказывания.

Итак, когнитивный подход позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта в значениях языковых единиц. При этом фреймовая семантика подчеркивает отсутствие четкой границы между языковыми значениями и человеческими знаниями о мире.

Объединение и объяснение семантически родственных слов становится возможным на фоне общего для них фрейма, а именно фрейма «социальной деятельности по достижению цели».

На основании проведенного исследования можно заключить, что когнитивная семантика, представленная фреймовой теорией, учитывает особенности не только теоретического, но и обыденного познания. Характеристики такого рода затрагивают субъективный опыт и отражают то, как человек непосредственно познает окружающий мир и как он с ним взаимодействует. В свою очередь, в основе значений глаголов социальной деятельности по достижению цели, номинирующих соответствующую ситуацию, лежит общее когнитивное представление – фрейм «социальной деятельности по достижению цели», обеспечивающий семантическую общность и разнообразие объективирующих его глагольных лексем.

1. Андреева, Г.М. Психология социального познания. М., 2000. С. 3-56.
2. Вишнякова, О.Д. Язык и концептуальное пространство. М., 2002. С. 12-32.
3. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 35 с.

Маскаева В.А., Маскаева С.А.

Стилистически не оправданное использование фразеологических средств в языке
мордовской прозы

ФГБОУ ВО «МГПУ им. М.Е. Евсевьева»
(Россия, Саранск)

doi: 10.18411/trnio-12-2022-738

Аннотация

В работе рассматриваются основные пути стилистически не оправданного использования фразеологических средств в языке мордовской прозы. Анализируется умелое создание в прозаическом тексте сочетаний плеонастического характера, образованных из фразеологизмов и избыточных определений к их компонентам, придающим новые смысловые оттенки контексту, определяя его интенциональность в целом. Кроме того, подвергается рассмотрению прием совмещения двух значений (прямого собственно лексического значения компонентов фразеологической структуры и связанного значения компонента в составе фразеологизма) для достижения необходимого стилистического эффекта.

Ключевые слова: семантическая слитность, контаминационный процесс, сочетание плеонастического характера, метафорический строй, фразеологизм, фразеологическая непроницаемость.

Abstract

The paper considers the main ways of stylistically unjustified use of phraseological means in the language of Mordovian prose. The article analyzes the skillful creation of pleonastic combinations in the prose text, formed from phraseological units and redundant definitions to their components, giving new semantic shades to the context, determining its intentionality as a whole. In addition, the technique of combining two meanings (the direct lexical meaning of the components of the phraseological structure and the associated meaning of the component in the phraseology) is being considered to achieve the necessary stylistic effect.

Keywords: semantic fusion, contamination process, combination of pleonastic character, metaphorical structure, phraseology, phraseological impenetrability.

В наши дни в лингвистической науке особое внимание уделяется фразеологическим средствам языка с точки зрения их семантической слитности и стилистического использования в художественной литературе и публицистике, что определяет актуальность нашего исследования. Однако немаловажно раскрывать и такие аспекты, как лексический состав и истоки возникновения фразеологической единицы, контаминационные процессы, а также экспрессивно-стилистический окрас фразеологизмов и их рассмотрение в сравнительно-историческом плане.

Так, стилистические возможности фразеологических единиц рассматривались в трудах таких выдающихся лингвистов, как Ахмановой О. С., Виноградова В. В., Гаврина С. Г., Гусевой А. Е., Михеевой Т. Б., Паниной И. Г., Молоткова А. И., Нургалиной Х. Б., Ройзензон Л. И., Сидорковой Л. Р., Шанского Н. М. и др. В частности, лингвист-русист и литературовед Виноградов В. В., анализируя стилистическую принадлежность и окраску, классифицировал книжные, межстилевые, разговорные и просторечные фразеологические единицы, придерживаясь точки зрения, относительно которой рассматривать фразеологические средства языка следует в двух аспектах: стилистическом и функциональном [2, с. 122]. В свою очередь, ученый-языковед Голуб И. Б., рассматривая стилистически неоправданное изменение состава фразеологизма, подчеркивала разные траектории изменения фразеологической единицы, в частности, довольно частое использование в ненормированной речи «сочетаний плеонастического характера, образованных из фразеологизмов и избыточных определений к их компонентам» [3, с. 344]. Кроме того, Нургалина Х. Б. отмечала когезию функциональной принадлежности и эмоционально-экспрессивных особенностей фразеологических средств: эмоционально-субъективное содержание раскрывается посредством экспрессивной отнесенности, а функциональный аспект указывает на отнесенность к конкретному стилю [7, с. 43].

Следует отметить, что вопрос стилистического изменения состава фразеологизма и искажения его образного значения в мордовском языкознании находится на начальной ступени изучения, в частности, следует отметить, кандидат филологических наук Богдашкина С. В., исследуя стилистические возможности фразеологических средств языка на материале мордовской лирики, в работе «Функционирование мокшанских фразеологических единиц в художественном тексте военной тематики» отмечала факт использования в узком стилистическом направлении преимущественно двух фразеосемантических групп: ФЕ, номинативные, лишённые оценочности; и ФЕ с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, обуславливающей их образностью, использованием в них выразительных языковых средств [1, с. 176]. Именно поэтому в нашей работе мы будем разделять точку зрения Голуб И. Б., которая, рассматривая стилистические возможности фразеологизмов, особое внимание уделяла контексту, раскрывающему противоречивость их метафорического строя [3, с. 322].

Рассмотрим стилистически не оправданное изменение состава фразеологизма на основе произведений мордовской литературы. Одним из путей искажения образного значения фразеологической единицы, ориентированного, в первую очередь, на перлокутивный эффект в публицистическом, реже художественном, тексте или в разговорной речи, служит немотивированное расширение состава фразеологизма вследствие употребления уточняющих слов, например: шава сяканя (букв.: пустой, опустошенный сосуд «о предельно глупом человеке») + самурай: - Инжиеньке корхтай: синь, Японияса, прянь срядемста якайхть врачти. - Эх, шава сяканя самурай!... Да кда молян врачти – аф аньцек пчкафтысь, пиндолды трубкацка сенемгоды... [5, с. 135] (- По словам гостя, у них в Японии при головной боли принято посещать врача. – Эх, пустоголовый самурай (досл.: пустой сосуд «глупый, как пробка»)!)... Да если зайду к врачу – не только медик, но и его фонендоскоп посинеют...). Так, приведенная нами фразеологическая единица из юмористического рассказа «Аф шарьхкоди японец» («Непонимающий японец») современного мордовского прозаика Николаева Е., имеющая просторечный (сниженный) окрас, используемая преимущественно в устной форме общения или же в художественной речи, дополняется лексемой «самурай», способствующей созданию комической ситуации. Так, автор, созданное многословие в результате авторского пренебрежения фактом непроницаемости фразеологического состава посредством включения в него лексического средства одной тематической группы усиливает ироничность звучания речи главного героя рабочего Пендюрина, подчеркивая его ветреность и смешливость.

Следует отметить, умелое создание в языке публицистики, а также художественной прозы, сочетаний плеонастического характера, образованных из фразеологизмов и избыточных определений к их компонентам, придают новые смысловые оттенки контексту, определяя его интенциональность в целом. Например: шобда калма локста таргамс (букв.: вытащить из темной могильной ямы «возвратить к жизни, спасти»): - Да тон, ялгай, афкукс, ефси потяй шабакс тихольдят. Обжавоть – баняса аф мярьгихть парямда. Кеняртькшнек – шиса лядоть! Пчкафтыхне, шять, шобда калма лоткста таргадязь [5, с. 133]. (Да ты, друг, честно говоря, ведешь себя как капризный ребенок. Обиделся – запретили в баню ходить. Радуйся – живой! Врачи, считай, достали тебя из темной могильной ямы). Определение, введенное в этот фразеологизм, расширяет семантический спектр: прилагательное «темный» в Толковом словаре русского языка Ожегова С. И. в прямом значении трактуется как «1. лишённый света; погружённый во тьму», в переносном – «4. печальный, мрачный, безрадостный» [8, с. 443]. Так, эпитет «темный», несомненно, означает излишнюю депрессивность и мрачность ситуации, которая могла бы произойти с героем в худшем случае протекания события.

Дубровина К. Н. под нарушением фразеологической непроницаемости понимала «расширение компонентного состава фразеологической единицы, при этом у одного из компонентов фразеологизма появляется зависимый элемент, который не входит в зафиксированный в словаре состав фразеологической единицы» [4, с. 101]. В проанализированной нами мордовской прозе, преимущественно, прием создания сочетаний плеонастического характера используется с целью привлечения внимания читателя на важном моменте, например: охотниконь пинекс (подобно охотничьей собаке) + стяфтомс пилет (букв.: поднять уши «держат ухо в остро», «прислушаться к чему-либо»): А монць, ямбарсь, нинге изине шарьхкоде – косан. Тянкса, улема, цють ли аф охотниконь пинекс пиленень стяфтыне [5, с. 135]. (А я, дурень, даже не понял, где нахожусь. Поэтому, видимо, подобно охотничьей собаке наострил уши); тумонь (дубовый) + комолькс ащемс (букв.: стоять столбом

«бездействовать»): А агрономсь, ньяса, кодак озафоль пильгопезон, станяк и тумонь комолькс ащи тоса [5, с. 135]. (А агроном, ка вижу, как сидел рядом со мной, так и продолжал бездействовать) и т.д. Так, при совмещении двух значений (прямого собственно лексического значения компонентов фразеологической структуры и связанного значения компонента в составе фразеологизма) происходит достижение необходимого стилистического эффекта.

Кроме того, особого внимания заслуживает изменение видовой отнесенности глагола в составе фразеологического сочетания, что влияет на смысловую сторону речи, например: урмась сусксь (букв.: пристал недуг «стать больным, заболеть»): Сиредембьялхть аеркс урмат уставасть кярмотькшнема ронгозон. Нятнень нинге кода-аф кода кирнине, аралакшнень пря таблетканяса-мезьса. А вов офси аф кунара фкясь эздост пяк марявиста сускондсь эзон, крхкаста ваймонь таргамса изь мярьге [6, с. 132]. (В силу возраста меня стали наступать разные болезни. До этого момента мне удавалось как-никак сдерживать их, спасался таблетками, однако сравнительно недавно меня настиг недуг настолько серьезный, что и с дыханием возникают проблемы). Так, употребление глагола многократного вида вместо глагола однократного (мгновенного) вида делает высказывание нелогичным и искажает образное значение фразеологизма.

Таким образом, сделаем вывод: проанализированный нами материал позволяет утверждать, что фразеологические средства языка под пером талантливых писателей, публицистов становятся источником новых художественных образов, шуток, неожиданных каламбуров. При этом обработка первоначального фразеологического состава придает ФЕ новый экспрессивный окрас, усиливает их выразительность. Следует отметить, в большинстве случаев писатели и публицисты преобразуют фразеологические сочетания, имеющие высокую степень устойчивости лексического состава, с целью реализации в речи экспрессивной функции.

1. Богдашкина, С. В. Функционирование мокшанских фразеологических единиц в художественном тексте военной тематики / С. В. Богдашкина, В. А. Маскаева // Перспективы развития высшей школы: материалы III Международной научно-практической конференции 2022: сборник научных трудов. В 2 томах. Т. 2 / отв. ред. Л.К. Иляшенко. Тюмень: ТИУ, 2022. 475 с.
2. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды / В. В. Виноградов; Отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров; АН СССР, Отделение литературы и языка. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
4. Дубровина, К. Н. Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике / К. Н. Дубровина // Вестник российского университета дружбы народов. серия: лингвистика. 2005. № 7. С. 100-118.
5. Мокша: литературно-художественный журнал / под редакцией М. В. Аникиной // Редакция журнала «Мокша». 2022. №1. 144 с.
6. Мокша: литературно-художественный журнал / под редакцией М. В. Аникиной // Редакция журнала «Мокша». 2022. №5. 144 с.
7. Нурғалина Х. Б. Функционирование фразеологических единиц в башкирской художественной литературе: диссертация ... канд. фил. наук : 10.02.02. Уфа, 2002. 158 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российский фонд культуры. 2-е изд. М.: Азъ, 1994. 907 с.

Моргоева Л.Б.

Грамматические способы выражения форм степеней сравнения в осетинском языке

*СОИГСИ ВНИЦ РАН РСО-Алания
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-739

Аннотация

Статья посвящена категории сравнения и способам выражения сравнительной степени прилагательных в осетинском языке. Анализ языкового материала дал возможность выявить собственно сравнительную степень присутствия признака / качества, а также синтетический и аналитический способы образования промежуточной степени, указывающей на усиленную

и ослабленную формы проявления. Рассмотрены формально-грамматические и семантико-стилистические особенности функционирования форм сравнительной степени, случаи их сочетаемости с именными и глагольными частями речи.

Ключевые слова: имя прилагательное, сравнительная степень, наречие, синтетический и аналитические формы, осетинский язык.

Abstract

The article is devoted to the category of comparison and ways of expressing the comparative degree of adjectives in the Ossetian language. The analysis of the linguistic material made it possible to identify the actual comparative degree of the presence of a feature / quality, as well as synthetic and analytical methods for the formation of an intermediate degree, indicating an intensified and weakened form of manifestation. The formal-grammatical and semantic-stylistic features of the functioning of the forms of the comparative degree, cases of their compatibility with nominal and verbal parts of speech are considered.

Keywords: adjective, comparative degree, adverb, synthetic and analytical forms, Ossetian language.

Сравнительная степень имен прилагательных характеризуется грамматической формой, указывающей на признак или качество предмета, проявляющийся в большей или меньшей степени относительно начальной формы или по сравнению с тем же признаком или качеством, присутствующим у другого предмета. «Вопрос о классификации частей речи всегда находился и продолжает находиться в центре внимания лингвистов. Все слова того или иного языка обычно классифицируются на основе определенных норм, условий и критериев» [1, с.813].

В традиционном понимании качественным прилагательным свойственно наличие полной (атрибутивной) и краткой (предикативной) формы, им характерны формы степеней сравнения, они сочетаются с наречиями степени, образуют антонимичные пары и синонимичные ряды и др. Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи, «не все качественные прилагательные характеризуются полным набором данных грамматических признаков» [2, с.87].

Формально-грамматические признаки прилагательных в осетинском языке слабо выражены, поэтому «Провести четкую грань между именем прилагательным и именем существительным в осетинском языке по одним только морфологическим признакам не представляется возможным...» [3, 181ф]. За отсутствием характерных морфологических показателей большое количество слов могут выполнять функции как субстантивов, так и адъективов, в зависимости от синтаксической роли в высказывании или в словосочетании. Кроме того, прилагательные в осетинском языке точно так же могут формально совпадать и с наречиями.

Степень проявления признака, как и во многих других языках, в осетинском выражается аффиксальным способом, при помощи вспомогательных слов-наречий или сочетаний местоимений. Так, форма сравнительной степени образуется при помощи суффикса *-дæр* (*хуыздæр* «лучше», *зынаргъдæр* «дороже»), а форма превосходной степени при помощи наречий степени (*иттæг* (*тынг*, *бынтон*, *хæрз*) *хорз* «совсем (очень) хороший», *бынтон зынаргъ* «совсем дорогой»).

Помимо традиционных форм степеней сравнения особый интерес вызывают грамматические формы, которые указывают на ослабленную или усиленную степень проявления признака. К примеру, русском языке различают аналитическую и синтетическую формы сравнительной степени, а в киргизском языке различают простую и сложную сравнительную степень [4, 263]. Это говорит о том, что потенциал одного и того же качества может проявляться в различной степени. К примеру, в тюркских языках выделяют «два типа сравнения: 1) конкретный, где сравнение качества связано с сопоставлением имен, обозначающих предметы, 2) абстрактный, где сравнение качества проводится при помощи

теоретически подразумеваемой идеальной нормы» [5, с.11]. Наличие какого-либо признака, которым наделяется объект или предмет, в грамматике определяется как положительная степень. Сравнение наступает в том момент, когда проявление этого признака сопоставляется с тем же признаком у другого объекта или предмета. Что касается превосходной степени, то она указывает на то, что один и тот же признак из некоторого количества сравниваемых объектов в одном из них проявляется в абсолютной степени, то есть превосходит по сравнению с остальными сравниваемыми объектами.

Различают синтетический и аналитический способы образования сравнительной степени. В осетинском языке синтетический способ характеризуется участием единственного суффикса **-дæр** соответствующий русскому –ее, -е, -ше: *мæ хуыздæр хæлар* «мой лучший друг», *уымæй кадджындæр, стырдæр ном* «почетнее, больше этого имени», *Маьныл уæззаудæр бон нукууал скæндзæн* «Худшего дня у меня никогда уже не будет» [6, с.21], *фæндараст зæгъыны сæ ахсджиагдæр хъæбулаен* «прощаются со своим лучшим сыном» и др.

Исходя из контекстного окружения сравнение может определять предмет и иметь «грамматические репрезентации семантических образований, подобных тем, которые выражаются качественными прилагательными» [7, с.8-9], или указывать на степень проявления какого-либо действия и приобретать все признаки наречия. Например, *Микъала дæр йæхи æввахсдæр æрбайста*. «Николай тоже придвинулся ближе» [8, с. 31]; *рæвдздæр змæл* «шустрее двигайся». *Фæлмæнкъух сългоймаг ам ма агур, горæты йæ тагъддæр ссардзынæ*. «Ласковую женщину здесь не ищи, в городе ты ее быстрее найдешь» [9, с. 50].

Учитывая особенности грамматического строя осетинского языка, форма сравнительной степени может выступать и в качестве смысловой части сложного глагола. Более ярко это выражается при наличии глагольной приставки в составе именной части: *Чъехи фæтагъддæр кодта йæ цыд*. «Чехи ускорил свой шаг (ход)» [8, с. 8]; ...*Хъантемыр фæраздæр ис, мидбылты худгæйæ*. «...Кантемир опередил, улыбаясь» [6, с. 22] и под.

В осетинском языке морфологический статус лексической единицы неустойчив, и может быть, как фиксированным, так и контекстуальным. Функциональные возможности лексической единицы наиболее явно обнаруживаются при сопоставлении языков, которые позволяют «изучать сходства и различия в выражении одних и тех же содержательных категорий, определять, как в разных языках удовлетворяются сходные функциональные потребности, глубже вскрыть функциональную эквивалентность языков на различных языковых уровнях при сопоставлении как системном, так и функциональном» [10, с. 10]. Рассмотрение категории сравнения в контекстном окружении позволяет также выявить случаи с формальным грамматическим показателем сравнения, но семантически близким к предельности проявления признака. Это во многом связано и с тем, что «Семантика компаративности представляет собой синтез категорий качества и количества» [11, с. 9].

К примеру, интересен вариант употребления формы сравнительной степени *тагъд – тагъддæр (уайтагъддæр) – тынг тагъд* «быстро – быстрее (совсем(?) быстрее) – очень быстро», где суффикс **-дæр** грамматически указывает на сравнительную степень, а начальный формант *уай-* семантически указывает не только на стремительность проявления признака, но и тяготеет к сближению этой степени с превосходной. В переложении на другой (скажем, русский) язык данная форма сравнения не находит адекватного эквивалента: ...*уый Серго уайтагъддæр фембæрста*,... «...это Серго тут же смекнул» [8, с. 10]. Подобная конструкция по типу сравнительной степени образовывается и с участием частицы *тæккæ* — *уайтæккæдæр* с тем же значением.

При сочетании положительной формы прилагательного или наречия с одним из вспомогательных слов *хæрз, иттæг, тынг, бынтон* и в том числе *тæккæ* образуется превосходная степень. Это наиболее привычная его функция, так же, как и для наречия *бынтон* — *бынтондæр*. При этом наречие *бынтон* самостоятельно не образует формы превосходной степени: *Цъити дон ныйих, ныддæвдæг бынтондæр, ранæй-рæтты айдæнау*

арттивы. «Ледниковая вода заледенела, застыла совсем, местами блестит как зеркало» [6, с. 23]. Если приведенные варианты образования сравнительной степени относятся к единичным, то выражение усилительной степени — явление, весьма распространенное в осетинском языке.

Говоря о сравнительной степени проявления признака, некоторые исследователи указывают на силу проявления и интенсивность присутствия этого признака. В частности, об образовании слов «со значением недостаточной или слабой степени качества» [3, с. 183], которая передается при помощи суффиксов *-гомæу*, *-бын*, *-дзæф* и реже *-дзаст*: синонимичные *æдыхдзæф*, *лæмæгъгомæу* «слабоватый», *бурбын* «желтоватый», *сабыргомæу* *сдыдта* «тиховато проговоил», *зæрондгомæу* *лæг* «староватый мужчина» и др.

Уый бæрæг уыд уымаей, æмæ йын худæндзастæй æрæмдзæгъд кодтой. «Это было понятно от того, что едва заметной улыбкой аплодировали» [6 с. 43]. Слабая степень интенсивности проявления признака / качества также получает грамматическое выражение и оформляется одновременно при помощи суффиксов *-дæр* и *-гомæу*: *фæлмæн* — *фæлмæндæр* / *фæлмæндæргомæу* — *тынг фæлмæн* «мягкий — мягче / помягче (мягковатее) — совсем мягкий».

Указание на большую степень присутствия признака может быть усилено синонимичными друг другу наречиями меры, количества и степени *дзæвгар* «много, порядочно», *бирæ* «много», *чысыл* «немного» и усилительной частицей *ноджы* «еще». Причем некоторые количественные наречия соотносятся с количественными местоимениями. И тут их следует различать по функционально-грамматическому значению, при котором «количественные наречия относятся к действиям, процессам и обозначают их количество, продолжительность; количественные же местоимения обозначают неопределенное количество предметов» [3, с. 364]: *ноджы хуыздæр сбæрæг уыдзæн* «еще лучше выявится»; *ноджы бæлвырддæр* «еще точнее»; *бирæ хуыздæр* «намного лучше»; *Зæлдайæн йæ цард у ногджы уæззаудæр*. «Жизнь Залда еще тяжелее» [12, с. 595] и др. Таким образом, приведенные выше особые случаи употребления в речи форм сравнительной степени указывают на наличие некой промежуточной формы, которая выражается не только семантически, путем аналитического способа, но имеет свои формально-грамматические способы образования.

Схожую по семантике разновидность сравнительной степени в осетинской грамматике принято называть еще *усилительной* или *возрастающей* [3, с. 188], а в качестве способа образования чаще всего выделяется редупликация, при которой первая редупликативная часть имеет форму положительной степени в отложительном падеже, а вторая часть принимает собственно форму сравнительной степени. Сами термины сообщают нам о том, что при помощи подобных форм указывается на признак, проявляющийся в несколько большей степени, чем сравнительная, но еще не достигшая максимального его проявления, т.е. еще не превосходная. Именно поэтому мы предпочитаем такие формы сравнительной степени называть промежуточными, тем более, что семантика усиления, поименованной исходной положительной степени, заложена во всех формах.

Сравним: *Цас дыл азт'æ фылдæр цыд, уыйбæрц ды къуылыхæй-къуылыхдæр кодтай, дæ ныхы нос арфæй-арфдæр ныгъуылди*. «Чем больше лет тебе было, тем больше ты хромал (букв. 'хромого хромей становился'), а шрам на лбу все глубже утопал (букв. *глубжего глубже*)», [6, с.10]; ...*Уæрджытыл йæ хъару æвдисы... æрмæст ын фиййæутты æхсæн йæ хорзы кой ногæй-ногдæрмæ ивынц...* «На коленях показывает свою силу... только среди пастухов восхваления его усиливаются (букв. 'сменяются от нового к новому')» [8, с.14] и под. И тут следует оговорить, что не во всех случаях находится адекватный перевод на русский язык рассматриваемых форм выражения промежуточной степени проявления признака.

Будучи образованными от одного корня, такие редупликативные формы графически оформляются с дефисным написанием, приобретают статус наречия и, соответственно, указывают на качество предмета действия. Наибольшую концентрацию таких усилительных форм сравнительной степени можно наблюдать в речевых формулах, традиционных осетинских молитвенных текстах, где они приобретают особые стилистические функции:

Азæй-азмæ царды къæпхæнтыл уæлдæрæй-уæлдæр цаут. «Из года в год по ступням жизни поднимайтесь все выше и выше»; *Азæй-азмæ тыхджынаей-тыхджындæр кæнут.* «Из года в год становитесь сильнее сильного»; *Æмвæндаей-æмвæнддæр кæнут.* «Становитесь все большими единомышленниками»; *Æнгомæй-æнгомдæр кæнут.* «Становитесь сплоченнее сплоченного» и др.

При таком редупликативном оформлении особые стилистические функции возникают в том числе и благодаря повелительному наклонению глаголов, с которыми эти сравнительные формы сочетаются. Появляются дополнительные семантические коннотаты, сообщающие о непрерывном возрастании признака /качества, что в определенном смысле тяготеет к самостоятельной грамматической категории.

Таким образом, при рассмотрении способов грамматического выражения категории сравнения в осетинском языке, помимо собственно сравнительной степени, образуемой при помощи суффикса *-дæр*, обнаружены и описаны подвиды сравнительной степени, указывающие на ослабленную или усиленную формы по силе и интенсивности присутствия признака. Помимо семантических различий, обнаруженные варианты выражения сравнения имеют и устойчивые способы грамматического оформления. Это дает основание говорить о наличии промежуточной (несовершенной) степени сравнения как о самостоятельной грамматической категории сравнения.

1. Саттарова Ф.У., Зиятов Д.Р. Качественные прилагательные. Степени сравнения в русском и узбекском языках. / *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social sciences*. Май 2022, Выпуск 2, № 5. / [электронный ресурс] www.oriens.uz
2. Мельникова Е.М. Метелкина С.С. Фомы степеней сравнения собственно качественных прилагательных в современной речи // *Верхневолжский филологический вестник*, 2020 — №1 (20). С. 86-93.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч.1.
4. Токсоналиева Р.М. Степени сравнения имен прилагательных в русском и киргизском языках // *Международный научный журнал «Инновационная наука»*, №11, 2015. С. 262-264.
5. Боргояков В.А. Степени сравнения и категория именной количественности в хакасском языке / *Филологические науки и журналистика* 2021. С. 9-13.
6. Цагараев М.Н. Избранные произведения (на осетинском языке) в 2-х томах. Т.2. Орджоникидзе, «Ир», 1976. 362 с.
7. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. / под ред. А.В.Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 264 с.
8. Секинаев В.Дз. Алагирские рассказы. / сборник на осетинском языке. Северо-Осетинское книжное издательство
9. Хугаев Г.Д. Честь отцов. Пьесы. Издательство «Ир», 1979. 286 с.
10. Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. — М., 1988. — 196 с.
11. Петроченко Л.А. Структурные особенности категории компаративности (на материале английского языка) // *Вестник ТГПУ ((TSPU Bulletin)*. 2013, №3 (131). С. 9-12).
12. Гадиев С.Г. Избранные произведения (на осетинском языке). Владикавказ: Ир, 1991. 639 с.

Николаев Н.А.

Сравнительный анализ использования заимствований в политических текстах на русском языке в дореволюционную и современную эпоху

*Российский государственный социальный университет
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-740

Аннотация

В статье изложены данные об использовании иноязычных заимствований в политических текстах на русском языке в дореволюционную и современную эпоху. Выявляются факторы появления заимствований в русском языке. Проводится сравнительный анализ использования заимствованных слов в политических текстах на русском языке в дореволюционную и современную эпоху с целью выявления того, какую роль играли иноязычные заимствования в России в XX веке и какую играют сейчас.

Ключевые слова: заимствования, русский язык, англицизмы, политические тексты, XX век, XXI век.

Abstract

The article presents data on the use of foreign borrowings in political texts in Russian in the pre-revolutionary and modern era. Factors of the appearance of borrowings in the Russian language are revealed. A comparative analysis of the use of borrowed words in political texts in Russian in the pre-revolutionary and modern era is carried out in order to identify the role of foreign borrowings in Russia in the XX century and what role they play today.

Keywords: borrowings, Russian language, anglicisms, political texts, XX century, XXI century.

Актуальность темы обусловлена тем, что в России в последние годы очень часто разворачиваются дискуссии о том, что русский язык недостаточно «чист», так как он «загрязнен» иноязычными заимствованиями. Согласно опросам, проведенным в 2022 году, современное российское общество негативно относится к использованию англицизмов[1].

Бороться с иноязычными заимствованиями призывают не только обычные граждане, но и политики. Так, вице-спикер Государственной Думы Петр Толстой в июне 2022 года высказывался об организации в России «единого языкового пространства» и об «отказе от глупых заимствований и англицизмов»[2]. Депутат аргументировал свою позицию тем, что запрет использования иноязычной лексики способствует патриотическому воспитанию подрастающего поколения и привьет им любовь к родному языку, а не к «псевдоанглийскому». Более того, по мнению политического деятеля Толстого, запрет рекламных вывесок на иностранных языках поможет гражданам России «чувствовать себя дома», а не туристами, находящимися за границей.

Тем не менее, действительно ли русский язык страдает от иноязычных заимствований, а не развивается? С давних времен Россия не закрывалась от внешнего мира, а была вовлечена в международное сотрудничество как с государствами европейской, так и азиатской части евразийского континента. Эта кооперация была невозможна без обогащения языка, так как вместе с ней Россия знакомилась и с новыми для себя продуктами технологического прогресса, а также с культурными особенностями представителей других народов. В связи с этим, в русском языке и появлялись иноязычные заимствования.

С другой стороны, язык трансформировался и в тяжелые для страны времена. В частности, немалое число тюркизмов в русской речи объясняется историческим фактором – татаро-монгольским нашествием.

Таким образом, любое событие по итогу сопровождается внедрением новой лексики в язык. В таком случае, целью данного исследования является проведение сравнительного анализа использования заимствований в политических текстах на русском языке в дореволюционную эпоху и в наше время для того, чтобы проследить трансформацию языка и выявить, какую роль играли иноязычные заимствования в России двадцатого столетия и XXI века, а также насколько часто они использовались в речи в прошлом по сравнению с настоящим.

Согласно научным деятелям Т.В. Бабияну и Е.Д. Арустамяну, заимствование – это «естественный процесс развития и преобразования языка, который в лингвистике понимается как переход лексических единиц одного языка в систему другого»[3].

В свою очередь, под политическим текстом понимается «текст, функционирующий в сфере политики»[4].

Первым этапом исследования станет проведение анализа политического текста дореволюционной эпохи и выявление количества заимствованных слов в нем. Тем не менее, сперва стоит отметить, что современный русский язык отличается от дореволюционного. Соответственно, выбрав для проведения анализа текст резолюции Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 1917 года, изначально его нужно перевести на

послереволюционный русский, а затем установить историю происхождения слов при помощи этимологического словаря Шанского[5].

«Резолюция (из польского яз. в русский от rezolucja) Исполнительного Комитета (от фр. comité) Совета Рабочих и Солдатских (от нем. Soldat) Депутатов (от нем. Deputat через польский яз.) (Бюро (от фр. bureau)).

Обсудив заявление Исполнительного комитета Петроградского Совета офицерских (от нем. Offizier) депутатов армии (от фр. armee) и флота (от фр. flotte) о созыве в Петрограде 8 мая (от греч. maius) Всероссийского Съезда Офицерских Депутатов для тесного объединения революционного (от польск. rewolucja) офицерства на политической (от греч. politika) платформе (от фр. plateforme) организованной (фр. organisation) революционной демократии (от греч. demokratia), Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов считает таковой съезд и именно в Петрограде крайне желательным, своевременным, и со своей стороны Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов всячески поддерживает этот съезд и примет в работах его активное (от фр. actif) участие.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, будучи хорошо знакомым с деятельностью Петроградского Совета Офицерских Депутатов армии и флота свидетельствует, что созываемый ими съезд революционного офицерства ни в коем случае не может в чем-либо противоречить интересам (от нем. Interesse) объединенных солдат, рабочих и крестьян (от греч. christianos)»[6].

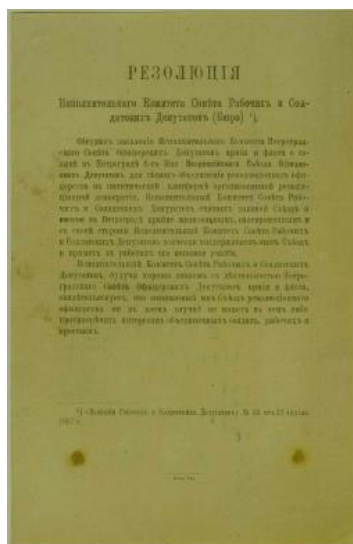

Рисунок 1. Резолюция Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 1917 года

Таким образом, всего в этом политическом тексте 121 слово, из которых 39 являются иноязычными заимствованиями, что составляет 32% от всех слов.

Вторым этапом исследования станет проведение анализа политического текста, написанного в современную эпоху. Целью также является определение в нем количества заимствований из других языков. Для анализа был выбран политический текст, опубликованный на новостном сайте РБК в ноябре 2022 года.

«Первый вице(от лат. vice через голл. яз. в русс. яз.)-спикер (от англ. speaker) Госдумы стал кандидатом (от польск. kandidat) на пост (от фр. poste) главы Счетной палаты (от греч. palation).

Первый вице-спикер Госдумы Александр Жуков рассматривается на пост главы Счетной палаты вместо Алексея Кудрина, рассказали источники РБК. Его кандидатуру предлагает сам Кудрин, но возможны и другие варианты (от фр. variante). Первый вице-спикер Госдумы Александр Жуков стал кандидатом на пост председателя Счетной палаты после планирующегося (от нем. Plan) перехода Алексея Кудрина в «Яндекс». Об этом РБК рассказал источник, знакомый с обсуждением кандидатур, подтвердили два собеседника, близких к

администрации (от польск. administracja) президента (от фр. président), и четыре федеральных (от фр. fédération) чиновника, структуры (от нем. Struktur) которых регулярно (от польск. regularny) взаимодействуют с контрольным (от фр. controle) ведомством. «Жуков – это хорошая кандидатура, он профессионал (от фр. profession) и не коррумпирован (от англ. corruption). Его поддерживает лично Кудрин», – сказал один из знакомых с обсуждением кадрового (от фр. cadre) вопроса собеседников РБК. По его словам, именно Жукова Кудрин предлагает в качестве основного кандидата себе на смену, «хотя есть и другие варианты»[7].

Таким образом, всего в этом политическом тексте 125 слов, из которых 30 являются иноязычными заимствованиями, что составляет 24% от всех слов.

Завершающим этапом исследования является проведение сравнительного анализа использования заимствований в этих двух политических текстах. Так, в первом из них было выявлено 39 иноязычных заимствований, что составило 32% от всех слов. В свою очередь, во втором тексте было 30 заимствований, что составило 24% от всех слов.

Подытожив, следует сказать, что заимствования всегда являлись частью русского языка. Так, на основе сравнительного анализа, можно сделать вывод, что разница в использовании заимствований составила всего 8%, причем их меньше в тексте, написанном в настоящее время, а не в дореволюционное.

В заключении хотелось бы отметить причины заимствования слов. Так, одной из них является фактор взаимодействия культур. В русском языке есть заимствования из греческого, так как обе страны веками тесно взаимодействовали в духовной сфере, в частности, в религии. Петр I налаживал связи с Германией и Голландией. С Польшей Россия воевала чуть ли не каждое столетие. Все это в том числе и привело к большому количеству заимствований из языков вышеупомянутых стран в русском.

Второй причиной является фактор языка международного общения. Так, в прошлом именно французский язык использовался для коммуникации между представителями разных государств. В настоящее время таковым стал английский. Именно поэтому в тексте, написанном в дореволюционную эпоху, отсутствуют заимствования из языка, который сейчас является международным, так как ранее он им не был. Тем не менее, в тексте 2022 г. заимствования из английского языка присутствуют.

Русский язык – это «достаточно устойчивая система, которая хорошо адаптирует чуждые для нее элементы и приспособливает их к себе»[8]. Не нужно бояться англицизмов или галлицизмов, заимствования обогащают язык. Естественно, если в русском языке есть эквивалент какому-либо иностранному выражению, то стоит использовать в своей речи именно русские слова. Тем не менее, в случае отсутствия этого эквивалента, при заимствовании иностранных слов национальный язык и культура народа, наоборот, обогащаются, а не деградируют.

1. ТАСС – Больше 40% россиян негативно относятся к англицизмам – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14835319?ysclid=lau24cye9k410651275> (дата обращения: 27.11.2022).
2. РБК – Толстой предложил избавить Россию от англицизмов – URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/06/2022/62a517349a79477bb4103f3d?ysclid=lau2nvis6d506961763> (дата обращения: 27.11.2022).
3. Бабиян Т.В., Арустамян Е.Д. Английские заимствования в современном спортивном дискурсе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskie-zaimstvovaniya-v-sovremennom-sportivnom-diskurse> (дата обращения: 27.11.2022).
4. Рассинская О. В. Речевые особенности политической коммуникации // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 412-413. — URL: <https://moluch.ru/archive/81/14775/> (дата обращения: 27.11.2022).
5. Этимологический словарь Шанского – URL: <https://gufo.me/dict/shansky?> (дата обращения: 27.11.2022).

6. Российская Национальная Библиотека – Резолюция Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (Бюро) : листовка – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/11000070030/view/#page=> (дата обращения: 27.11.2022).
7. РБК – Первый вице-спикер Госдумы стал кандидатом на пост главы Счетной палаты – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2022/634dad8d9a7947e217c163d4> (дата обращения: 27.11.2022).
8. Кокина, И. А. О проблеме заимствований в русском языке // Молодой ученый. – 2016. – № 7.4 (111.4). – С. 9-11. – URL: <https://moluch.ru/archive/111/28219/> (дата обращения: 27.11.2022).

Петров И.В., Лебедева В.В.

Сопоставительный анализ национально-культурной специфики идеального человека в корейских и эвенских пословицах

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-741

Аннотация

В данной работе представлены результаты изучения характерных национальных особенностей идеального человека у корейцев и эвенов через призму пословиц и поговорок.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, национально-культурная специфика, национальный характер, корейский язык, эвенский язык.

Abstract

This paper presents the results of the study of the characteristic national features of the ideal person among Koreans and Evens through the prism of proverbs and sayings.

Keywords: proverbs, sayings, national-cultural specifics, national character, Korean language, Even language.

Пословица – это краткое народное устойчивое ритмичное по форме выражение, изречение, несущее обобщенный вывод. А поговорка – краткое, меткое, устойчивое выражение, не являющееся цельной фразой, и не несущая поучительный смысл. И пословица, и поговорка – продукты народной речи. Поговорка сходна с пословицей, но в отличие от пословицы, она не является полным суждением, а лишь его частью. В пословицах заключена народная мудрость, законченное суждение [1]. В пословицах и поговорках безусловно отражается национально-культурная специфика каждого народа, так как в них легко прослеживается менталитет народа, восприятие окружающего мира и различные проявления реакций на происходящее вокруг.

В настоящей работе приводятся результаты проведенного исследования, в рамках которого был проведен сопоставительный анализ пословиц и поговорок, отражающих особенности идеального человека в корейском и эвенском обществе. Материалом исследования послужили 114 пословиц и поговорок, выявленные путем сплошной выборки из следующих источников: «Эвэн ханьинни» [3], «Золотые слова корейского народа» [2].

В результате проведенного анализа нами были выявлены несколько национально-культурных особенностей, характеризующих корейский народ.

Во-первых, это колоссальное трудолюбие. Трудолюбие как один из особенностей национального характера порождает следующие национальные характерные черты: усердие, постоянное желание развиваться, терпение и выносливость. За что бы ни взялись корейцы обычно стараются доводить все до конца.

Еще одной из особенностей национального характера корейцев являются приветливость, вежливость и доброта.

Несмотря на то, что корейцы характеризуются терпением и выносливостью, они обладают оценочным и расчетливым складом ума. Оценив свои возможности и сложность какого-либо дела, они могут не взяться за него, а то и вовсе бросить.

Особенность национального характера корейцев заключается в принципе «доверяй, но проверяй», по которому они живут. Каждый кореец, перед осуществлением или совершением какого-либо дела, приступит к нему только после доскональной проверки.

Согласно наставлениям, поучениям, запретам и предписаниям в корейских изречениях, идеальный человек для корейского народа должен обладать следующими качествами:

1. трудолюбивый
2. терпеливый и выносливый
3. добрый и вежливый
4. обладает оценочным и расчетливым складом ума
5. уважает окружающих его людей

А раскрытие темы эвенского национального характера показывает, что эвенскому народу более характерны такие черты характера как доброта, приветливость, приверженность к родовым традициям, неприхотливость, уважение достоинства и чести других людей.

Также, природно-климатические условия сформулировали такую особенность национального характера как самоограничение.

В свою очередь, согласно наставлениям, поучениям, запретам и предписаниям в эвенских пословицах и поговорках, идеальный человек для эвенского народа обладает следующими качествами:

1. добрый и вежливый
2. имеет приверженность к родовым традициям
3. скромный и не прихотливый
4. уважает достоинства и честь других людей
5. разносторонне эрудированный

Таким образом, как и все другие народы, и у корейского народа, и у эвенов добродетель является одним из основных черт национального характера. Также, для обоих языков характерны такие черты характера как уважение окружающих его людей.

В корейском обществе присутствует культ животных, как и в эвенском. Большинство выявленных пословиц и поговорок содержат названия животных, а эвены же, в свою очередь, мерили богатство количеством домашнего скота.

Одними из основных отличительных особенностей характера корейца являются колоссальное трудолюбие и целенаправленность. Отличительной чертой эвенов является то, что эвена без приверженности к родовым традициям практически не бывает.

1. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. — 1104 с.
2. Лим Су. Золотые слова корейского народа. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2003. — 360 с.
3. Эвэн ханьинни / Евдокия Бокова; Науч. обраб. канд. филол. наук Х.И. Дуткина. - Якутской : Бичик, 1998. - 95 с.

Потапова Д.Н., Егорова К.Г.

Лексико-грамматические особенности субтитров в корейских развлекательных телепрограммах

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-742

Аннотация

Статья представлена в виде исследования визуальных субтитров известной корейской телепрограммы «Новое путешествие на Запад». В данной статье рассматриваются лексико-грамматические особенности корейских субтитров на материале телевизионной программы

«Новое путешествие на Запад». В работе дается попытка осмысления одного из видов субтитрирования, распространенного в корейском телевидении.

Ключевые слова: субтитр, субтитрирование, развлекательная программа, визуальные субтитры.

Abstract

The paper is presented in the form of a study of visual subtitles of the famous Korean TV program "A New Journey to the West". This article discusses the lexical and grammatical features of Korean subtitles based on the material of the television program "A New Journey to the West". The paper attempts to comprehend one of the types of subtitling common in Korean television.

Keywords: subtitle, subtitle, entertainment program, visual subtitles.

Популярный проект «Новое путешествие на Запад» возглавляет рейтинг национального вещания среди телевизионных шоу. Развлекательная программа вышла на экраны в 2015 году. Это реалити-шоу о путешествиях, транслируемое в онлайн-режиме через интернет-канал Naver TVCast с 2015 года. Выбор данной программы был обусловлен тем, что в ней используются привлекающие внимание субтитры, которые ярко выражены и отличаются своими лексико-грамматическими особенностями.

Субтитры в корейских развлекательных программах расширили свою роль от простого представления дополнительного объяснения, перевода с другого языка, прямой передачи речи или звукового эффекта до роли привлечения телезрителей субтитрами развлекательного характера в виде визуального процесса, вызывающего интерес у аудитории. С развитием мультимедиа, субтитры, используемые в корейском телевидении, претерпели изменения от простой текстовой формы до свободной. Субтитры свободной формы могут сочетаться с различными визуальными изображениями, допускать отклонения от лексических, литературных норм или иметь сленговые выражения.

Таким образом, в корейском телевидении субтитры становятся одним из важных и независимых компонентов телевизионных программ. Телевидение имеет коммуникативную, информативную, развлекательную функции, последняя из которых является одной из самых важных. Так как субтитры влияют на реакцию и отношение зрителей к программе, эффективное использование субтитров оказывает положительное влияние на телевизионные рейтинги развлекательных программ. Кроме того, современное телевидение наиболее ярко отражает изменения, особенности и тенденции использования различных типов субтитров сегодня.

«Новое путешествие на Запад» является одной из самых известных развлекательных программ на телевидении Южной Кореи на данный момент. Участниками шоу являются известные певцы, телеведущие, актеры, что, конечно, повлияло на большой успех программы. Реалити-шоу реализовало успешную трансформацию комплексного телешоу и получило всеобщее признание не только среди телезрителей Кореи, но и зарубежных стран. Программа устоялась, как один из важных аспектов корейской волны Халлю [2].

Успешные реалити-шоу не только имеют разнообразное содержание и сильную команду, но и удовлетворяют потребности зрителей, поэтому рейтинг аудитории телепрограммы постоянно растёт. Проект телепрограммы имеет огромное количество персонала и оборудования, благодаря которым команде удастся выполнять качественный монтаж и вставлять интересные субтитры с элементами анимации, что погружает зрителей в веселую и тёплую атмосферу.

Перед тем, как приступить к анализу лексико-грамматических особенностей субтитров, стоит начать с изучения видов визуальных субтитров, используемых в выбранной нами программе. Это нужно для более полноценного понимания роли и особенностей субтитров в исследуемом нами телешоу. В «Новом путешествии на Запад» имеющиеся субтитры по структуре использования можно разделить на несколько видов: речь съёмочной команды; описание происходящего действия; речь самого шоу, как «третьего лица»; повтор речи

участников; описание чувств участников; указание дополнительной информации; символы и знаки.

Например, речь съёмочной группы можно распознать по проставленным маркерам, в которых указывается кто говорит: продюсера На Ен Сока обозначают, как <나PD>, или при речи сценариста, ставится маркер <작가> [jagga] (сценарист>). <나PD) 자 성공하셨습니다요 바로 두 번째 판 들어갑니다 <Итак, так как вы справились с заданием сразу перейдем ко второму>. <작가) 자신감이 조금 떨어졌습니까? <Кажется, ваша уверенность немного спала?>. Съёмочная группа играет такую же важную роль, как и участники, поэтому их речь просматривается в течение всей развлекательной программы. Практически вся речь, исходящая от съёмочной группы, – это объявление о предстоящих миссиях и вопросы участникам программы. По манере разговора мы можем понять, что съёмочная группа хорошо и уважительно относится к своим участникам, так как они всегда общаются с ними посредством использования официально-вежливого стиля с присоединением к основе глагола окончаний <습니다 [seubnida] и <니다 [bnida]. Этот стиль считается самым высоким, самым почтительным и вежливым, он употребляется с людьми в официальной обстановке, с людьми, которые старше по возрасту и по социальному положению, с незнакомыми и малознакомыми людьми.

Другой вид использования визуальных субтитров мы можем рассмотреть в описании происходящих действий со стороны самого шоу. Например:

<큰일남 [keun-ilnam] <появилась большая проблема>; <팬심 [paensim] <любовь фанатов>; <더위+긴장=떨린다! [deowi+ginjang=tteollinda!] <Жара + Напряжение = Волноваться!>; <가출한 초등학생 비주얼, 어색한 인사 [gachulhan chodeunghagsaeng bijueol, eosaeghan insa] <Выглядит как младшеклассник, сбежавший из дома, неловкое приветствие>.

Субтитры «третьего лица» съёмочная группа создает с точки зрения зрителя, вставляя эмоции, при которых создается ощущение «присутствия в шоу человека за экраном». Это могут быть короткие надписи или остроумные высказывания, такие как: <안 돼...거긴 안 돼 <нет, не там>; <이때 처음 나PD는 생각했다...우리 망하겠구나... <И тогда впервые продюсер На осознал... что они провалятся...>; <그건 아닌데... <это ведь не то...>; <아는구나 <так он знает>; <대기 끝! 이제 출발 <ожидание закончилось! Теперь выдвигаемся>.

Существуют такие визуальные субтитры, которые используются для описания чувств и эмоций участников программы. В большинстве случаев они используются для развлекательного характера, субтитры пишутся в скобках, чтобы зрители могли разделять их от обычной речи участников и других видов субтитров. <(소심하게 중얼) <застенчиво бормочет>; <(정신없음) <вне себя>; <(얼굴 빨개짐) <лицо покраснело>; <(말이 없어짐) <вдруг стал тихим>; <(필름 끊김) <напился до потери памяти>.

В современных телепрограммах Южной Кореи довольно часто используют просторечие, вульгаризмы, и некоторые телезрители считают это основным минусом. Хотя и данный пласт лексики не несёт в себе злобного содержания, но воспринимается телезрителем как бескультурное отношение. Чаще всего подобную лексику употребляет молодое поколение, но тенденция показывает, что просторечие твердо вошло и в обиходный словарный состав всего корейского общества. Визуальные субтитры могут оформляться совершенно в свободной форме, как того хотят создатели программ. Из программы мы выделили несколько примеров визуальных субтитров, в которых наблюдается просторечие.

Например, слово **뚜껍** [ttukkeong] – в дословном переводе обозначает крышка, но в качестве просторечия люди стали использовать, когда говорят о головном уборе **모자** или голове. В субтитре **노 뚜껍?**, где **노** (no) это транскрибированный вид слова «нет» с английского языка, совместно с **뚜껍** означает «Совсем без мозгов? Ты думаешь головой?».

А слово **호박** [hobak], которое изначально имеет значение «тыква», но в народе стало использоваться в значении «некрасивый человек, урод». В случае примера использования просторечия в субтитре **어우, X팔러** «ох, как же стыдно», мы можем выделить слово **쪽팔리다** [jjogpallida] «стыдно», где первый слог слова был скрыт, в силу того, что все-таки явление просторечия в телевидении считается некультурным.

Стоит отметить, что корейцами не только в жизни, но и в телевидении часто используются сленговые сокращения. TMI (Too Much Information) «слишком много информации, лишняя информация»; OTL где O это **머리** изображение головы, T **팔과 몸** изображение туловища, L **다리** изображение ног, что показывает человека упавшего на колени. В этом случае это не сокращение, а текстовый смайлик, который считается за сленг, передающий чувства; MVP (Most Valuable Player) «наиболее ценный игрок» - награда, которая присуждается самому ценному игроку в соревнованиях. Изначально использовался в профессиональном спорте, но в настоящее время стал широко применяться и в любых соревнованиях или конкурсах.

Одним из способов становления лексической системы языка считается заимствование слов из других языков. Часто встречается способ соединения корейских слов с английскими заимствованными или сленговыми новыми словами. Например, визуальные субтитры: **굿밤** [gutbam], где происходит совмещение слов **굿** – это (good) на английском, а **밤** переводится как «ночь», то есть при переводе корейской части слова на английский будет 'good night' «спокойной ночи»; **뷰티왕**, слово состоящее из **뷰티** (beauty) + **왕** [wang] «король», и вместе «король красоты»; **매너손** состоит из **매너** [maeneo] «манера» + **손** [son] «рука», но в этом случае в русском языке не существует эквивалента, но можно донести как «манерный человек» или просто «манеры».

Отдельно можно выделить следующий интересный способ составления субтитров.

Рисунок 1

Рисунок 2

Происходит замена корейских букв английскими внешне схожими на корейские буквы или цифрами. На *Рисунке 1* можно заметить, что букву 'ㅏ' [a] заменили на схожую по внешнему виду английскую 'r' (ㅏ = r). В конце получается **마지막 라운드** [majimag laundeu (round)] «последний раунд». А в случае *Рисунка 2* также происходит замена 'ㅏ' на 'r', букву 'ㅣ' [i] заменили на цифру 1, в итоге получилось **다시 심포지엄** [dasi simpojieom] «снова симпозиум».

Фразеологизмы, идиомы (**사자성어, 한자성어**) [sajaseong-eo, hanjaseong-eo].

Стоит упомянуть, что в «Новом путешествии на Запад» в субтитрах часто показывают фразеологизмы, идиомы и китайские иероглифы.

В ходе анализа визуальных субтитров можно заметить, что они являются полноценным способом распознавания лексико-грамматических особенностей современного языка. Одной из главных особенностей субтитров в корейских развлекательных программах является доминирование разговорной речи, так как шоу основано на бытовом общении, к тому же, нельзя оставить без внимания свободу использования языка, как инструмент для достижения развлекательной цели телепрограммы.

1. Классификация лексики корейского языка по происхождению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.languages-study.com/korean-words.html> (дата обращения 13.06.2020).
2. Namuwiki. Статья «Новое путешествие на запад» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namu.wiki/w/신서유기> (дата обращения 13.06.2020).
3. Naver Dictionary. Толковый словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dict.naver.com/> (дата обращения 13.06.2020).

Ражаб Хала

Языковое разнообразие как культурный феномен

*РГСУ «Российский государственный социальный университет»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-743

Научный руководитель: Татаринцева Е. Н.

Аннотация

Язык считается одним из важнейших видов человеческой деятельности, поскольку знания и опыт не могут быть сформулированы, сохранены и переданы будущим поколениям без слов. Точно так же, как язык является инструментом, с помощью которого мы управляем нашей социальной жизнью и общением с другими, он является и неотъемлемой частью культуры.

Статья направлена на обсуждение феномена языкового разнообразия и его роли в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: языковое разнообразие, культура, общение, социализация, идентичность, коммуникация, этнолингвистика, социоллингвистика.

Abstract

Language is considered one of the most important human activities, since knowledge and experience cannot be formulated, preserved and passed on to future generations without words. Just as language is a tool with which we manage our social life and communication with others, it is also an integral part of culture.

The article is aimed at discussing the phenomenon of linguistic diversity and its role in intercultural communication.

Keywords: linguistic diversity, culture, communication, socialization, identity, communication, ethnolinguistics, sociolinguistics.

Французский исследователь Доминик Вольтон (2012) отмечает, что XXI век – это век общения в смысле обеспечения условий, необходимых для совместной жизни между различными точками зрения, и подчеркивает это разнообразие как один из корней развития и что его важность для человечества аналогична важности биоразнообразия для природы. [6, с. 138, 139].

Известно, что существует естественная связь между языком, на котором говорит социальная группа людей, и идентичностью этой группы. Язык отражает не только настоящий

мир или реальные условия, но и общее сознание людей, их менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение.

По диалекту, который произносится, словарному запасу, который используются, и речевым образцам, которые употребляются, люди определяют себя бессознательно, хотя носители других языков могут определять их как представителей того или иного языка, того или иного социального дискурса или иного. [5, с. 34,35]

Из вышесказанного следует сделать вывод, что не может быть культурного плюрализма, а, следовательно, и признания множественности моделей мышления, если отсутствует уважение к первоисточнику, а именно к языковому разнообразию. Согласно исследователям Лаурину и Шельмеру, наличие множества носителей разных родных языков определяется как языковое разнообразие. [4, с. 156-166].

Многоязычие является первым условием культурного разнообразия, вот почему языковая разновидность находится на первом плане того, что необходимо сохранить, хотя она и не получила должного признания со стороны политиков, средств массовой информации или академического мира. Стоит отметить, что в то время, как многие западные исследователи подчеркивали негативное влияние языкового разнообразия на процесс коммуникации в целом и социальные отношения в частности.

По словам Хендерсона, языковое разнообразие играет решающую роль в процессах социализации, в то время как Тензор и другие (2021) подчеркивали, что языковое разнообразие может вызвать нарушения общения и привести к недоразумениям из-за плохого владения конкретным языком. [3].

Культурно-языковое разнообразие насчитывает много тысячелетий, но превращение языка в важнейшее межкультурное коммуникативное средство произошло при появлении языков межэтнического общения.

Существуют такие науки, изучающие язык как культурный феномен, как этнолингвистика, которая представляет собой область, ориентированную на изучение связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации. В центре современной этнолингвистики находятся только элементы лексической системы языка, которые связаны с определенными материальными или культурно-историческими комплексами. В разделе е можно выделить две ветви важных проблем:

1. Реконструкция материальной и духовной культуры этнической группы в соответствии с языком.
2. Реконструкция этнических территорий по языкам.

Этичность — это массовое явление, форма социальной организации культурных различий.

Культура человечества — это совокупность этнических культур, направленных на удовлетворение одних и тех же и различных потребностей. Социоллингвистика изучает особенности языка разных социальных и возрастных групп, а наука о лингвокультурах исследует исторические и современные языковые реалии через призму духовной культуры. Кроме того, язык является средством накопления и хранения информации, имеющей культурное значение. Телия считает, что предмет лингвистики является не только чисто национальным, но и универсальным.

Лингвокультурология - отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. По В. Н. Телия, лингвокультурология является отраслью этнолингвистики, но эти науки принципиально разные.

Неэквивалентные фразеологические единицы — это обозначения явлений, характерных для определенной культуры. Лингвистика и филология отличаются тем, что лингвистика изучает реальные национальные реалии, отраженные в языке.

Согласно статистике 2022 года, на территории России проживает около 145 478 миллионов человек, которые являются представителями разных этнических групп, что отражает в стране яркую характеристику языкового многообразия.

Хотя официальным языком в России является русский, и на нем говорят 98,2% населения, существует более 150 других языков. Кроме того, 23% владеют 38 языками. Остальные 114 языков распространены среди 1% населения. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов Российской Федерации и имеет преференции в сфере бюджетных затрат на поддержку и развитие. [1, с. 102,114].

И Существует еще один пример языкового разнообразия в Сирии, концепция мультикультурализм в Сирии была связана с феноменом языкового разнообразия. Арабский язык является официальным языком Сирии в дополнение к курдскому языку, на котором говорят курды, составляют менее 10% населения Сирии и расположены в северо-восточном регионе.

Арамейский - древний язык, существовавший до появления ислама и арабского языка, на котором говорят определенные этнические группы, после чего на современном арамейском языке стали говорить в сирийском регионе Джазира и регионе Маалула, а также в двух соседних деревнях в 35 милях (56 км) к северу от Дамаска. Существует также сирийский язык, и он используется в ритуалах различных сирийских сект. С другой стороны, у нас также есть армянский язык, поскольку армяне используют свой собственный язык для общения друг с другом и придерживаются социальных традиций своей культуры, поскольку он полностью интегрирован в структуру сирийского городского общества, особенно в крупных городах Алеппо и Дамаск. Ассирийский язык, основанном в XXI веке до н. э.

Позже ассирийцы обратились в христианство и до сих пор говорят на восточном арамейском. Район их присутствия недалеко от столицы Дамаска. Это языковое разнообразие в одной стране неизбежно приводит к широкому культурному разнообразию.[2]

Заключение. В языковом разнообразии привалируют ситуации культурного многообразия, то есть места, где языковые сообщества разных культур имеют возможность сосуществовать и взаимодействовать. Как следствие, возникает обогащающий межкультурный диалог, осознание уважения друг к другу и возможность научиться жить вместе в гармонии, уважая различные культурные самобытности, традиции и религии, которые характеризуют каждую культуру.

Таким образом, мы можем сказать, что язык является основным средством общения между людьми и без него невозможна любая форма человеческого общения. Нам становится ясно, что связь между языком, культурой и общением естественна и неразделима. Именно возможность языка обозначать предметы, чтобы можно было говорить о них без их присутствия, без наличия перед глазами, выводит его за пределы биологического мира, делает его элементом культуры.

1. Степанов В. В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Этнографическое обозрение, 2010. (4) с. 102-114
2. Al-Khatib M. Ancient Syria, Dar Ruslan, Syria. 2020. С 56-58
3. Canestrino R., Magliocca P., & Li Y. The Impact of Language Diversity on Knowledge Sharing Within International University Research Teams: Evidence from TED Project. *Frontiers in psychology*.2022. 13, 879154879154.
4. Lauring J., Selmer J. International language management and diversity climate in multicultural organizations.2022. (21), с. 156-166. doi: 10.1016/j.ibusrev.2011.01.003
5. SOUKAL I. Cultural diversity dialectics of communication and reconstruction of identity. In the *Journal of Social Sciences-University of Al-aguat*,2018. p. c. 34-35.
6. Walton D., *The media is not communication*, Dar Al-Farabi, T1, Beirut, Lebanon. 2012. с. 138-139.

Селимов Т.С.

Возможность применения типологии культурных измерений Хофстеде при анализе языковой личности российских и американских менеджеров*Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-744

Аннотация

В данной работе будут предложены тезисы и закономерности при анализе языковой личности менеджеров высшего звена из РФ и США, основанные на модели Хофстеде.

Ключевые слова: Г. Хофстеде, языковая личность.

Abstract

This paper will propose theses and regularities in the analysis of the linguistic personality of senior managers from the Russian Federation and the United States, based on the Hofstede model.

Keywords: G. Hofstede, linguistic personality

В предыдущих работах нами была рассмотрена возможность использования модели Хофстеде для изучения языковой личности в социокультурном контексте. Данная проблема недостаточно изучена наукой, однако нам удалось найти исследование, которое может послужить базой для проведения дальнейшего изучения проблемы взаимосвязи измерений модели Хофстеде и языковой личности.

В качестве такой работы выступает исследование, проведённое Фолькером Ханухом в 2008 году [Hanuch, 2008]. Учёный сравнил особенности языковой личности австралийских и немецких журналистов и выявил определённую зависимость тех или иных качеств от показателей модели Хофстеде.

Учёный отметил, что немецкие журналисты, во-первых, считали себя интеллектуалами, а во-вторых, были избирательны и осторожны в выборе слов, говоря, что придерживаются корпоративной политики. Журналисты австралийских газет, с другой стороны, не были так озабочены использованием языка. Многие журналисты из этих газет не смогли ничего толком ответить на вопросы, сказав, что в их редакции нет единой политики или конвенций, регулирующих использование языка, кроме основного стиля например, использование слов "умер" или "был убит" вместо "скончался", что было использовалось только для людей, умерших после продолжительной болезни.

Одно из объяснений этой довольно общей разницы в использовании языка учёный находит в работе Хофстеде о ценностных измерениях. Хофстеде [Hofstede 2005: 175] отмечает, что страны, избегающие сильной неопределённости, имеют более жесткие правила в отношении языка для того, чтобы иметь дело с рядом различных и неожиданных ситуаций. Следовательно, немецкие журналисты могут быть более избирательны в выборе языка. Также учёный установил, что согласно Хофстеде [Hofstede 2001], Германия является страной, с высоким индексом "Избегания неопределённости", в то время как Австралия считается страной с низким индексом этого измерения. Хофстеде [Hofstede 2005] отметил, что культуры, избегающие неопределённости, предпочитают точные законы более общим законам, следовательно, для языковых личностей менеджеров, принадлежащих к культурам с высоким индексом "Избегания неопределённости", будет свойственно употребление точных формулировок с опорой на определённые правила и постулаты.

Кроме того, Ханух также отмечает взаимосвязь языковой личности с показателем "Индивидуальность" через такое средство выразительности как юмор. Учёный, анализируя особенности употребления языка австралийскими журналистами, отметил, что английские ценности индивидуальной свободы означали, что юмор в Англии подшучивал над всеми и не уважал любые формы власти. Таким образом, мы можем увидеть взаимодействие четырех измерений культурной структуры, в том, что в данном случае ценности наций повлияли на развитие юмора, являющегося аспектом языка. Гельферт перечислил четыре типичные формы

английского юмора: эксцентричность (против авторитета социальных условностей); игра слов (против авторитета серьезного дискурса); бессмыслица (против авторитета смысла); и черный юмор (против авторитета морали).

Ханух считает, что вопрос юмора также может быть связан с ценностными измерениями Хофстеде, в частности, с измерением индивидуализма. Хофстеде считает Австралию очень индивидуалистической страной, что, как показывает исследование Гельферта [Gelfert 1998], привело к другому типу юмора. Немцы менее индивидуальны, что видно из того факта, что немецкий юмор учитывает общественные последствия. Таким образом, для представителей культуры с более высоким показателем индивидуализма будет характерна более свободная речь с элементами порой чёрного, возможно, аполитичного юмора, а также остроумия по поводу начальства, в то время как у представителей культур с более низким показателем индивидуальности речь будет осторожнее, чтобы не вызвать социальных последствий.

Учёный, подводя итоги, пишет, что именно показатели индивидуальности и избегания неизвестности были особенно полезны для исследования особенностей языковой личности журналистов Германии и Австралии.

В дальнейших работах нами будет рассмотрена разница в языковых личностях американских и российских топ-менеджеров. Мы попробуем выявить закономерности, согласно модели Хофстеде и проверить их с помощью практического анализа.

Россия и США имеют диаметрально противоположные оценки по всем шести критериям, со средней разницей в 47 баллов. Это говорит о том, что деловые культуры этих стран имеют мало общего, следовательно, коммуникация субъектов и их языковые личности так же будут отличаться. Стоит отметить, что данные измерения не являются ни положительными, ни отрицательными в характеристике поведения стран, так как нацелены на объективность.

На основе исследования Фолькера Хануха и положений модели Герта Хофстеде относительно России и США мы выдвигаем тезис, который предстоит проверить в следующей работе по сравнению языковой личности российских и американских менеджеров. Тезис:

Языковая личность российских менеджеров будет характеризоваться:

- а) опорой на указания "свыше", постулаты и правила, отсутствие определённой автономности, как следствие, использование вводных конструкций по типу "по моему мнению" (вследствие высокого индекса избегания неопределённости)
- б) осторожность в отношении высказываний по поводу начальства и неоднозначных тем (вследствие высокого показателя коллективизма)
- в) выстраивание коммуникации в вертикальных отношениях "начальник-подчинённый" даже при небольшой разницы в позиции при помощи подчинительной лексики (вследствие высокой дистанцированности власти)
- г) скромностью и преуменьшением своих заслуг, выраженных в умалчивании своих больших достижений (вследствие низкого показателя мужественности)

Языковая личность американских менеджеров будет характеризоваться:

- а) самостоятельностью в речах, опорой на своё мнение, напором (вследствие низкого индекса избегания неопределённости)
- б) использование острополитичного или критикующего юмора (вследствие высокого показателя индивидуализма)
- в) выстраивание коммуникации в горизонтальной парадигме, выраженное в отсутствии использования подчинительной лексики (вследствие низкого показателя дистанцированности власти)
- г) бравадированием своими заслугами, выраженным в открытом упоминании о своих достижениях в разговоре (вследствие высокого показателя мужественности)

Данные положения нам предстоит изучить при помощи инструментов анализа в последующих работах.

1. Wetherell, M. (2007). A step too far: Discursive psychology, linguistic ethnography and questions of identity. *Journal of Sociolinguistics*, 11, 661-681.
2. Hofstede, G. & Hofstede, G.J. (2005) *Cultures and Organizations. Software of the Mind* (2nd edn). New York: McGraw-Hill
3. STRAUBHAAR, J. D. (2003). Globalization, Media Imperialism, and Dependency as Communication Frameworks. In K. Anokwa, C. A. Lin & M. B. Salwen (Eds.), *International Communication: Concepts and Cases* (pp. 225-238). Belmont: Wadsworth/ Thomson Learning.
4. LIE, R. (2003). *Spaces of Intercultural Communication: An Interdisciplinary Introduction to Communication, Culture, and Globalizing/Localizing Identities*. Cresskill: Hampton Press
5. THUSSU, D. K. (2000). *International Communication: Continuity and Change*. London: Arnold.
6. Hofstede, Geert (1991). *Cultures and organizations : software of the mind*. London: McGraw-Hill. ISBN 9780077074746.

Семенова Д.Е., Степанова З.Б.**Языковая репрезентация категории модальности в японском новостном дискурсе***Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
(Россия, Якутск)**doi: 10.18411/trnio-12-2022-745***Аннотация**

На сегодняшний день в лингвистической науке все более повышается интерес к тому, как функционируют языковые единицы в новостном дискурсе. В статье приведены лексические и грамматические средства выражения категории модальности в японском новостном дискурсе. Цель исследования – выявление языковых репрезентаций категории модальности в современном японском новостном дискурсе на примере статей новостного сайта Nippon.com.

Ключевые слова: японский язык, дискурс, новостной дискурс, модальность, деонтологическая модальность, аксиологическая модальность, модальность ирреальности.

Abstract

Today, in linguistics, there is an increasing interest in how language units function in news discourse. The article presents lexical and grammatical means of expressing the category of modality in Japanese news discourse. The purpose of the study is to identify linguistic representations of the category of modality in modern Japanese news discourse using the articles of the news site Nippon.com as an example.

Keywords: Japanese language, discourse, news discourse, modality, deontological modality, axiological modality, modality of irreality.

Модальность – это грамматико-семантическая категория, которая выражает отношение говорящего к тому, что он говорит, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. О.С. Ахмановой, которая рассматривает модальность как «понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, выражающуюся различными лексическими и грамматическими средствами, такими как форма и наклонение, модальные глаголы и т.д.» [1, 45]. Nippon.com – это мультиязычный новостной веб-сайт. В качестве материала исследования были собраны различные новостные статьи с использованием модальности и был проведен анализ лексических и грамматических средств выражения модальности в японском новостном дискурсе.

1. Деонтологическая модальность

季節外れの暑さで「うっかり日焼け」「食中毒」に**ご用心** 専門家が教える対策やポイント。 – «**Остерегайтесь** «непреднамеренного солнечного ожога» и «пищевого отравления» из-за несвоевременной жары».

В данном случае автор статьи использует существительное 「ご用心」 (goyōshin), то есть предупреждает читателей о возможной опасности, в данном случае это солнечный ожог и пищевое отравление. В данном случае автор выражает свои опасения касательно возможных событий, что представляет собой субъективное отношение автора относительно указанных им исходов. Оно также выражает степень необходимости данного действия в будущем, что относится к виду деонтологической модальности.

2. Деонтологическое высказывание – это такое выражение, которое может определить, как следует вести себя в различных ситуациях.

発達した低気圧の影響で、北日本の太平洋側を中心に荒れた天気となり、北海道では、明け方にかけて暴風や猛吹雪に警戒が**必要となる**。 – «Из-за последствий развившегося низкого давления погода будет ненастной в основном на тихоокеанской стороне северной Японии, а на Хоккайдо к рассвету потребуются соблюдать осторожность в отношении штормов и метелей».

В отобранных нами новостных статьях используется деонтическое высказывание 「**必要となる**」 (hitsuyō to naru), означающее необходимость, обязательность выполнения действия.

3. Аксиологическая модальность - комментарии от повода ситуаций, событий или же объекта/субъекта. Необходимо также выделить имплицитные и эксплицитные экспликативы.

グラスに注がれた**美しい琥珀色のビール**。 – «**Красивое** янтарное пиво налито в стакан».

В данном примере мы можем наблюдать использование имплицитных средств, в частности дескриптивно-оценочных предикатов. Дескриптивно-оценочные предикаты имеют возможность обеспечить требующимся контрастом. Через дескриптивно-оценочные предикаты мы также можем наблюдать оценку автора на объективные события, описываемые в статье.

4. Модальность ирреальности – вопросительные конструкции

では、今とるべき、お肌の対策とは? – «Итак, какие меры по уходу за кожей вы должны предпринять сейчас?»

Автор, задавая риторический вопрос, не только привлекает внимание читателей к описываемой им в тексте теме, но также предлагает свои идеи решения, либо пытается поразмышлять над актуальной проблемой.

5. **見通し** (mitōshi) - авторы статей выражают в качестве прогноза, основываясь на имеющихся известных им фактам, что более вероятно должно произойти в будущем.

優遇撤回によってロシア産品への関税を引き上げる**見通し**で、貿易取引に打撃を与える狙いがある。 – «**Ожидается**, что отмена преференциального режима приведет к повышению тарифов на российскую продукцию с целью нанесения ущерба торговым сделкам.»

В примере выше выражается субъективное отношение автора к предполагаемым событиям.

6. **判断** - handan - глаголы «суждения, заключения, оценки текущих дел»

最恵国待遇の撤回により、これまで平均3%程度に抑えていた税率を北朝鮮やキューバと同様に平均30%超へ引き上げると**みられる**。 – «**Ожидается**, что с отменой режима наибольшего благоприятствования налоговая ставка, которая сохранялась в среднем на уровне около 3%, вырастет в среднем до более чем 30%, как в Северной Корее и на Кубе.»

В новостных статьях наиболее распространено использование такой формы вероятностного глагола как 「と見られる」 (to mirareru). Оно выражает, в отличие от других глаголов, ожидание и какие-либо опасения.

7. Грамматическая конструкция возможности действия

日産自動車は8日、電気自動車 (EV) の走行距離を大幅に伸ばせる次世代型の「全固体電池」に関する技術説明会を、オンラインで開催した。 – «8-го числа компания Nissan Motor Co., Ltd. провела технический онлайн-брифинг, посвященный «полностью твердотельному аккумулятору» следующего поколения, который может значительно увеличить пробег электромобилей (EV).»

Данная форма глагола образуется путем замены слогす (su) на слог せ (se), а также добавлением суффикса る (ru). Такая форма глагола указывает на возможность действия – «мог бы...». Таким образом, она отражает гипотетическую возможность, которая по мнению самого автора новостной статьи представляется возможной для субъекта/объекта, описываемого в тексте.

8. 「期待できる」 (kitai dekiru) - «можно ожидать, ожидается»

「次世代ワクチン」はウイルスの変異に強く、免疫が長期間持続することが期待できるとしている。 – «Вакцина следующего поколения» устойчива к вирусным мутациям и, как ожидается, будет поддерживать иммунитет в течение длительного периода времени.»

Как было указано в выше указанных примерах с глаголами в вероятностной форме, данное средство выражения модальности определяет субъективное суждение говорящего, его предположения касаясь содержания.

9. 予想する (yosō suru)

2030年には世界で18兆円規模になるとも**予想されている**プラントベースフード市場。 – «**Ожидается**, что к 2030 году мировой рынок продуктов питания растительного происхождения достигнет 18 трлн иен.»

В примере 17 используется глагол 予想する (yosō suru) в страдательном наклонении. Глагол 予想する (yosō suru) переводится как «ожидать» и выполняет функцию обозначения предположения автора статьи.

10. 「想定している」 (sōtei shite iru)

日午前8時から午後4時までで、最大41万キロワットの出力制御を**想定している**。 – «**Предполагается**, что с 8:00 до 16:00 9-го числа максимальное регулирование мощности составит 410 000 кВт.»

銀座という立地から、宿泊客の3分の1は訪日観光客を**想定している**という。 –

«Предполагается, что из-за его расположения в Гиндзе треть гостей будут туристами, посещающими Японию.»

「想定している」 (sōtei shite iru), что переводится как «предполагается». Оно, как и в предыдущих примерах, несет субъективную оценку возможных событий, что также относится к модальности «ирреальности».

Были рассмотрены новостные статьи сайта Nippon.com и анализ грамматических и лексических средств выражений модальности в японском новостном дискурсе. Значительные смысловые трансформации не обнаружены. Установлено, что лексические средства выражения модальности в японском новостном дискурсе включают в себя деонтологическую модальность, к которой относится степень необходимости совершения действия в будущем, в частности предупреждения об опасности; аксиологическую модальность, которая выражается путем использования имплицитных и эксплицитных средств; а также вопросительные конструкции модальности ирреальности, часто отражающие отношение

автора к написанному им в статье, его собственные предложения по решению той или иной проблемы, либо размышления по поводу актуальных событий.

Грамматические средства выражения модальности в свою очередь включают в себя различные формы глаголы, вероятностная форма глагола, а также прогнозы и опасения на потенциальную проблему. Отдельно следует отметить грамматическую конструкцию с существительным 「見通し」 (mitōshi), которое преобладает в статьях с прогнозами автора. Через грамматические средства авторы новостных статей выражают субъективную модальность, из чего мы можем сделать вывод, что, несмотря на то, что новости СМИ должны быть исключительно объективны, в новостном дискурсе всё же преобладает передача именно субъективной модальности.

Проделанная работа, позволяет сделать вывод, что несмотря на то, что новостному дискурсу присуще официальная речь, в нем также можно найти модальность. Можно предположить, что причиной тому служит, что новостные статьи пишут люди, которые так или иначе будут выражать свою субъективную оценку в тексте.

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Ваулина, Девина, 2010 – Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник российского гос. унта им. И. Канта. 2010. Вып. 8. -21с.

Ситдигов Б.А., Рябцова Н.И.

Способы образования молодежного аргю во французском языке

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-746

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей образования современного молодежного аргю французского языка. Основной целью данной статьи является изучение единиц молодежного аргю и их исследование для определения способов образования арготической лексики. Перед проведением анализа элементов современного молодежного аргю, был подробно рассмотрен центральный термин данной статьи, с целью наилучшего понимания предмета изучения. Исследованию были подвержены этимология термина аргю и история происхождения языка аргю, а также были определены основные функции данного языка, его развитие и образование. Арготический пласт наряду с языком, частью которого он является, меняется по тем или иным причинам. Актуальность статьи определяется малоизученностью изменений, которые происходят в языке молодого поколения французов.

Ключевые слова: аргю, французский язык, словообразование, арготическая лексика, термин, верлан, усечение, заимствование.

Abstract

The presented article is devoted to the peculiarities of the formation of the modern youth argot of the French language. The main purpose of this article is to study the units of youth argot and their research to determine the ways of formation of argot vocabulary. Before analyzing the elements of modern youth argot, the central term of this article was considered in detail, in order to understand the subject of study better. The etymology of the term argo and the history of the origin of the argo language were studied, and the main functions of this language, its development, and its formation were determined. The argotic layer, along with the language of which it is a part, changes for one reason or another. The relevance of the article is determined by the little-studied changes that occur in the language of the younger generation of French.

Keywords: argot, French, word formation, argotic vocabulary, term, verlan, truncation, borrowing.

Затрагивая тему изучения современного французского языка, не представляется возможным обойти стороной такой лингвистический феномен, как «арго», вероятно являющийся одним из самых главных показателей разговорного языка и уникальной национальной специфики. Популярность изучения молодежного арго, как считает Е.М. Вайчайтес, вызвана увеличением количества международных контактов (стажировки, туристические поездки). Поскольку основными объектами данных связей является молодёжь, то она сталкивается с проблемами коммуникации с молодыми людьми из французской языковой культуры [1].

Прежде всего следует дать определение термину «арго». Прибегнем к нескольким источникам, прежде всего к словарям.

«Le Petit Larousse illustré» дает следующее определение: арго – это набор особых слов, которые употребляет социальная группа, существующая изолированно, замкнутая в себе и желающая выделиться и/или защитить себя от остальной части общества (определенные профессии, высшие учебные заведения, тюрьмы, преступный мир и т. д.) [2].

Лингвистический энциклопедический словарь содержит следующее определение термина: «Особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков» [3]. Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: во-первых, арго представляет собой язык определенной изолированной социальной группы; во-вторых, арго создается для того, чтобы выделиться или абстрагироваться от остального общества.

«В современном французском языке всё большую роль начинают выполнять варианты лексических единиц с различной степенью расхождения с нормами литературного языка» [4]. Чаще всего молодёжь создает новый язык для того, чтобы выразить свой протест старым устоям, показать своё «нутро», свою оригинальность, выделиться из основной массы, что, кстати, характерно для молодежи любого времени [1]. «Французский язык очень эмоционален, и если в разговорной речи старшего поколения экспрессивная функция является не господствующей, а лишь сопутствующей, то в молодежной речи она доминирует. Поэтому словотворчество молодежи постоянно развивается, пронизываясь эмоциональной окрашенностью, отражает негативные и позитивные процессы, происходящие вокруг» [5].

Молодежь, общаясь на языке арго, выражает свой «нигилистский взгляд» на окружающий мир, пытается показать свою независимость и быть более популярными среди своего молодого окружения. Используя свой уникальный «модный язык», молодые люди стремятся отличаться от взрослых носителей языка или завуалировать смысл произносимого [6]. Ж.-Л. Клавье называет язык молодёжи *langage cryptique* «тайный язык» [1].

Таким образом, среди причин популяризации арго среди молодых людей, можно выделить желание независимости, абстрагирования от других социальных групп. «Любой пласт лексики имеет свои семантические особенности» [7], лексика исследуемого языкового пласта особенная, и она понятна прежде всего молодежи, например, *une zouz/gow – une fille, une clope – une cigarette, un boulot – un emploi/travail, un pote – un copain, chiner – draguer*.

Кодирование во французском молодежном арго происходит за счет трех столпов, а именно *verlan* «верлан», *veul* «вэль», *yaourt* «яурт».

Одним из самых популярных способов образования арготических единиц является *verlan* «верлан». Данный термин, произошедший от французского слова *l'envers* > *verlan* «наоборот», обусловлен двумя факторами: «общим секретом» и «общей игрой» [8]. Причем сам принцип довольно стар, первое упоминание датируется 1585 годом, «эта игра с формой слов <...> начала распространяться в 20 веке, сначала в преступном мире, затем в 60-х годах среди определенной части молодежи» [9]. Большую популяризацию *verlan* получает уже в конце XX века за счет рекламы, ток-шоу, прессы, где старались употребить «модные словечки» (*mots chebrans*). «Верланизация» смогла проникнуть даже в политику, представители которой начали включать единицы этого подразделения арго в тексты своих выступлений. В ответ на это, подростки начали изобретать новые ключи к коду (способы верланизации), дошло до того, что

появился *verlan de verlan* (верлан верлана) – *le lanvere*. Сам принцип образования верлана прост: первый слог становится последним. Действительно, если просмотреть *Dictionnaire VERLAN*, то можно обнаружить большое количество таких примеров: *français – céfran*, *une balance – lanceba*, *fumer – mufé*, *moi – ouam*, *fou – ouf*, *noir – renoi*, *un metro – trom (tromé)*, *un chien – iench*, *laisse tomber – laisse béton* [10]. Стоит уточнить, что верланизируют прежде всего слова из общего или специального арго, либо же просторечные лексемы [11].

Следующий способ пополнения арго это *veul* «вэль». По своей сути это развитие идеи верлана, новая трансформация или новая дефиниция неоверлана. П. Мерль дает два определения: 1) *veul* – это язык, являющийся неким слиянием базового «верлана» и разного ряда сокращений, например, *moche – cheum* (а не *cheumo* или *chemo*); 2) *veul* – верлан верлана (*verlan de verlan*), например, *disque – dekis* (а не *kisde*) [12].

Однако, лингвисты не смогли выявить общей модели образования слов *veul*. Если просмотреть примеры ниже, то это действительно невозможно: *comme ça > sakom > asmeuk*; *negre > greune*; *celui-la > lasse*; *look > kelou > keul*; *chaud > auch*; *style > leust*. Кроме того, можно проследить, что не все слова прошли путь верланизации, однако, общая идея верлана все же прослеживается.

Следующий способ, который мы разберем в статье будет *yaourt* «яурт». Этот код нельзя назвать каким-то основным, это скорее способ образования у начинающих в верланизации. Мотивация скорее не в попытке завуалировать начальное слово, сколько в творчестве, соответственно здесь присутствует много игровых трансформаций. Термин *yaourt* ввел П. Мерль, написав про это явление целую научную работу [13], например, *deusk* (от *disque*) «компактный диск»; *fonb* (от *hovffon*) «дурак»; *one* (от *con*) «дурак»; *lyer* (от *lepied*) «наслаждение», «кайф».

По мнению Е.М. Войчайтес, одним из самых популярных способов словообразования арго, являются усечения (*truncation*), что говорит нам не только об экономии средств языка, но и о желании быть непонятыми другими. Чаще всего встречаются апокопы (*aroscope*), т.е. «выпадение одного или нескольких звуков или слогов в конце слова» [14], например: *d'acc – d'accord*, *un bac – un baccalauréat*, *le ciné – le cinema (cinématographe)*, *le prof – le professeur*, *le Net – Internet*, *le resto – le restaurant* [15].

Помимо этого, этот же специалист в своей статье указывает, что все большую популярность получает афереза (*aphèrèse*), «выпадение одного или нескольких звуков или слогов в начале слова» [14]. Это связано с тем, что апокопы, образующиеся при помощи усечения конечных слогов, более понятны для большей части общества, а так как молодежь стремится быть непонятной для взрослых, то все чаще начинает использовать афезы. Приведем примеры: *le capitaine – le pitaine*, *le binet – le cabinet*, *le garde municipal – le cipal*, *le trabendo – le contrabendo*, *le blème – le problème* [15].

Широкое распространение получили также сокращения (*sigles*) словосочетаний. Существуют алфавитизмы и акронимы.

Алфавитизмы в речи не такие частые, поскольку существуют трудности в произношении (так как каждая буква читается как в алфавите), например: *FDP – le fils de pute*, *JPP – j'en reux plus*, *TG – ta gueule*, *VDM – Vie De Merde*, *TVB – tout va bien* [16].

Акронимы же, напротив, встречаются чаще, поскольку имеют в своем составе гласный звук и проще при произношении: *AF – Alliance Française*; *CIEF – Centre international d'études françaises*; *la BU – la Bibliothèque Universitaire*.

Интересным способом словообразования арго французского языка является телескопия, словослияние (*télescopage*). Заключается данный метод в «неожиданной, неузальной комбинации нескольких слов-основ» [17], в результате которой образуется слово, которое невозможно будет найти в словаре, например: *timal – petit et male*, *mara – maman et papa*, *jeufi – jeune et fille* [16].

«Несмотря на то, что телескопия в арго французской молодежи – явление редкое, и телескопические производные составляют 0,5% от общего числа арготизмов, подросткам очень нравятся образованные таким образом слова» [18].

Наиболее популярным способом пополнения вокабуляра аргю является заимствование. Е.М. Вайчайтес приводит цифру 21% заимствований из английского языка [1]. Примеры: le job – le travail; être looké - être habillé; le baby – le bébé; le boom (ежегодный студенческий праздник); top – à la mode.

Во французском аргю также интересную роль играют заимствования из арабского языка, например: kiffer – aimer; wesh - qui y a-t-il? et comment vas-tu?; meskine - la personne est un peu faible; le sawa – le café.

Амбивалентность слов тоже играет немаловажную роль в формировании новых единиц, происходит энантиосемия – словообразовательный прием, с помощью которого «у слова появляется лексическое значение, противоположное самой номинации» [19]. Примеры: c'est fatal – это гениально; être grave – быть глупым, отстать; mortel! – классно!; il a fait malheur – он имел потрясающий успех.

Таким образом, аргю, как один из элементов повседневного языка французов, придает свой шарм языку и обогащает его. Многие слова из аргю уже вошли в словари и этот список далее будет пополняться, поскольку само общество и его продукты деятельности, такие как СМИ, журналы, интернет, позволяют популяризовать арготические единицы. В заключение следует отметить, что изучение молодежного языка позволяет лучше представить ученикам и студентам национально-культурную специфику, понять менталитет и виденье мира молодежи Франции, помогает сгладить барьер между молодежью разных стран.

1. Вайчайтес Е.М. О сленге современной французской молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-slenge-sovremennoy-frantsuzskoy-molodezhi>
2. Dictionnaire Français en ligne – Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/slang/73035>
3. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/?Ysclid=lasmdtz7244758643#01>
4. Рябцова Н. И. Адъективация существительных как способ экспрессивного словообразования во французском языке // Коммуникативные единицы в свете современных научных парадигм. Том II. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 218-221.
5. Рябцова Н. И. Адъективированные существительные в языке французской молодежи / Н. И. Рябцова // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 05 мая 2022 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 100-103. – DOI 10.33184/YVDKU-2022-05-05.22.
6. Лексические особенности молодежного сленга во французском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/80/580/85915>
7. Варуха И.В., Шамсутдинова Ю.Х. Семантический анализ эмотивов страха во французском языке // Казанская наука, 2019. – №7. – С. 92-94.
8. Береговская, Э. М. Механизмы, формирующие французское аргю // Проблемы социального разноречия / Э.М. Береговская. - Смоленск, 1995. – С. 5
9. Calvet, L.- J. L'argot / L.- J. Calvet. – P.: PUF, 1999. – 60 p.
10. Dictionnaire VERLAN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionnaires.com/verlan/>
11. Mela V. Parler verlan: regies et usages // Langage et société / V. Mela. - 1988. - № 45. – P. 57.
12. Merle P. Argot, verlan et tchatches / P. Merle. - Toulouse: Les Essentiels Milan, 1997. – P. 55.
13. Merle P. Le prêt-à-parler / P. Merle. – P.: Plon, 1999. – 191 p.
14. Уразметова А. В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация / А. В. Уразметова. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Сциентиа», 2022. – 172 с. – ISBN 978-5-6048667-3-3. – DOI 10.32415/scientia_978-5-6048667-3-3.
15. Громова Т. Н., Гринёва Е. Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризм: справ. издание. – М.: ООО «Издательство «Нестор Академик», 2012. – 1168 с.
16. Dictionnaire ADO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionnaires.com/ado/>
17. Уразметова А. В. Контаминация как механизм создания топонимических единиц / А. В. Уразметова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 332-335.
18. Храмова А. В. Телескопия как один из способов образования арготизмов в языке французской молодежи / А. В. Храмова, С. М. Давлетшина. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – №6 (192). – С. 217-219. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/192/48253/>
19. Грачев М. А. Русское аргю. / М.А. Грачев. - Нижний Новгород: НГЛУ, 1997. – С. 7.

Шапкарина Е.И.

Имя Россия: некоторые аспекты лингво-исторического анализаФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-12-2022-747

Аннотация

В статье рассматриваются основные гипотезы происхождения этнопонима «Русь». Дается характеристика норманской и скифо-сарматской версий. Анализируется развитие этнопонима «Русь» на разных этапах становления российского государства.

Ключевые слова: этнопоним, норманская версия, скифо-сарматская версия, образование государства, символы, Русь, Россия, развитие языка.

Abstract

The article considers main hypothesis of the origin of an ethnotoponym «Rus». There is given a characteristic of the norman and scythian-sarmatian versions. The development of ethnotoponym «Rus» at the development of the Russian state is analyzed.

Keywords: an ethnotoponym, the norman version, the scythian-sarmatian version, the formation of the state, symbols, Rus, Russia, language development.

В основе названия государства Российская Федерация лежит этнопоним «Русь», уходящий своими корнями в глубокую древность. Различные версии его происхождения тесно связаны с дискуссией о начале древнерусской государственности, о происхождении этнонима «русские». Этими проблемами занимались многие ученые, в том числе, и зарубежные, включая историков и лингвистов. К настоящему времени историческая часть проблемы возникновения этнопонима «Русь» и этнонима «русские» разработана достаточно убедительно, однако лингвистическая сторона вопроса остается во многом спорной и вызывает различные, порой неоднозначные оценки и мнения.

Цель данной работы – систематизировать и охарактеризовать основные существующие гипотезы происхождения этнопонима «Русь» и этнонима «русские».

«Мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь Русью, дал Отечеству нашему и первых государей, и самое имя?», - писал Н.М.Карамзин [7, с.53].

Древние авторы упоминают о народе «русь», используя различные фонетические особенности произношения: руссы, россы, русены, борусы, руги (княгиню Ольгу на Западе в X веке нередко называли «королевой ругов»). Древнегреческий ученый Клавдий Птоломей (II век н.э.) в своем труде «Руководство по географии» писал о лесной руси (бор-русь), которых он называет по-латински «борусции» [5]. Упоминание о «русии» (hros) встречается в сирийском источнике VI века «Церковная история», в жизнеописаниях византийских святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского (VIII – IX века). В Бертинских анналах, официальной хроники Франкского государства, сообщается о прибытии в 839 г. посольства от византийского императора, в составе которого были послы, именовавшие свой народ «рос». В сочинениях восточных авторов, писавших на арабском языке, Русь впервые упоминается в 40-х годах IX века, как название народа, в форме «ар-рус» (руссы). В качестве названия страны слово «Россия» (с корневым гласным «о» как начальный греческий прототип с одним «с») встречается в трактате императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», написанном в X веке.

Следует отметить, что большинство письменных источников сходятся в одном: славяне и русы до X века были различными этносами. Ученые также выяснили, что на карте древней Европы I-IX веков, то есть тогда, когда Древнерусского государства еще не существовало, имя Русь было очень распространено [11, с.39-40].

В этой связи представляется интересной и продуктивной точка зрения, согласно которой, русы – это славянизированные, но изначально неславянские племена, причем

разного происхождения [9]. Само слово «рус» существовало у разных индоевропейских народов, обозначая, как правило, господствующее племя, род.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что однозначного ответа на вопрос о происхождении этнопонима «Русь» и этнонима «русские» нет. Слово «русский» – одно из самых загадочных слов в русском языке. В загадочности происхождения этого слова обнаруживается вся сложность доисторических судеб восточнославянского языка [3]. Существует несколько гипотез, которые будут нами рассмотрены.

Одна из них заключается в том, что этнопоним «Русь» не является славянским. В этой связи следует отметить, что значительное число названий стран и народов, под которыми они известны, не являются автохтонными: «Франция» берет начало от названия группы германских племен франков, «Англия» – от германского племени англов, «Бельгия» – от кельтского племени белгов, «Болгария» – от тюркоязычного народа болгар. По мнению исследователей, этноним «русь» имеет варяжское происхождение [1,8,12,13,15]. В «Повести временных лет» русы – это варяжское племя, призванное на княжение в Новгород и передавшее затем имя «Русь» Киевской Земле при Олеге Вещем [16]. Следовательно, этнопоним «Русь» имеет не славянское, а варяжское происхождение.

Подтверждением этому является анализ самоназваний восточнославянских племен, которые образовывались с помощью суффиксов **-ан/-ян, -ен** («поляне», «полочане», «словене») или **-ич** («кривичи», «вятичи») [12, с.6]. В тоже время схожие по внешней форме названия «чудь», «весь», «жмудь» являются названиями или финно-угорских, или балтских племен.

Слово «Русь» – это славянская передача имени, данного финнами соседям – шведам, которых они называли «руотси» (ruotsi). «В славянском произношении звук «ио» сливается в «у». Следовательно, «Руотси - Руосси, Ротсь, Рось» по-славянски произносилось «Русси – Русь». Византийское ухо акцентировало в этом имени гласную «о» и произносило Рос» [8, с.58].

Исследователи полагают, что в основе финского **Ruotsi** лежит древнеисландское **Rothsmenn** – «гребцы, мореходы». Скандинавы продвигались по рекам на восток, в земли финно-угорских племен, используя небольшие весельные суда. На финской почве слово приобрело произношение «руотси», а в славянском, древнерусском языке превратилось в «русь» [12, с.6]

Согласно данной гипотезе, «русь» – это, по сути, самоназвание скандинавов, пришедшее в русский язык через финское посредничество. Первоначально оно использовалось не как название страны, а как название общности, то есть было этнонимом. Позднее слово «русь» распространилось на всю территорию складывавшегося древнерусского государства, превратившись в название страны. Жители Руси называли себя «**русью**», а в единственном числе использовали слово «**русин**»

В основе скифо-сарматской теории русского этногенеза, у истоков которой стоял Ломоносов [5], лежит тезис, согласно которому русские являются прямыми потомками воинственных сарматских племен. Их самоназвания (роксоланы или росоманы) со временем эволюционировали в слово «Русь». Г.В. Вернадский, оспаривая скандинавскую этимологию слова «рус», настаивал на том, что оно происходит от слова «рухс» - названия одного из сарматско-аланских племен, известного как «**роксоланы**», или «**рохс**», что значит «светлый», «белый». Это связано с представлениями древних народов о цветовой ориентации сторон свет, согласно которой западу соответствует белый цвет [2]. По мнению Д.И. Иловайского, «русь» являлась славянским племенем, на что указывают ее поклонение Перуну и другим славянским божествам, а также ее славянский язык, памятником которого служат договоры с греками. «Русь» упоминается у греческих и латинских писателей «под именем сарматского народа **роксолан** или **россо-алан**» [6, с.119-120].

Наиболее убедительной из представленных версий, по нашему мнению, является норманская. На севере будущей Руси, куда проникали варяги, славянские племена соседствовали с финскими, в результате чего контакты между ними были весьма активными.

Ладожская Русь представляла собой огромную федерацию, объединившую славян, варягов, финские племена. Включив в себя мощный славянский этнос, русское государство утратило норманское ядро. Слово «русь» стало использоваться для обозначения земли и народа, подчиненного власти князя. В IX-X веках название «Русь» закрепляется за территорией Древнерусского государства, включая земли племени полян с городами Киев, Чернигов и Переяславль, который позднее в русских летописях называется «Переяславль-Русский». В XI-начале XII века Русью стали называть земли и княжества, подчиненные киевскому князю. В XII-XIV веках Русь – это общее название территорий русских княжеств, возникших в удельный период. Вместе с тем, появляются названия, обозначающие различные территориальные части общей Русской земли: Белая Русь, Червонная Русь, Малая Русь. В XIV – XVII веках название Русь – это название земель, входящих в Русское государство, центром которого с XIV века стала Москва.

В конце XV века появляется название **Россия** (начальный греческий прототип с одной буквой «с») в титуловании великих князей. С середины XVII века название «Россия» стали печатать с двумя буквами «с» – «Россия» (возможно, это было результатом влияния латинского языка, где фигурировало название Russia). Официально форма «Россия» закрепилась в XVIII веке при Петре I, после принятия им в 1721 году титула «императора Всероссийского». После 1917 года название «Россия» применялось на всей территории РСФСР; за рубежом Россией, Советской Россией называли и весь Советский Союз.

25 декабря 1991 года было утверждено официальное название государства – **Российская Федерация (РФ)**. В Конституции РФ (статья 1), принятой в 1993 году записано, что наименования Российская Федерация и Россия равнозначны.

Каждое слово имеет свою историю, является историко-культурным свидетельством. И каждое слово уходит своими корнями в глубь веков. Русская земля, русский народ, русский язык всегда сохраняли неразрывное единство, что стало одной из основ русского национального характера.

Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной. [4, с.230].

1. Азимов А. Слова на карте. Географические названия и их смысл. /пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 367 с.
2. Вернадский Г.В. Древняя Русь. – Тверь: ЛЕАН, 1996. – 448 с.
3. Виноградов В.В. История слов. – М.: РАН, Институт русского языка им. В.В.Виноградова, 1999. – 1138 с.
4. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – М.: Захаров, 2003. – 959 с.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: Т.1. Античные источники / Сост. А.В.Подосинов. – М.: Русский фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – С.181-195.
6. Иловайский Д.И. Очерки отечественной истории. – М.: Издательство «Мысль», 1995. – 510 с.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Эксмо, 2010. – 1024 с.
8. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Собрание сочинений: В 2 т. Т.1. – М.: ТЕРРА, 1992. – 686 с.
9. Кузьмин А.Г. Начало Руси: Тайны рождения Русского народа. – М.: Вече, 2003. – 630 с.
10. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. – М.: Амрита-Русь, 2019. – 132 с.
11. Перевезенцев С.В. Смысл русской истории. М.: «Вече», 2004. – 489 с.
12. Пчелов Е.В. Рюрик и начало Руси: современные подходы и версии / Преподавание истории в школе. 2020, №10. – С.5-12.
13. Рамбо А. История древней и новой России / перев. с франц. – Смоленск: Русич, 2001. – 640 с.
14. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М.: Наука, 2003. – 495 с.
15. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.
16. Хрестоматия по истории России. В 4-х томах. Т.1. – М.: МИРОС – Международные отношения, 1994. – 352 с.

Шарина А.Е., Лебедева В.В.
Фразеологизм как способ представления культуры в языке
(на примере корейского языка)

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/trnio-12-2022-748

Аннотация

В данной статье рассматривается фразеологическая система как способ представления культуры и менталитета народа в языке. При знакомстве с фразеологическим фондом языка разворачивается примечательная картина разнообразных сторон национальной культуры и быта, присущие тому или иному народу, интересные системы образов, черты национального характера. Фразеология выступает как фрагмент языковой картины мира и хранитель культурной информации.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, метафора, пословица, крылатые слова, паремия, корейский язык, языковая картина мира.

Abstract

This article discusses the phraseological system as a way of representing the culture and mentality of the people in the language. When getting acquainted with the phraseological fund of the language, a remarkable picture of the various aspects of national culture and life, inherent in this or that people, interesting systems of images, features of the national character unfolds. Phraseology acts as a fragment of the language picture of the world and the custodian of cultural information.

Keywords: phraseologism, phraseological unit, metaphor, proverb, winged words, proverb, Korean language, linguistic picture of the world.

Язык — это знаковая система. Учение о знаковой природе языка разработано Ф. де Соссюром, который под знаком понимает соединение понятия и акустического образа. Все предметы и явления, которые окружают человека и с которыми он сталкивается в течение своей жизни связаны с ним, отображаются в языке. Слово – это единица языка, служащая для обозначения признаков и предметов. Именно слово представляет и несет в себе информацию об окружающем мире, человеке и его месте, и роли в этом мире. Совокупность всех слов составляет лексику языка. исследование лексики как системы обуславливается ее многомерностью, которая вытекает из своеобразной особенности слова — основной единицы языка. Лексика воспроизводит представления человека о различных проявлениях внеязыковой действительности. Слова имеют прямое и переносное значения. Прямое значение слова служит для обозначения конкретного предмета, признака, или действия. Переносное значение слова обозначает новый предмет, признак. Метафорические «переносы значений слов основаны на уподоблении самих реалий, на представлениях о спецификах данных реалий, но они выражаются в семантической структуре слова» [5, с. 19]. Фразеологизмы исследуются в лексикологии, а не в синтаксисе потому, что фразеологизмы ближе к слову, чем к словосочетанию. В большинстве выражений фразеологизм равен слову по своему значению, представляется целым членом предложения. В свободном словосочетании всякое слово сохраняет свое значение, существует возможность заменить или переставить слова. В отличие от свободного словосочетания фразеологизм воспроизводится в речи уже как готовая единица. Важно обозначить то, что значение большинства фразеологизмов не одинаково значениям образующих его компонентов. Фразеология русского языка исследовалась В.В. Виноградовым, В. Телией и другими. В отечественной лингвистике фразеология как лингвистическая дисциплина начала возникать в 40-х годах прошедшего века. Предпосылки теории фразеологии были заложены ещё в трудах А. Потебни, И. Срезневского, А. Шахматова, и Ф. В начале XXI века продолжается

изучение особенностей фразеологизмов. Определений термина фразеологии существует множество. По нашему мнению, особенно подходящим является определение Поливанова. Фразеология (от греч. выражение и понятие, учение) – лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания – фразеологизмы; множество самих фразеологизмов того или иного языка также называется фразеологией. Таким образом, фразеология – это раздел лексикологии, изучающий устойчивые сочетания слов. По структуре фразеологизм равен свободному словосочетанию или предложению, а в семантическом значении равен слову. Предметом фразеологии являются изучение категориальных признаков фразеологизмов, на основании которых выделяются ключевые признаки фразеологизмов и определяется вопрос о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также обнаруживаются закономерности функционирования фразеологизмов в языке и процессов их образования. Примечательно, что во фразеологизмах отображается быт и опыт народа. Фразеологическая картина мира определяется как «часть языковой картины мира, изображенная средствами фразеологии, в которой каждая фразеологическая единица представляется элементом системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности» [1]. Таким образом, фразеологическая картина мира определяется как универсальный способ классификации фразеологизмов на основании лингвистических и экстралингвистических особенностей единиц. Особенности языковой картины мира каждого народа объясняются спецификой культуры народа, но также и особенностями языка. особенно отчетливо национальная специфика языковой картины мира и языкового поведения отображается именно во фразеологизмах любого языка. Образы во многих фразеологизмах связаны с бытом народа, обычаями и способом мышления народа. Особенно в фразеологизмах отражаются национально обусловленные стереотипы восприятия окружающей действительности. Мы придерживаемся точки зрения, которая определяет фразеологическую единицу (ФЕ) следующим образом. Фразеологизм, или фразеологическая единица, – это устойчивое по составу и структуре, лексически нераздельное и целое по значению словосочетание, которое осуществляет функцию отдельной лексемы. Фразеологические единицы, воспроизводятся, а не создаются в речи, как и слова. Но существуют и различия между словом и фразеологизмом: фразеологическая единица отличается от слова только тем, что состоит из нескольких элементов, но при этом значение фразеологизма не определяется из суммы значений слов, из которых оно состоит. В соответствии со мнением многих исследователей (Л.А. Булаховский, А.И. Ефимов, А.А. Реформатский и др.) к ФЕ относятся и пословицы и поговорки. Изучение проявления культуры в языке представляет наибольший интерес. Раскрытие семантики фразеологизмов позволяет отметить отдельные смысловые признаки, заключающие воплощение фактов культуры в языке, которое служит хранителем памяти народа. Фразеологизмы являются «носителями культурно значимой информации и тем самым осуществляют особую роль в процессе концептуализации мира» [7, с. 129]. К характерным особенностям фразеологизмов относятся: 1) сложный состав, сверхсловность; 2) характерна семантическая ценность, смысловое единство, которое приводит к полной или частичной потере компонентами собственного лексического значения; 3) «устойчивость компонентного состава – это признак отличия от свободных словосочетаний; 4) воспроизводимость, фразеологизмы воспроизводятся уже в готовом виде; 5) непроницаемость структуры, в ФЕ невозможно произвольно добавить компоненты, которые не входят в его состав; 6) закреплённый порядок слов 7) образность, экспрессивность и оценочность – функциональные признаки, потому что многие фразеологизмы представляют действительность образно». [6, с. 18]. Иными словами, именно фразеологические единицы языка особенно ярко воспроизводят дух народа, его менталитет, а также опыт народа, посредством экспрессивности и эмоциональности. Объекты действительности разными народами в разных языках осмысливаются и преподносятся по-разному; тот «фрагмент фразеологической картины мира, который характерен для одного народа, может отсутствовать во фразеологической картине мира другого народа или рассматриваться

другими средствами языкового выражения» [5]. Таким образом, фразеологическая картина мира специфична для каждого языка и народа. Корея с древних времен оказалась в сфере китайской «иероглифической культуры» и это безусловно отразилось на развитии культуры корейского народа. Большинство китайских изречений применялось в Корее в переводе на корейский язык. Китайские изречения настолько ассимилировались в корейском языке, что их трудно отличить от исконно корейских. Все китайские изречения имеют книжное происхождение, поскольку источником происхождения являлась письменная литература, которой владели верхние слои общества того времени. Со временем китайские изречения проникли в быт народа. В современном корейском языке фразеологизмы занимают особенное место. Фразеологические единицы корейского языка активно употребляются в устной и письменной речи носителями языка. В современной корейской фразеологии сложились два направления: 1) «широкое» понимание фразеологии и «узкое» понимание. Представители «широкого» понимания Ким Джонтэк, Джан Доксун, И Гимун к составу фразеологии причисляют не только фразеологические единицы, но и пословицы (속담), фразеологизмы китайского происхождения косасоно (고사성어), загадки (수수께끼), метафору (은유표현), слова – табу (금기어), жаргон (은어), устойчивые сравнения (비유어), вульгаризмы (속어). Подобный подход языковеды поясняют тем, что все единицы языка имеют ряд общих признаков, благодаря которым и можно их объединить в одну систему: «семантическая целостность; воспроизводимость в языке; образность (метафоричность); национальная и семантическая не повторность» [2, с.26]. Сторонники «узкого» понимания считают, что к фразеологии причисляются только фразеологизмы, без крылатых слова, пословиц, афоризмов и т. Другими словами, в фразеологию корейского языка включают все устойчивые словосочетания, которые служат для выражения номинации. Лингвисты разъясняют это тем, что ФЕ своим лексическим значением равнозначны отдельным словам или словосочетаниям, например, 개밥에 도토리 – белая ворона, 얼굴이 두껍다 – наглый, нахальный, 굼벵이 – как черепаха, очень медленный. Фразеологизмам характерны образные, экспрессивные и коннотативные оттенки. Данные характеристики фразеологизмов ярко выражаются в корейском языке, так как образность – отличительная особенность самого мировидения, мироощущения корейского народа. На протяжении длительного периода исследования фразеологических единиц, среди корейских лингвистов не было единого мнения относительно терминов. Следует отметить, что в корейской паремиологии нет четкого разделения между разными типами изречений. Выражение «пословицы и поговорки», как правило, применяется без деления пословиц и поговорок и используется как общее название отдельного фольклорного жанра. Проблему принципов дифференциации фразеологизмов и пословиц корейские лингвисты разъясняют по-разному, например, по воззрению лингвиста И Санок (이상억) между ФЕ и пословицами есть сходства и различия, которые содержатся в том, что «фраземы и паремии – это выражения с универсальным значением, которые широко используются в одном языковом обществе, но способ употребления их разный» [8, с.3]. То есть ФЕ и пословицы осуществляют коммуникативную функцию (как средство общения), номинативную и познавательную. Также, фразеологизмы И Санок именует «устойчивыми выражениями, которым характерны следующие признаки: ассоциативное значение; коннотативное значение; метафорическое значение. Пословицы, по его мнению, несут в себе поучительный, саркастический или иронический смысл и характер» [10, с.3]. Вдобавок следует упомянуть работы Мун Кымхёна, в которых он исследовал пословицы с прагматической точки зрения. По его мнению, пословица – это «устойчивое образное выражение, которое имеет форму предложениях» [9, с.33-35]. Фразеологизмы же имеют форму словосочетания, которые свободно «вливаются» в предложение и имеет свое значение. В современной корейской фразеологии, опираясь на работу известного лингвиста

Ко Джонока, используются, в основном, три термина китайского происхождения «속담», «이언» и «격언». Ко Джонок выделяет «속담» как обозначение одной из разновидностей фольклора. Это общее понятие, включающее в себя «격언» и «이언». Слово «속담» соотносится с русским определением «пословиценое изречение», или «паремия». Термин «격언» подходит русскому понятию «пословица», а «이언» – понятию «поговорка» [4]. Важно отметить, что полного соответствия между вышеназванными корейскими терминами и их русскими наименованиями не существует. На это указывают наименования терминов: «속담» - «простонародные выражения» крылатые слова, широко распространенные в народе; «이언» - «слова, используемые в простонародной среде; «격언», - нравоучительные изречения, конфуцианские сентенции и высказывания выдающихся исторических личностей» [3, с.80]. Специальных терминов для понятий «афоризм» и «присловье». Ко Джонок не использует и не отделяет эти виды паремий, но несмотря на это, существование подобных типов изречений в корейском фольклоре невозможно отрицать.

1. Гарипова Г.Р. Концепт гостеприимство в английском и русском языках на материале фразеологизмов: автореф. дис. канд. филол.наук: 10.02.20 / Гарипова Г.Р. -Уфа, 2010. -226 с.
2. Жила В.Г. Принципы дифференциации фразеологизмов и пословиц в корейском языке. Корееведение Казахстана выпуск 2(2014) -С. 24-32 63 20. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. — СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. — 182 с. (С.6)
3. Ким Хи Ён. Фразеологизированные единицы с компонентами-соматизмами в системе языковой картины мира: автореф. дис канд. фил. наук: 10.02.20. Москва, 2016. 224 с.
4. Ко Джонок. Исследование корейских пословиц и поговорок. 조선 속담 연구
5. Мазитова Е.И. Концепт "Физическое состояние человека": национально-культурный и лексикографический аспекты: на материале современного немецкого языка : 10.02.04. дис. -Москва, 2016.
6. Пирманова Н. И. Культурные коннотации фразеологизмов библейского происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 129–132
7. Сабитова З.К. Лингвокультурология. Учебник. - 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2019. — 523 с.
8. Шарова А.А. Зооморфизмы как средство репрезентации гендерных концептов в английской лнгвокультуре. // Ярославский педагогический вестник №. 3 -2010. с. 144–148.
9. 문금현, 국어학회, 1999
10. 박진수, "국어 관용어 연구", 경북대 대학원 석사학위논문, 1996

Шин М.А., Кривошеева Е.И.

Языковые особенности японских женских дневниковых записей эпохи Хэйан

*Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-749

Аннотация

В статье рассматриваются лингвостилистические средства японской женской дневниковой прозы эпохи Хэйан. На материале наиболее известных произведений 9-12 веков выявляются и анализируются художественные особенности произведений указанного жанра. Представленный материал знакомит с уникальной культурологической и языковой картиной мира японцев и дает обобщённую характеристику языковых выразительных особенностей, характерных для литературно-эстетических направлений произведений средневековой Японии.

Ключевые слова: женские дневники, эпоха Хэйан, стилистические средства, художественные особенности, языковая картина мира.

Abstract

The article deals with the linguistic and stylistic means of Japanese women's diary prose of the 9th-12th centuries. Based on the analysis of the most famous works of the Heian era, the artistic features of the works of this genre are identified and analyzed. The presented material introduces the unique cultural and linguistic picture of the world of the Japanese and gives a generalized description of the linguistic expressive features characteristic of the literary and aesthetic trends in the works of medieval Japan.

Keywords: women's diaries, Heian era, stylistic means, artistic features, language picture of the world

Эпоха Хэйан, продлившаяся с 794 по 1185 год, считается «золотым веком» японской культуры. Период сопровождается созданием литературных памятников, немалую роль в создании которых сыграли женщины. Многие произведения являются культурным наследием современной Японии.

Актуальность данной работы заключается в том, что женские дневниковые записи эпохи Хэйан знакомят читателя с уникальной культурологической и языковой картиной мира японцев, понимание которой способствует глубокому и правильному восприятию реалий восточного мира в контексте межкультурного взаимодействия.

Цель работы - выявление художественных особенностей литературных произведений на материале женских дневниковых произведений эпохи Хэйан.

Средневековая японская проза создавалась и существовала преимущественно в женской среде. Ей присущи эмоциональность и чувственность, ибо женщины всегда видели то, что было скрыто за регламентированным и подчиняющемуся этикету образом жизни. Наблюдения за жизнью окружающих людей, оформленные на письме, демонстрируют неподдельный интерес к внутреннему миру человека, его личной жизни и переживаниям.

В дневниковых записях широко используются и поэтические формы - пятистишья танка, которые являлись своеобразным посредником между женщиной и внешним миром. Примером может служить произведение «Дневник эфемерной жизни» автора Митицуна-но хаха. Если говорить о художественно – стилистических приемах, то важное место занимала иносказательность. Японцы издревле верили в приметы и старались, по-возможности, табуировать определенную лексику или прятать истинный смысл слов, боясь разгневать духов и богов. Например:

«Госкуя по тебе,
Одежду перед сном надену наизнанку.
И вот на ней роса.
А небо дождик
Замочил слезами
Ответ мой был весьма старомодным:
Когда б её сушил
Огонь любви,
Она давно бы сделалась сухою.
Так отчего не высохли одежды,
Что оба мы надели наизнанку?!» [2].

В данном отрывке иносказательность представлена лирическим диалогом между писательницей и её мужем. По поверьям древних японцев, надетая перед сном наизнанку одежда, предзнаменовала сон о любимом человеке. Так, через этот образ читателю показаны чувства печали от долгой разлуки, тоска от невозможности увидеть любимого.

В своих произведениях женщины-авторы активно использовали приём омонимии, за счёт которого зашифровывали различные образы, доступные для понимания лишь тем, для кого они были адресованы. Например,

«Хоть слышу я, что это мальва,

С другой же стороны
 Я вижу апельсин.
 Прошло довольно много времени, покуда от неё не принесли заключительную
 часть к этому стихотворению:
 Как вы горюете
 Я вижу лишь теперь» [2].

Основанная на омонимии, эта танка несёт в себе более скрытый смысл, нежели простой разговор о мальве и апельсинах. На самом же деле, смысл его таков:

«Хоть слышу я о нашей встрече,
 С другой же стороны,
 Все ж лучше подождать

...

Я горечь жёлтого плода
 Теперь лишь только вижу» [2].

Так же, эта танка может служить примером распространённого приёма обмена стихотворениями, при котором автор отсылает лишь часть стиха для того, чтобы адресат продолжил тему первой части и закончил его.

Говоря о дневниковой прозе, нельзя не упомянуть знаковое для всей японской культуры произведение «Записки у изголовья» Сей Сэнагон. Произведение создано в стиле «дзуйхицу» (букв. «вслед за кистью»). Отличительной особенностью жанра является хаотичное расположение всех элементов произведения. Такое произведение не имеет последовательного сюжета и автор записывает все, что приходит на ум. Так, сама Сэй Сэнагон писала: «Так я получила в дар целую гору превосходной бумаги. Казалось, ей конца не будет, и я писала на ней, пока не извела последний листок, о том о сем - словом, обо всем на свете, иногда даже о совершенных пустяках...[5]». Однако, не смотря на всю хаотичность, система прослеживается в стилистической соотнесенности, ассоциативных связях и в хронологической последовательности.

Произведение «Записки у изголовья» являются представителем художественного направления «окаси», для которого характерна яркость в освещении предметов и живость в их представлении. Автор повествует о забавных и простых вещах своей жизни, пишет о случаях, которые вызывают у читателя смех, но, одновременно с этим, создаётся впечатление, будто бы читаешь письмо от старой знакомой.

Любопытно, что «красота» смеха у Сэй Сэнагон перемежается с «моно-но-аварэ» (букв. «красота исчезающего мига»):

«То, что пролетает мимо

Корабль на всех парусах. Годы человеческой жизни. Весна, лето, осень, зима [5]».

«Моно-но-аварэ» является центральным понятием литературы эпохи Хэйан. Это печаль, которая исходит из воспоминаний в самом сердце человека, это осознание быстротечности и мимолётности всего, что происходит вокруг. Выделяется 4 категории «аварэ»: красота изящества, красота душевного движения, красота печали и красота гармонии. И, по мнению видного ученого-лингвиста эпохи Токугава - Мотоори Норианага, «...яркие моменты жизни приходят и уходят, но красота чего - либо заключается в эфемерности и быстротечности» [4, с. 48].

Дух «моно-но-аварэ» ярче всего воплощен в произведениях Мурасаки Сикибу «Повести о Гэндзи» и «Дневнике Мурасаки Сикибу». "Когда сгущаются сумерки, и ветер наводит грусть, а пение цикад в саду, плач оленя, шум водопада так явственно слышны - как это чарует. Вид предрассветного неба, когда луна вот-вот скроется за гребнями гор, рождает чувство очарования вещей"[5]. В «Дневнике Мурасаки Сикибу» повествуется об отношениях самой Мурасаки с ее окружением, а также передаются её размышления о течении времени и человеческих отношениях:

«Утки в озере —

Могут ли смотреть на них
Безучастно?
Пересекаю бурлящие воды
Печального мира и я [3]» .

Неспешный и спокойный стиль повествования передаёт ощущение лёгкой задумчивости и словно окружает читателя лёгкой дымкой, сквозь которую даёт возможность понаблюдать за жизнью писательницы, окунуться в её размышления и прочувствовать то самое «моно-но-аварэ», воплощением которого она является. Также, по мнению В. Н. Горегляда, характерной особенностью описания статических объектов в «Дневнике Мурасаки Сикибу» является панорамирование [1]. При таком описании, положение рассказчика зафиксировано в одном месте и «сцена обзора» является ограниченной. При этом она не описывает то, что остаётся за этой сценой. «Там был обычный поднос из дерева алоэ и какая-то подставка. Однако её мне не было видно [цит. по 1]». Динамичные сцены в её описании представлялись такими, какими их видела героиня при передвижении или же неподвижности. При этом она переходит сначала от общей картины к её деталям, а от этих деталей к более крупным фрагментам.

Таким образом, художественные приёмы, которые были использованы в рассмотренных нами произведениях, не только отражают все многообразие и глубину чувств и мыслей их авторов, но и раскрывают эстетическую литературную направленность самих произведений, созданных в рамках жанра дневниковой литературы. Через призму женских дневниковых записей, отличающихся особыми стилистическими приёмами, читателю дается возможность определить уникальные черты японской нации и ее культурной составляющей в эпоху Хэйан.

1. Горегляд. В.Н Дневники и эссе в японской литературе X-XIIIв. 3-я типография издательства «Наука», главная редакция восточной литературы, Москва, 1975. С.256
2. Митицуна но хаха. Дневник эфемерной жизни (Кагэро никки). [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <https://coollib.com/b/3078-mititsuna-no-haha-dnevnik-efemernoj-zhizni-s-illyustratsiyami/read#r25> (дата обращения: 09.11.2022)
3. Мурасаки Сикибу. Дневник Мурасаки Сикибу. [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/drevnevostochnaya-literatura/131768-8-murasaki-sikibu-dnevnik.html#text> (дата обращения: 08.11.2022)
4. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи моногатари). [Электронный ресурс]: - Режим доступа: https://librebook.me/povest_o_gendzi/vol5/66 (дата обращения: 06.11.2022)
5. Сэй - Сенагон. Записки у изголовья. [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/SENAGON/pillowbook.txt> (дата обращения: 09.11.2022)

Эрцикова Г.А.

Орфоэпические нормы заимствованных слов в современном горномарийском языке

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева
(Россия, Йошкар-Ола)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-750

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению норм произношения заимствованных слов в современном горномарийском языке. В словарном составе исследуемого языка выделяются иноязычные единицы, которые издавна вошли в речь горных марийцев, прочно усвоены горномарийским литературным языком и не воспринимаются носителями языка как иностранные. В лексике горномарийского языка имеется большое количество слов, заимствованных из русского или посредством русского языка. Будучи усвоено языком-реципиентом, большинство заимствований подчиняется общим законам горномарийской орфоэпии. Имеются случаи проникновения иноязычных лексем в своем первоначальном виде.

Ключевые слова: горномарийский язык, словарный состав, иноязычные слова, орфоэпия, норма.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the pronunciation norms of borrowings in the modern Hill Mari language. In the vocabulary of the studied language foreign language units are distinguished, which have long been included in the speech of the Hill Mari. They are firmly assimilated by the Hill Mari literary language and are not perceived by native speakers as foreign. There are a large number of words borrowed from Russian or through the Russian language in the vocabulary of the Hill Mari language. Being assimilated by the recipient language, most of the borrowings obey the general norms of the Hill Mari orthoepy. There are cases of penetration of foreign lexemes in its original form.

Keywords: The Hill Mari language, vocabulary, foreign words, orthoepy, norm.

Пополнение словарного состава языка иноязычными лексемами происходило и происходит на всех этапах истории. Данный процесс является естественным и необходимым в развитии любого языка. Лексические заимствования являются результатом контактирования тех или иных этнических общностей. В словарном составе отражаются связи одного народа с другими в разные периоды его истории.

Изучение особенностей произношения заимствованных слов в современном горномарийском языке является одним из актуальных направлений марийской лингвистики, поскольку до настоящего времени лингвистами наибольшее внимание уделялось основным орфографическим особенностям, фонетическим, грамматическим и семантическим изменениям иноязычных единиц [см., напр., 1, с. 527–530; 5; 7; 11 и др.]. Работ, посвященных специальному изучению орфоэпических норм не только заимствованных, но и других единиц современного горномарийского языка, мало. С момента издания монографии А. А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке» [10], целью которой явилось «выявить, какие слова из русского языка заимствованы изустно (из уст в уста) наречиями марийского языка, какие изменения (фонетические, морфологические, семантические) произошли с русскими заимствованными словами в марийском языке, какие диалекты послужили источником для заимствования», прошло более полувека. С тех пор устная речь носителей горномарийского языка претерпела значительные изменения.

Отдельные правила современной горномарийской орфоэпии даны в трудах Л.П. Васиковой [2; 3; 4], роль русских заимствованных слов в устной современной горномарийской речи и наиболее распространенные ошибки, встречающиеся в современной речи горных марийцев, рассмотрены в работах Г.А. Эрциковой [12; 13], особенности горномарийского ударения обобщены в статье Н.М. Красновой [9], звуковые особенности в горномарийском языке проанализированы в работе Т.В. Янцукковой [14], об учете особенностей орфоэпии при обучении родному языку написано в статье Н.М. Красновой и Г.А. Эрциковой [15].

Марийский народ с давних времен вступал в контакты с различными народами. Результатом этого явились многочисленные иноязычные слова, проникшие в марийский язык из других языков. Будучи усвоена языком-реципиентом, иноязычная лексика, как правило, подчиняется законам развития этого языка. В лексике современного горномарийского языка имеются такие иноязычные слова, которые давно вошли в язык и уже полностью подчинились его лексическим, грамматическим и орфоэпическим нормам. Эти слова похожи на исконно марийские, и лишь при тщательном исследовании можно установить, что они когда-то были заимствованы из других языков. Например, слова *лём* [лём] ‘имя’, *вёйд* [вёт] ‘вода’, *санзал* [санцал] ‘соль’ восходят к индоевропейскому праязыку; *Йымы* [йымы] ‘бог’, *ёйдёр* [ёдёр] ‘девушка’, *вётё* [вётё] ‘жена’ – к индоиранскому праязыку; *вэрэш* [вэрэш] ‘ястреб’, *шёртнёй* [шёртнёй] ‘золото’, *миж* [миж] ‘шерсть’, *вэргы* [вэргы] ‘почки’, *равы* [равы] ‘жердь, шест’, *мышкынды* [мышкынды] ‘кулак’ – к иранским

языкам; *pört* [пöрт] ‘дом’, *týžem* [тýžэм] ‘тысяча’, *ydash* [йáдаш] ‘просить’ – к языкам «балтийского типа»; *kesý* [кэсы] ‘коза’, *olma* [óлма] ‘яблоко’, *tos* [тос] ‘приятель, друг, возлюбленный’, *poran* [пóран] ‘буран, метель’, *cyлан* [цýлан] ‘чулан’ – к тюркским языкам [Галкин 1986: 36–66] и др.

В современном марийском языке довольно большое количество слов, заимствованных из русского или посредством русского языка. В течение многих веков русские и марийцы были связаны не только территориальной близостью, но и тесными контактами в экономической, политической и культурной жизни. Это, естественно, обусловило взаимовлияние их культур, которое нашло отражение и в языке. На разных этапах развития языка количество русизмов в марийском языке постепенно рос [8, с. 2]. Так, по результатам исследований С.С. Сибатровой, «русских заимствований больше всего среди имен существительных – самого многочисленного лексико-грамматического класса слов. Судя только по словарям орфографических словарей, их насчитывается более 5,5 тыс.ед» [11, с. 374]. Русскими заимствованиями пополнился лексический состав и других лексико-грамматических слов, «за исключением послелогов, среди которых выявляются единичные примеры с основой-русизмом. Пополнение шло не только за счет многочисленных заимствований (которых тысячи и тысячи), в различной мере охватывающих части речи и их семантические группы, но и в результате собственного словопроизводства от основ и с участием русизмов, посредством использования префиксов русского происхождения, а также путем калькирования, полукалькирования и смыслового перевода» [11, с. 382]. Связи горных марийцев с русскими «были более древними... Соответственно и заимствования из русского языка начались намного раньше, а заимствованных слов оказалось значительно больше, чем в других наречиях марийского языка» [10, с. 84].

Большинство заимствованных слов в составе горномарийского языка имеет некоторые орфоэпические особенности, которые закреплены литературной нормой:

1. В именах существительных в именительном падеже в абсолютном конце слова на месте безударных букв **а, о, е, я** произносится горномарийский звук [ы] или [й]: *точка* [тóчки], *норма* [нóрмы], *наука* [наўкы], *Европа* [йэврóпы], *правило* [п ráвильы], *министерство* [мин^бист^бэрствы], *общество* [óбщэствы], *качество* [к áчэствы], *платье* [пл áт^бы], *пуля* [пúл^бы], *пустыня* [пустýн^бы], *кастрюля* [кастр^буль^бы], *конюшня* [кон^бушн^бы], *грузинка* [грузýнкý], *Америка* [амэрикý], *фонетика* [фонэнт^бикý], *грамматика* [грам áт^бикý], *частица* [част^бйцý] *печенье* [пэчэн^бы], *варенье* [варэн^бы] и др.

2. В именах существительных в родительном, дательном, винительном, местном, направительном падежах перед притяжательными суффиксами (кроме 1-го и 2-го лица единственного числа) и суффиксами **-влä-, -лык-, -де-, -ге-, -ла-** на месте конечных букв **а, о, е, я** произносится горномарийский звук [ы] или [й]: *каюта* – *каюты* [кайúтын], *каюте* [кайúтылан], *каюту* [кайúтым], *в каюте* [кайúтышты], *в каюту* [кайúтышкы], *его каюта* [кайúтыжы], *наша каюта* [кайúтына], *ваша каюта* [кайúтыда], *их каюта* [кайúтышты], *каюты* [кайúтывлä], *служащий для каюты* [кайúтылык], *без каюты* [кайúтыдэ], *вместе с каютой* [кайутыгэ], *подобно каюте* [кайúтыла]; *повидло* – *повидла* [повй?лбýн], *повидлу* [повй?лбýлän], *повидло* [повй?лбýм], *в повидле* [повй?лбýштý], *в повидло* [повй?лбýшкý], *его повидло* [повй?лбýжý], *наше повидло* [повй?лбýнä], *ваше повидло* [повй?лбýдä], *их повидло* [повй?лбýштý], *повидла* [повй?лбýвлä], *служащий для повидла* [повй?лбýлык], *без повидла* [повй?лбýдэ], *вместе с повидлом* [повй?лбýгэ], *подобно повидлу* [повй?лбýлä]; *полотенце* – *полотенца* [полот^бэнцýн], *полотенцу* [полот^бэнцýлän], *полотенце* [полот^бэнцýм], *в полотенце* [полот^бэнцýштý], *в полотенце* [полот^бэнцýшкý], *его полотенце* [полот^бэнцýжý], *наше полотенце* [полот^бэнцýнä], *ваше полотенце* [полот^бэнцýдä], *их полотенце* [полот^бэнцýштý], *полотенца* [полот^бэнцýвлä], *служащий для полотенца* [полот^бэнцýлык], *без полотенца* [полот^бэнцýдэ], *вместе с полотенцем* [полот^бэнцýгэ], *подобно полотенцу* [полот^бэнцýлä]; *пустыня* – *пустыни* [пустýн^бын], *пустыне* [пустýн^былан], *пустыню* [пустýн^бым], *в пустыне* [пустýн^бышты], *в пустыню* [пустýн^бышкы], *его пустыня* [пустýн^быжы], *наша пустыня* [пустýн^бына], *ваша пустыня* [пустýн^быда], *их пустыня*

[пусты́н^бышты], *пустыни* [пусты́н^бывля], *служащий для пустыни* [пусты́н^былык], *без пустыни* [пусты́н^быдэ], *вместе с пустыней* [пусты́н^быгэ], *подобно пустыне* [пусты́н^была] и др.

3. В именах существительных в обстоятельном падеже перед притяжательными суффиксами 1-го и 2-го лица единственного числа конечные буквы **а, о, е, я** не произносятся: *каюта – в каюте* [кай^бутеш], *моя каюта* [кай^бутэм], *твоя каюта* [кай^бутэт]; *повидло – в повидле* [пови^блэш], *мое повидло* [пови^блэм], *твое повидло* [пови^блет]; *полотенце – в полотенце* [полот^бэнцэш], *мое полотенце* [полот^бэнцэм], *твое полотенце* [полот^бэнцэт]; *пустыня – в пустыни* [пусты́н^бэш], *моя пустыня* [пусты́н^бэм], *твоя пустыня* [пусты́н^бэт] и др.

4. В именах существительных и в некоторых их формах конечные буквы **а, о, е, ё, я** произносятся как [а], [ä], [о], [э] или [йэ], [йо], [йа], [йя]: *кружка – кружки* [кру^бшкан], *кружку* [кру^бшкам], *в кружке* [кру^бшкэш], *кружки* [кру^бшкэвлä], *моя кружка* [кру^бшкээм], *их кружка* [кру^бшкэшты], *с кружкой* [кру^бшкэан], *без кружки* [кру^бшкэдымы], *вместе с кружкой* [кру^бшкэгэ]; *кино – кино* [кин^бон], *кино* [кин^бом], *в кино* [кин^боэш], *кино* [кин^бовля], *мое кино* [кин^боэм], *их кино* [кин^бошты], *без кино* [кин^бодымы], *вместе с кино* [кин^богэ]; *кофе – кофе* [коф^бэн], *кофе* [коф^бэм], *в кофе* [коф^бэш], *кофе* [коф^бэвлä], *мое кофе* [коф^бээм], *их кофе* [коф^бэшты], *с кофе* [коф^бэан], *без кофе* [коф^бэддымы], *вместе с кофе* [коф^бэгэ]; *Корье – Корье* [Кор^бйэн], *Корье* [Кор^бйэм], *Корье* [Кор^бйэвлä], *твой Корье* [Кор^бйэт], *их Корье* [Кор^бйэшты], *предназначенный для Корье* [Кор^бйэлык]; *мумиё – мумиё* [мумий^бон], *мумиё* [мумий^бом], *в мумиё* [мумий^бошты], *твое мумиё* [мумий^боэтдымы], *без мумиё* [мумий^бодэ], *с мумиё* [мумий^боан]; *соя – соя* [сой^бан], *сою* [сой^бам], *в сое* [сой^башты], *с соей* [сой^баан], *без соя* [сой^бадымы], *вместе с соей* [сой^багэ]; *Крещение – Крещения* [крэш^бэн^бйан], *для Крещения* [крэш^бэн^бйалан], *к Крещению* [крэш^бэн^бйэш], *с Крещением* [крэш^бэн^бйаан], *без Крещения* [крэш^бэн^бйаддымы]; *вишня – вишни* [виш^бн^бан], *вишню* [виш^бн^бам], *на вишню* [виш^бн^бэш], *вишни* [виш^бн^бэвлä], *моя вишня* [виш^бн^бээм], *их вишня* [виш^бн^бэшты], *с вишней* [виш^бн^бэан], *без вишни* [виш^бн^бэдымы], *вместе с вишней* [виш^бн^бэгэ] и др.

5. В именах существительных конечные буквы **я, е, й**, стоящие после гласного **и**, не произносятся: *история* [ист^бори], *орфография* [орфог^брафи], *категория* [кат^бэгори], *ориентация* [орийэн^бтаци], *полиция* [пол^бйици], *Азия* [äзи], *Словакия* [словäки], *сочинение* [сочин^бэн^би], *совещание* [совэш^бан^би], *общежитие* [общэж^бит^би], *соревнование* [сор^бэвнован^би], *калий* [кäl^би], *радий* [рäd^би], *санаторий* [санат^бори], *профилаторий* [профилат^бори] и др.

Исключением из этого правила являются слова: *Россия* [Ро^бсий], *гений* [гэн^бий], *кий* [кий], *полицейский* [пол^бицэйский].

6. В отдельных именах существительных конечные безударные буквы **а, о** не произносятся: *рама* [рам], *цифра* [цифр], *школа* [школ], *обжора* [обж^бор], *газета* [гäзэт], *минута* [ми^бнут], *тонна* [тон], *просо* [прос] и др.

7. Имена существительные, имеющие в языке-источнике только форму множественного числа, произносятся как в единственном числе: *часы* [чäш], *джинсы* [джинс], *весы* [вйсä], *каникулы* [кан^бйкул], *сутки* [с^бутка], *шорты* [шорт], *макаронны* [макар^бон], *финансы* [финанс], *шахматы* [шäхмат], *брюки* [бр^бу^бкы], *колготки* [колг^боткы] и др.

В отдельных случаях форма множественного числа имен существительных сохраняется, но словоизменение лексем происходит как в единственном числе: *чернила* [черн^била, черн^билавлä] – *чернил* [черн^билам, черн^билавлäm], *чернилам* [черн^билалан, черн^билавлälän], *о чернилах* [черн^била_гишан, черн^билавлä_гишан]; *духи* [духи, духивля] – *духи* [духи^бм, духивля^бм], *в духах* [духи^бшты, духивля^бшты], *на духи* [духи^блан, духивля^блан]; *очки* [очк^би, очкивля] – *в очках* [очк^бйан], *их очки* [очк^бивляшты], *для очков* [очк^бйлан, очк^бивля^блан] и др.

8. В словах со слогом **ци** или **цы** на месте буквы **и** или **ы** произносится звук [и]: *цирк* [цирк], *цинга* [цинга́], *циклон* [циклóн], *циркуль* [ци́ркул^б], *цилиндр* [цили́ндр], *ципци* [ци́пци], *цифра* [цифр], *цикл* [цикл], *цигарка* [цига́рка], *цыган* [ци́ган] и др.

9. В словах с удвоенными согласными произносится долгий согласный звук: *класс* [кла́с], *балл* [ба́л], *массаж* [ма́саж], *касса* [ка́сы], *массовик* [ма́сови́к], *подлинник* [пóдл^би́н^би́к], *подданство* [пóдданствы], *корректор* [ко́рэ́ктыр], *сессии* [сэ́си], *интеллигенции* [инт^бэ́лигэ́нци] и др.

10. В отдельных заимствованных из русского языка словах звук [ы] произносится так же, как и в русском языке: *сыр* [сы́р], *косынка* [косы́нky], *рынок* [ры́нык], *кавычка* [кавы́чкы], *привычка* [привы́чкы], *вывеска* [вы́вэскы], *выставка* [вы́ставкы], *дыня* [ды́н^бы], *кумыс* [кумы́с], *Крылов* [крыло́в] и др.

11. На месте окончаний имен прилагательных **-ий**, **-ый**, **-ой**, **-ая**, **-яя**, **-ое**, **-ее**, **-ие**, **-ые** произносятся звуко сочетания [-ий], [-ый], [-ой]: *парламентский комитет* [парла́мэ́нский_коми́т^бэ́т], *актуальный вопрос* [актуа́л^бный_йа́тмаш], *областной суд* [обласно́й_сут], *научная конференция* [нау́чный_конфе́рэ́нцы], *иностранная женщина* [иногоро́д^бный_йэ́дбэ́р^бма́ш], *натуральное масло* [натура́л^бный_ю́], *горючее вещество* [гор^бу́чий_вещество́], *казацкие песни* [каза́цкий_мы́ры], *кирзовые сапоги* [ки́рзывый_гэм] и др.

12. В именах прилагательных на месте буквы **ы**, стоящей перед конечной согласной **й**, произносится горномарийский звук [ы]: *личный* [л^бичный], *притяжательный* [пр^бит^бажат^бэл^бный], *именительный* [имэ́н^бит^бэл^бный], *номинативный* [номина́т^бивный], *неопределенный* [н^бэопр^бэд^бэл^бо́ный] и др.

13. В наречиях на месте конечной буквы **о** произносится горномарийский звук [ы]: *интересно* [инт^бэрэ́сны], *условно* [усло́вны], *конкретно* [конкрэ́сны], *компетентно* [компэ́т^бэ́сны], *квалифицированно* [квал^бифици́рованы], *профессионально* [профе́сиона́л^бны] и др.

14. Отдельные топонимы и антропонимы произносятся в том же роде и числе, что и в языке-источнике: *София* (город) [софи́я], *Ставрополье* [ставропо́л^бйэ], *Полесье* [пол^бэс^бйэ], *Красная горка* [красна́я_го́рка], *Минеральные воды* [мин^бэра́л^бныйэ_во́ды], *Святая Елена остров* [св^бата́я_йэ́лна_о́строф], *Святослав Мудрый* [св^батосла́ф_му́дрый], *Венера Милосская* [вэ́н^бэра_мило́ска́я], *Тимур Железная Пята* [т^биму́р_жэл^бэ́зна́я_п^бата́] и др.

При склонении окончания падежей подвергаются фонетическим изменениям согласно правилам горномарийского языка. Если топонимы и антропонимы состоят более чем из одного слова (являются составными), то изменению подвергается только последнее слово: *Софию* (город) [софи́ям], *в Софию* (в город) [софи́яшкы]; *в Ставрополье* [ставропо́л^бйэшты́], *Ставрополя* [ставропо́л^бйэн]; *в Полесье* [пол^бэс^бйэшкы́], *в Полесье* [пол^бэс^бйэшты́]; *в Красной горке* [красна́я_го́ркашты], *в Красной горке* [красна́я_го́ркаэш]; *в Минеральные воды* [мин^бэра́л^бныйэ_во́дышкы], *Минеральные воды* [мин^бэра́л^бныйэ_во́дым]; *на острове Святая Елена* [св^бата́я_йэ́лна_о́стровышты], *острова Святая Елена* [св^бата́я_йэ́лна_о́стровын]; *Святославу Мудрому* [св^батосла́ф_му́дрыйлан], *Святослава Мудрого* [св^батосла́ф_му́дрыйын]; *Венеру Милосскую* [вэ́н^бэра_мило́ска́ям], *Венере Милосской* [вэ́н^бэра_мило́ска́ялан]; *Тимуру Железной Пяте* [т^биму́р_жэл^бэ́зна́я_п^бата́лан], *Тимура Железной Пяты* [т^биму́р_жэл^бэ́зна́я_п^бата́н] и др.

15. Отдельные топонимы и фамилии людей, которые пишутся через дефис, произносятся так же, как и в языке-источнике: *Порт-Артур* [порт_арту́р], *Алма-Ата* [алма́_ата́], *Ростов-на-Дону* [росто́ф_на_дону́], *Мамин-Сибиряк* [ма́мин_сибир^бак], *Салтыков-Щедрин* [салтыко́ф_щэ́дрин], *Семенов-Тянь-Шанский* [сэм^боно́ф_т^бан^б_шанский] и др.

При склонении по падежам изменяется только второй компонент: *в Порт-Артур* [порт_арту́рышкы], *Порт-Артур* [порт_арту́рым]; *в Алма-Ате* [алма́_ата́шты], *Алма-Ату*

[алма́_ата́м]; в Ростове-на-Дону [ростóв_на_дону́шты], Ростову-на-Дону [ростóв_на_дону́лан]; Мамину-Сибиряку [ма́мин_сибир^ба́клан], Мамина-Сибиряка [ма́мин_сибир^ба́кым]; Салтыкова-Щедрина [салтыко́ф_щэдри́нб́ин], Салтыкова-Щедрина [салтыко́ф_щэдри́нб́им]; Семенову-Тянь-Шанскому [сэм^бо́ноф_т^бан^б_ша́нскийла́н], Семенова-Тянь-Шанского [сэм^бо́ноф_т^бан^б_ша́нскийб́ин] и др.

16. Отдельные сложные слова, которые пишутся через дефис, сохраняют произношение языка-источника. При склонении по падежам изменяется только второй компонент: *историко-филологического* [истóрико_филологичэскийб́им], *на историко-филологическом* [истóрико_филологичэскийб́иштб́и]; *в роман-газете* [ромáн_газэты́штб́и], *роман-газету* [ромáн_газэтлáн]; *диван-кровать* [д^бивáн_кравáт^бым], *на диван-кроватьи* [д^бивáн_кравáт^бэш] и др.

Таким образом, большинство иноязычных слов в горномарийском языке подчиняется его современным орфоэпическим нормам. В настоящее время процесс пополнения горномарийской лексики заимствованиями идет весьма активно. В лексическом составе современного горномарийского языка большое количество слов, заимствованных из русского языка, часть иноязычных слов проникает через русский язык. При этом важным является соблюдение норм горномарийской орфоэпии, так как это является важной частью речевого этикета человека. Правильное произношение того или иного слова, в том числе и заимствованного, облегчает, ускоряет процесс общения, характеризует культуру речи говорящего, позволяет судить о его образованности и воспитанности, показывает отношение человека к своему языку и своей культуре.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №20-012-00481*

1. Васикова Л. П. Кырык марла орфографи лб́мдер. Йошкар-Ола: «Мары Элб́ин периодика» изд-во, 1994. 593 с.
2. Васикова Л. П. Кырык марла орфоэпин тб́нг законвлáжб́и // У сем. 1996. №2. С. 137–139.
3. Васикова Л. П. Кырык мары орфоэпин тб́нг правилывлá (проект) // Жерá. 1998. 4 август.
4. Васикова Л. П. Кырык мары орфоэпин тб́нг правилывлáжб́и // У сем. 1998. № 1. С. 134–142.
5. Викстрём О, Зорина З. Звуковой строй горномарийского языка: монография. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2007. 192 с.
6. Галкин И. С. Марий исторический лексикологий. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986. 80 с.
7. Зорина З. Г. Звуковой строй современного горномарийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2007. 192 с.
8. Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 97 с.
9. Краснова Н. М. Ударение в горномарийском языке // Казанская наука, № 11. 2020. С. 149–152.
10. Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
11. Сибатрова С. С. Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с.
12. Эрцикова Г. А. Кырык мары орфоэпи дá сáмб́рб́иквлáн кырык марла попымы айыртемб́штб́и // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2020. С. 82–85.
13. Эрцикова Г. А. Русские заимствования в горномарийской речи и их использование современными носителями языка // Litera. 2020. № 12. С. 39–46.
14. Янцукова Т. В. Звуковые законы и процессы в современном горномарийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2020. С. 89–91.
15. Nadezhda M. Krasnova, Galina A. Ertsikova. HILL MARI ORTHOEPY: CONCEPT, RULES AND THE IMPORTANCE FOR FUTURE TEACHERS OF THE HILL MARI LANGUAGE // Proceedings of ADVED 2021 – 7th International Conference on Advances in Education 18-19 October, 2021 (Материалы 7-ой Международной конференции по развитию образования), 18–19 October 2021. Pp. 227–230.

Эшиев А.М.

Первичный тотем эпического сорокаплеменного Кыргыз журту*Жалал-Абадский государственный университет имени Б. Осмонова
(Кыргызстан, Жалал-Абад)*

doi: 10.18411/trnio-12-2022-751

Аннотация

В статье речь идет о тотеме волк, первоначального тотема первобытных кыргызов (бурутов (волков)). Главным тотемом-предком тюркских родов Хунну, Ашина, Аспар (es-bori), эпонимов Огуз-хан, Манас, Чингизхан считался волк. По эпосу сорок чилтены – это (сорок) люди-волки (онгоны), покровители и доброжелатели кыргызских племен, которые воплотили в себе коллективный образ жизни. Подчеркивается, что амбициозные, честолюбивые дикие животные тигр, барс, медведь, не могли быть тотемами кыргызов, ибо они животные, персонифицирующие индивидуальный образ жизни.

Ключевые слова: Тотем волк, кыргыз (бурут), чилтены (онгоны), род, племя, эпоним, этноним, эпос «Манас».

Abstract

The article deals with the wolf totem, the original totem of the primitive Kyrgyz (Buruts (wolves)). The main totem-ancestor of the Turkic clans Hunnu, Ashina, Aspar (es-bori), eponyms Oguz Khan, Manas, Genghis Khan was considered a wolf. According to the epic, forty chiltens are (forty) wolf people (ongons), patrons and well-wishers of the Kyrgyz tribes, who embodied the collective way of life. It is emphasized that the ambitious, ambitious wild animals tiger, leopard, bear, could not be the totems of the Kyrgyz, because they are animals personifying an individual way of life.

Keywords: Totem Wolf, Kyrgyz (Burut), Chiltens (Ongons), clan, tribe, eponym, ethnonym, epic “Manas”.

В эпосе «Манас»:

Угуз уулу Манаска мазак болду... (Сыну Угуза Манасу насмешка ...)

Кыргыздын он төрт беги (Четырнадцать глав племен кыргызов) Ушу болду Кошойго айткан кеби (Так и сказали Кошойю) [5, с. 8].

Это из речи ханов (и беков) крупных этнических единиц Кыргыз журту, представляющие племена кыпчак, казак, ногой, эштек, окчо, жедигер и т.д. Манас называется сыном Угуз хана, т.е. кыргызские родоплеменные правители были осведомлены о своих предках, в том числе о (восьмом) предке Огуз хане.

В «Огуз-наме»: «На рассвете в шатер Огуз-кагана проник луч, подобный солнечному. Из того луча возник сивошерстный, сивогривый большой волк и произнес: «Теперь двигайся с войском, Огуз-каган. Веди сюда народ и беков, я буду тебе показывать дорогу» [7, с. 37, 46]. Монгольская хроника «Сокровенное сказание» сообщает о рождении Чингисхана: «Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по соизволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал». В переводе с монгольского Бурте-Чино – «серый волк», Гоа-Марал – «прекрасная лань» [3, с. 179]. В источниках говорится о “синем”, “сивошерстном, сивогривом”, “сером” волках, т.е. устойчивая цветовая символика колоративной лексики (“көк бөрү”, “көк жал”, “көк серек”) в «Манасе», «Огуз-наме», «Сокровенном сказании» в целом совпадают.

Примечательно, что первоначальными предками тюркских родов Хунну, Ашина, рода Аспар (es-bori), эпонимов Огуз-хан, Манас, Чингизхан считались волки. По всей видимости, кыргызский «этноним “чети бөри” (в формах чедибер, чедигер, четпер)» [1, с. 69] сформирован из семи фратрийных племен рода бөрү. В родоплеменной структуре адигине, правого крыла кыргызов, имеется племя бөрү. Кыргызские роды, причастные к наименованию (тотему) бөрү (волк), могли бы считаться самыми древнейшими этнонимами.

В эпосе «Манас»:

Кызматта жүргөн кырк чилтен (Служивые сорок чилтены) Бир силкинип бирөөбү (Один из них встряхнулся) Көк бөрү болуп калганы (И, превратился в синего волка) [4, с. 97].

По эпосу сорок чилтены – это (сорок) люди-волки (онгоны), покровители и доброжелатели кыргызских племен. Они защищают еще юного, неокрепшего Манаса в трудные моменты жизни. Человек-чилтен мог превращаться в волка и наоборот. В эпосе речь идет о синих волках, которые могли бы идентифицироваться с историческими аналогичными древнетюркскими тотемами.

В эпосе «Манас»:

Бөрү болгон биз деди ... (Мы есть - волки ...) Кызыр Иляс деген бар, (Есть некий Кызыр Иляс,)

Сизди кырк күндөн бери издеди. (Вас искал сорок дней.) Кырк чилтен деген биз деди (Мы есть - сорок чилтены) [4, с. 114]

Здесь сорок чилтены сообщают Манасу, что его сорок дней искал Кызыр Иляс. Это могло бы означать, что древний духовный мир сорокаплеменных кыргызов (в лице сорока чилтенов) сотрудничал с последующими духовно-религиозными субъектами (в лице агниома Кызыра Иляса). В башкирской культуре Хызыр-Иляс — это «имя пророка, бродящего по земле в облике старика, странника в белом или нищего и приходящего на помощь в нужный момент», «духа дороги» [Хисамитдинова, 2010, 336]. В работе азербайджанской исследовательницы Х.А. Бабаевой выделяются функциональные особенности образа Хызыр-Иляса в тюркских дастанах «Манас», «Деде Коркыт» и «Алпамыш» [Babayeva, 2013]. ... Хызыр / Хидр в мусульманской мифологии — образ, вобравший в себя черты разных мифологических персонажей доисламского Ближнего Востока» [6].

В эпосе «Манас»:

Хан Жакып айтып болгону, (Закончил рассказ хан Жакып,) Кайышып бала толгонду. (Изгибался в корчах юноша.) Кайда кетип калды экен, (Куда же запропастились,)

Бөрү болгон кырк киши, (Те сорок людей-волков,)

Кайда экен деп ойлонду. (Задумчиво смотрел по сторонам.) [4, с. 137].

Услышав от отца родословную предков и нелицеприятную текущую ситуацию, юноша Манас в какое-то определенное время был на грани инертности. Все это время за сыном вкрадчиво внимательно следил хан Жакып. Однако через некоторое время с высоко поднятым красным знаменем, вновь появились сорок чилтены.

В эпосе «Манас»:

Кырк кишини көргөн соң (Только увидев сорок чилтенов) Кыйкырыгы баш жарып, (Безмерно возрадовался, возликовал,) Бала күлүп калганы (Так рассмеялся юноша) [4, с. 37].

Следовательно, добрый молодец сильно нуждался в морально-психологической поддержке сорока людей-волков. Надо отметить, что красный флаг был главным государственным символом предков Манаса, Кыргыз журту, как и у сорока чилтенов.

В эпосе «Манас»:

Жабырлашып кырк чилтен (Сорок чилтены всей гурьбой) Балага келип калганы ... (К юноше подошли ...) Анда чилтен кеп айтат: (Тогда чилтены произносят:) Ак буйругу биздики, (Повеление бога Ак наше,) Аскердин баары сиздики. (Все это войско ваше.) [4, с. 138-139].

Заново появившиеся сорок чилтены привели с собой многотысячное превосходно экипированное войско. Здесь чилтены сообщают юноше Манасу, что по повелению бога Ак, все это войско принадлежит ему.

Бөлүнсөң бөрү жеп кетет, (Отделившегося съест волк,) Бөлүнүп калды кыргыз деп, (Вот, мол, кыргызы разобшились,) Бөлөк элге кеп кетет. (Так и разносится молва инородцам.) [5, с.195]

Это из речи хан Бакая (старший двоюродный брат Манаса) в назидание эр Чубаку, и в поддержку эр Алманбета. Видимо, эпическая строка “Бөлүнсөң бөрү жеп кетет” (“Отделившегося съест волк”) – это одна из древних кыргызских поговорок, которая могла формироваться еще на заре возникновения тотема волк.

Очевидно, первичным тотемом кыргызов был волк (бөрү). Тотем волк, должно быть, тесно связан с изначальным древним этнонимом кыргызов – бурут (бөрүлөр; волки). «Сплоченность волков в стаю, распределение функций внутри стаи (“законы” стаи) напоминали древним людям их собственных коллектив, что и вело к представлениям о родственной связи людей с волками» [2, с. 54]. Каждый чилтен (волк) мог представлять одно из племен сорокаплеменного Кыргыз журту. Вероятнее всего, впоследствии из первичных сорока племен бурутов, представителями которых являлись эпические (сорок) онгоны-волки, образовался журт (военно-политический союз) из сорока родственных племен: Кырк (сорок), Ок (племя), Аз (глобальный эпоним) – Кыргыз. Эпические сорок чилтены-волки, как мифологический пласт эпоса, очередное удачное творческое сочинение первого манасчи-интеллектуала, вдохновляющее соотечественников на новые свершения в алтайском периоде изгнания.

Надо отметить, что амбициозные, честолюбивые дикие животные тигр (жолборс), барс (илбирс), медведь (аюу), пожалуй, не могли быть тотемами кыргызов, ибо они животные, персонифицирующие индивидуальный образ жизни. Однако имена (прозвание; титул) Тигр, Барс, Медведь, как символ силы, отваги и гармоничности, могли присваиваться отличившимся доблестным героям, витязям и отважным защитникам родов и племен.

1. Бутанаев В. Я. Историческая ономастика Южный Сибири. Бишкек: «Махprint», 2013.
2. Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996.
3. Козин С. А. Сокровенное сказание Монгольская хроника 1240 года. М.-Л., 1941.
4. Манас. Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. I китеп. – Фрунзе, 1984. (Манас. По варианту Сагымбая Орозбакова. I книга).
5. Манас. Сагымбай Орозбаковдун варианты боюнча. IV китеп. Фрунзе, «Кыргызстан», 1982. (Манас. По варианту Сагымбая Орозбакова. IV книга).
6. Хазиева Г. С. Агионим Хызыр-Ильяс в локальных культурных традициях татар. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/93946/1/vopon_2020_3_15.pdf
7. Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.

LJournal

Научно-издательский центр

Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№92, Декабрь 2022**

Часть 16

Подписано в печать 31.12.2022. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л. 6,67
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович